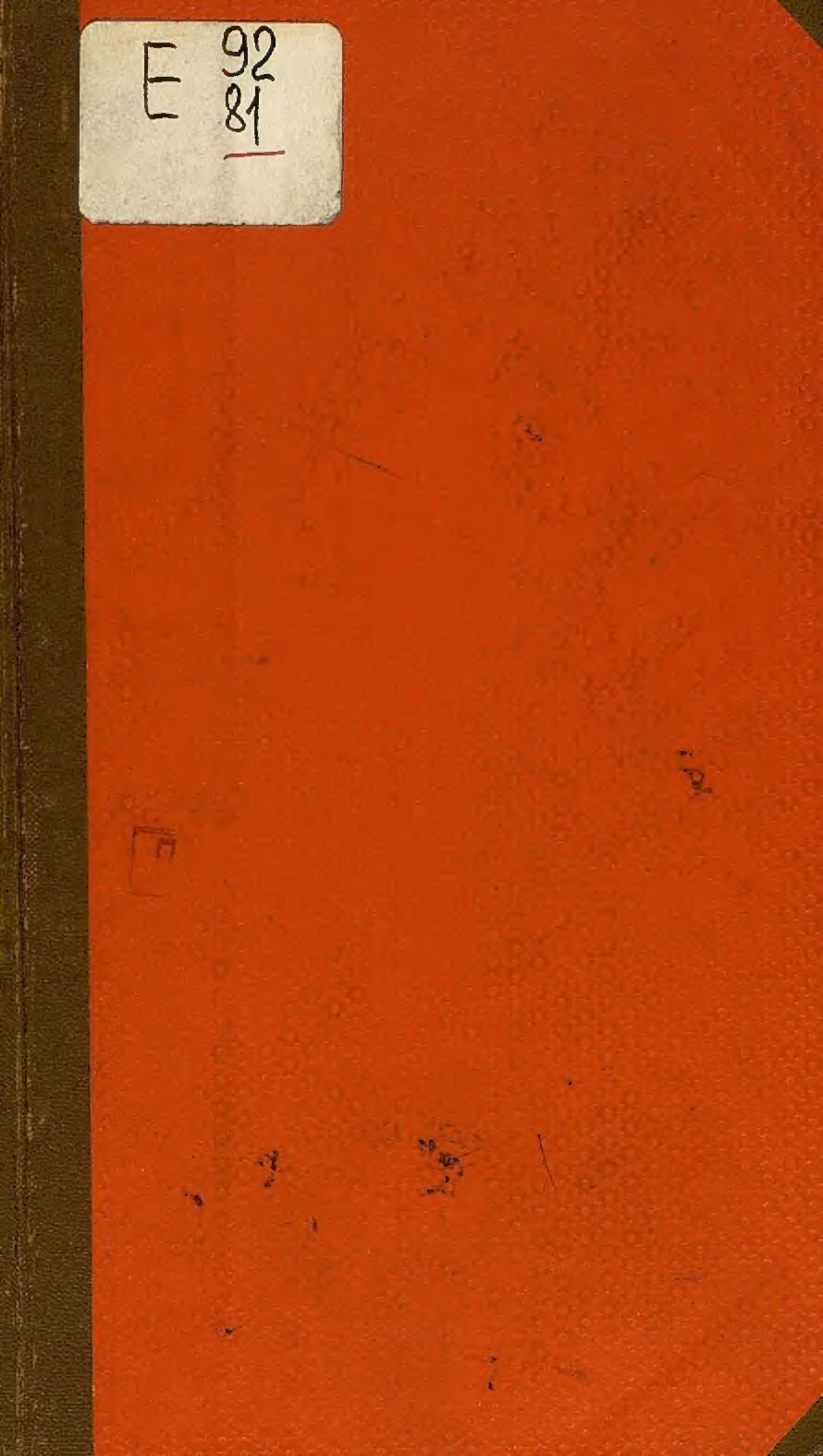
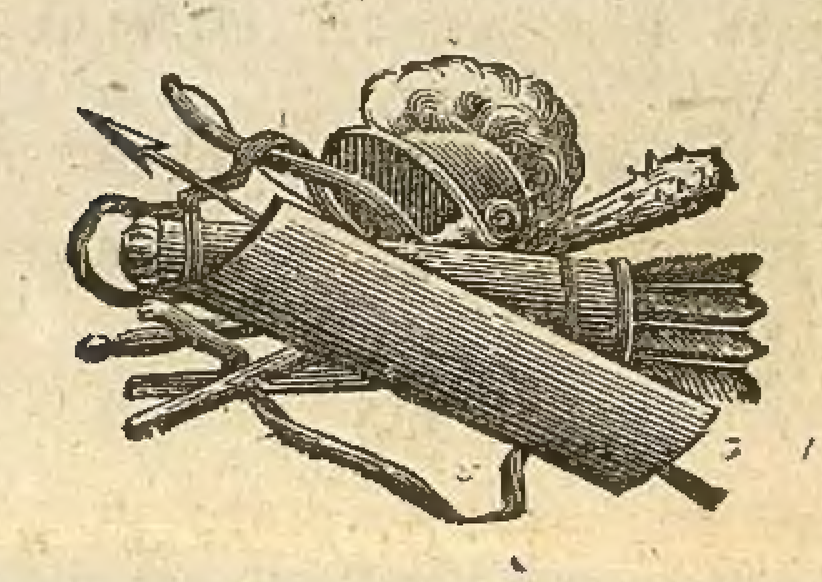

E 92
81

ИСТОРІЯ
ГОРОДА
УГЛИЧА

Сочиненная

Угличскаго Уѣзднаго Училища Учителемъ

Историческихъ наукъ

ѲЕДОРОМЪ КИССЕЛЬ.

ЯРОСЛАВЛЬ.

Въ Губернской Типографіи.

1844 ГОДА.

Печатать позволяется: съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Іюня 4 дня 1841 г.

Цензоръ Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ

И. Снегиревъ.

ЕГО СІЯТЕЛЬСТВУ,

ГЕНЕРАЛЪ ЛЕЙТЕНАНТУ, ГЕНЕРАЛЪ-

АДЪЮТАНТУ,

ПОПЕЧИТЕЛЮ

Московскаго Учебнаго Округа

и разныхъ Орденовъ Кавалеру

СЕРГІЮ ГРИГОРЬЕВИЧУ

Графу

СТРОГАНОВУ.

Ободренный вниманіемъ Вашего Сіятельства, съ глубочайшимъ почитаніемъ честь имѣю посвятить мой слабый трудъ Сіятельному и благодѣтельному имени Вашему.

Ѳедоръ Киссель.

КЪ ЧИТАТЕЛЮ.

Да проститъ меня Критика и всякій читатель, что я писалъ Исторію Углича не тѣмъ важнымъ слогомъ, который приличенъ и достоинъ важности историческихъ истинъ. Что часто отступалъ отъ Исторіи Углича, чтобы пояснить ее Исторіею Россіи. Что я рѣдко указывалъ на источники, откуда что почерпалъ.

Причины: первая и главная, изъ которой всѣ другія слѣдуютъ, что я *писалъ Исторію Углича собственно для Угличанъ.* 2.) Потому не могъ удержать важнаго историческаго слога, который показался бы для Угличанъ сухъ и скученъ. 3.) Исторія Углича столько же связана съ Исторіею Россіи, какъ и Угличь со всею Россіею и Угличане совсѣмъ Русскимъ; потому Исторія Углича была бы не полная и не вездѣ понятная безъ поясненія ее Исторіею Россіи. 4.) Указавши разъ на источники Угличской Исторіи, я не хотѣлъ охлаждать вниманіе читателя частыми ссылками, чтобъ не отвлечь его отъ главной матеріи. 5.) Съ намѣреніемъ разнообразилъ предметъ сочиненія, чтобы вѣрнее достигнуть цѣли—*развить охоту къ чтенію и вѣру въ пользу наукъ.*—Словомъ, я писалъ такъ, а неиначе, потому, что писалъ для Угличскихъ гражданъ.

КЪ ГРАЖДАНАМЪ УГЛИЧА

Вмѣсто вступленія.

Сограждане! позвольте на нѣсколько минутъ занять ваше вниманіе близкими вашему сердцу родными вамъ происшествіями славнаго въ Исторіи Углича!

Сколько любопытно, пріятно, столькоже и полезно намъ, мысленно проникнуть въ сѣдую древность и умственнымъ взоромъ созерцать вѣка прошедшія, почерпать въ ней мудрые уроки для настоящей жизни, и пояснять ихъ для будущихъ поколѣній.

Мы теперь подъ мощною десницею Самодержавнаго Монарха наслаждаемся миромъ, тишиною, спокойствіемъ и неразлучнымъ съ ними счастіемъ; ибо Онъ промышляетъ объ насъ, какъ отецъ промышляетъ о своихъ дѣтяхъ. Но обратимся за нѣсколько вѣковъ назадъ и посмотримъ, что происходило на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ мы нынѣ живемъ и наслаждаемся всѣми благами Творца вселенныя и попечительнаго Монарха; посмотримъ, что было прежде натомъ мѣстѣ, гдѣ мы въ счастіи прославляемъ Бога, молимся за Царя, гдѣ просвѣщается юношество, гдѣ всякій изъ насъ свободно располагаетъ сво-

ими благами, гдѣ каждый изъ насъ долженъ трудиться для добродѣтели, чести, славы и пользы, гдѣ мы должны насаждать добро для своихъ потомковъ, какъ теперь сами его пожинаемъ, насажденное нашими отцами.—Словомъ, каждый шагъ попираемой земли въ Угличѣ освященъ для насъ подвигами предковъ, омытый ихъ кровію; каждый камень, оставшійся отъ крѣпости, Церквей и Дворцовъ раскажетъ намъ умилительную повѣсть въ урокъ грядущему потомству.

Карамзинъ сказалъ: и дымъ отечества сладокъ! Но мы неоставляли нашего отечества, и покоясь въ нѣдрахъ его, тѣмъ болѣе должны чувствовать: сколь любезно намъ отечество, сколь мила намъ родина, сколь священъ намъ прахъ родительскихъ гробовъ!

Прочитавъ Исторію роднаго Углича, какъ пріятно будетъ намъ воспоминать о славныхъ подвигахъ предковъ: на полѣ чести, въ мирной добродѣтели, въ быту гражданскомъ и въ промыслахъ торговли.

Исторія есть тысячелѣтній, пріятный и поучительный расказъ, о всѣхъ вѣкахъ, о всѣхъ странахъ и о всѣхъ людяхъ; а Угличская Исторія раскажетъ намъ о нашихъ собственно пред-

кахъ. Кому непріятно будетъ, перенесясь мысленно въ прошедшее, бесѣдовать съ предками, созерцать современныя имъ произшествія, постигать причины оныхъ, и отгадывать слѣдствія, соприкосновенныя потомкамъ и по нынѣ.—Предки наши, вмѣстѣ съ кровію перелили въ насъ все, что занимало ихъ жизнь, наполняло ихъ душу и тѣшило ихъ сердце.—Мы образуемся, просвѣщаемся и вообще совершенствуемся, но воздвигаемъ храмъ нашему просвѣщенію и вмѣстѣ счастію на фундаментѣ, положенномъ нашими отцами.—Вотъ главные наслѣдственные наши свойства: глубокая, твердая и постоянная вѣра въ провидѣніе, глубокая и пламенная любовь къ отечеству и Монарху, намъ только свойственная, а потомъ отличительный Русскій благородный характеръ, довѣрчивость, гостепріимство и множество другихъ свойствъ. Есть прямое наслѣдіе наше отъ предковъ нашихъ.

Читая Исторію Углича, мы увидимъ въ ней, сколько пріятнаго, занимательнаго и поучительнаго, столько же непріятнаго, жалкаго и ужаснаго; но она всегда для насъ должна быть священна.—Добро и зло всегда, какъ и теперь владычествовали надъ человѣкомъ, и потому уроки прошедшаго, предостерегая насъ отъ зла

и заблужденій, послужатъ къ будущему нашему благополучію.—Угличъ, своею древностію современенъ Кіеву, Смоленску, Новгороду; но онъ долго еще необращалъ на себя взоровъ Исторіи; во первыхъ потому, что тогда нѣкому и нѣкогда было писать Исторію, ибо набѣги варягъ и дикихъ выходцевъ Азіи наводили страхъ повсюду и дѣлали каждый день невѣрнымъ для мирнаго Славянина; во вторыхъ потому, что чувство самосохраненія, до того угнѣтало и озабочивало нашихъ предковъ, что только тотъ почиталъ себя счастливымъ, кто успѣвалъ сохранить себя и жизнь милаго ему семейства отъ звѣроподобныхъ дикарей. Слѣдовательно трудно было въ тогдашнихъ обстоятельствахъ развиться полной Славянской жизни.

Угличъ имѣлъ болѣе двадцати своихъ Князей и многихъ Намѣстниковъ, имѣлъ отдѣльную свою жизнь и Исторію, и достославенъ своими историческими событіями. Изъ самой глубокой древности Угличъ является обширнымъ и многолюднымъ, обладая пригородами, волостями и цѣлыми областями, процвѣталъ и благоденствовалъ, былъ славенъ, грозенъ и могуществевенъ, и только съ кончиною Царевича Димитрія Святаго бѣдственно угасъ, для отдѣльной Углич-

ской Исторіи: Онъ слился съ великою Исторіею безконечной Россіи.

Читая Исторію Углича, сколько разъ сердце трепещетъ отъ радости: то удивляясь геройскимъ подвигамъ Угличанъ, то благоговѣя предъ добродѣтелью, то пламенѣя душой къ Угличскимъ Святымъ; но какое сердце необольется кровію при шестикраткомъ истребленіи города и его мирныхъ гражданъ. Враги человѣчества не пощадили, ни людей, ни церквей, ни самой Святыни.

Любя Исторію и проживши въ Угличѣ восемъ лѣтъ, я съ великимъ удовольствіемъ собиралъ, покупалъ и съ жадностію читалъ старинныя полуистлѣвшія рукописи о древнихъ событіяхъ Углича, и будучи обязанъ этимъ удовольствіемъ древнимъ лѣтописцамъ, я и самъ рѣшился, изъ полуистлѣвшихъ многихъ рукописей составить Исторію Углича, сколько возможно полную, въ систематическомъ и хронологическомъ порядкѣ; старался свѣрить, пояснить и распространить событія и произшествія Исторіями: *Глинки, Карамзина и Полеваго, заимствовалъ много также изъ собранія древнихъ актовъ, изъ собранія государственныхъ грамотъ и договоровъ.*—

Цѣль моего сочиненія состоитъ въ томъ: 1.) Чтобы *собрать* многочисленные и разновременные отрывки объ Угличѣ *въ одно цѣлое.* 2.) Чтобы перевести всѣ рукописи изъ Славянскаго языка на Русскій *и возобновить* полуистлѣвшіе памятники старинныхъ вѣковъ, *и недопустить на истребленіе* всепожирающему времени. 3.) Кромѣ собственно Исторіи Углича, которая составляетъ первую часть, я довольно подробно *описалъ и нынѣшнее состояніе Углича* въ Статистическомъ отношеніи. 4.) Собралъ и описалъ всѣ свѣденія о торговлѣ Угличанъ, какъ древнихъ, такъ и нынѣшнихъ ея успѣхахъ.— Все это составитъ *Вторую часть Исторіи Углича.*

Не многіе Русскіе города имѣютъ подробную свою Исторію, тѣмъ пріятнѣе Угличу, столь древнему и столь славному—представить свѣту свою Исторію и Статистику.—Намъ было бы грѣхъ не передать того потомкамъ, что сами получили отъ прѣдковъ. Вотъ единственная цѣль моего сочиненія.

Все сказанное мною въ Исторіи Углича, основано на древнихъ манускриптахъ, находящихся въ разныхъ рукахъ Угличскихъ граждапъ, также при Церквахъ и Монастыряхъ.

Сочинитель

ИСТОРІЯ УГЛИЧА.

НАЧАЛО И ПРОИСХОЖДЕНІЕ ГОРОДА УГЛИЧА.

Во мракѣ язычества, въ бурное Княженіе корыстолюбиваго Игоря, когда слабые разсѣянные славянскіе племена собирались подъ благотворную хоругвь единодержавія, когда Игорь усмиривши древлянъ, возвратился въ Кіевъ, обремененный плѣномъ и добычею; тогда Полководецъ Игоря Свенельдъ съ отдѣльною дружиною покорилъ Угличанъ. Народъ Славянскаго племени, жившій на рѣкѣ Угли. По разысканію Карамзина, Углою называлась нынѣшняя рѣка Орѣла, впадающая въ Днѣпръ въ Екатер. губер. Свенельдъ, покоривши Угличанъ, переселилъ ихъ въ Ростовскую область на Волгу. Это говорятъ Углич. лѣтописи. Татищевъ подтверждаетъ это говоря, что тотъ же Свенельдъ, но уже Полководецъ В. К. Владиміра, побѣдивши Угличанъ, переселилъ ихъ въ Ростовскую область на берега Волги.

Два лѣтописца говорятъ объ одномъ и томъ же событіи: конечно это заслуживаетъ вѣроя-

тіе. Впрочемъ ошибка одного могла ввести въ ошибку и другаго; ибо переселеніе народа въ тогдашнихъ обстоятельствахъ дѣло несбыточное. Политика и цѣль тогдашнихъ войнъ непростиралась далѣе добычи и дани, которую побѣдители брали съ побѣжденныхъ. Исторія того времени непредставляетъ ни одного случая, которыми бы можно было подтвердить, или пояснить переселеніе Угличанъ.

Игорь, побѣждая народы, бралъ съ нихъ данъ, но непереселялъ ихъ съ Юга на Сѣверъ. Мудрая Ольга, путешествуя по Россіи, учреждала вездѣ порядокъ и благоденствіе своей Монархіи; но нигдѣ невидно, чтобъ она переселяла народъ съ одной страны въ другую. Святославъ, всю жизнь свою занимался войною, и нетолько непереселялъ народовъ съ Юга на Сѣверъ, но и самъ было поселился на берегахъ Дуная.

Ярополкъ, убившій Олега и самъ былъ убитъ Владиміромъ. Владиміръ воздвигнувшій христіанство, и построившій многіе города въ Россіи, всѣми силами старался заселить, застроить и укрѣпить Югъ Россіи, чтобы надежнѣе противиться напирающей силѣ Азіатскихъ выходцевъ. Притомъ же, что за необходимость бы-

на переселять народъ изъ страны благословеннаго Юга, изъ страны теплой, плодоносной и богатой, въ холодный и безплодный сѣверъ, въ трущобу лѣсовъ, въ то время непроходимыхъ. Исторіографъ Карамзинъ четыре раза упоминаетъ объ Угличанахъ въ 1-мъ томѣ Истор. Г. Россійск., ноединственно для того, чтобы доказать несбыточность переселенія Угличанъ, и даже отвергаетъ существованіе сего народа. Во первыхъ, исчисляя Славянскія племена, называетъ, на стр. 280 Угличанъ, или Суличанъ по имени рѣки Угли или Суллы, впадающей въ Днѣпръ.

Во вторыхъ говоритъ, что въ Воскресенской и другихъ лѣтописяхъ упоминается, что Аскольдъ и Диръ за нѣсколько времени до Константинопольскаго похода воевали съ древлянами и Угличанами; потомъ говоритъ, что для объясненія зависти Игоревыхъ воиновъ прибавлено слѣдующее: и бѣ унего Воевода Свенельдъ, и примучи Угличанъ и возложи нань и вдастъ и Игорь Свенельду: и невдашеся ему Свенельду единъ градъ Пересеченъ, и сѣдѣ около его три лѣта, и одва взятъ его. И бяше, сидяще Угличи обонь полъ Днѣпру внизъ, и посемъ придоша межи Воинъ и Днѣпръ и ес-

дяше тамо, и дастъ Игорь Древскую дань Свенельду: и рѣша дружина Игорева: *ее далъ еси единому мужеви много.*"! И такъ, продолжаетъ Карамзинъ;„ подъ именемъ Угличей (если оно неописка вмѣсто Суличей) надлежало бы разумѣть Славянъ, которые обитали нѣкогда близь рѣки *Орели,* поселились наконецъ не далеко отъ Переславля и Кіева, гдѣ былъ городъ Пересѣчень. Извѣстіежъ о притѣсненныхъ мнимыхъ Угличанахъ и щедрости Игоревой, несогласно съ сказаніемъ Нестора, который со всѣмъ не упоминаетъ объ Угличанахъ въ своемъ подробномъ исчисленіи Славянскихъ племенъ."

Слѣдовательно, намъ невозможно согласиться, чтобы Угличане, или Суличане были переселены когда нибудь и какъ нибудь съ Днѣпра на нынѣшнее мѣсто Углича; тѣмъ болѣе, что и существованіе Угличанъ очень сомнительно.

Есть еще люди, которые производятъ слово Угличъ отъ угля; что на мѣстѣ нынѣшняго Углича жгли уголья. Для опроверженія этаго мнѣнія, стоитъ только вспомнить, что за тысячу лѣтъ, когда являлись Россія и Угличъ, то не умѣли и лошадь подковать, слѣдовательно не было нужды въ тогдашнее время жечь уголья, торговать ими и называться Угличанами. (*)

(*) Они скорѣйбы и естественнѣе назвалися угольниками, а не Угличанами.

Предки наши-Славяне, идя съ Дуная на Сѣверъ, раздвигались и разселялись по теченію рѣкъ: по Днѣстру, Бугу, Вислѣ, Днѣпру, Волгѣ и другимъ рѣкамъ, найдя удобное мѣсто для поселенія и выгодное для пропитанія. Такимъ образомъ, на мѣстѣ нынѣшняго Углича, на высокомъ берегу хрустальной Волги, на прекрасномъ мѣсто-положеніи на самомъ *углу* поселилось нѣсколько семействъ, или цѣлое племя. Новопоселенцы помѣстились сначала въ шалашахъ, потомъ уже построили себѣ хижины и занялись пропитаніемъ своей жизни. Они размножались постепенно новыми пришельцами, которые были привлекаемы пріятностію и выгодами общественной жизни и мѣстными удобствами.

При самомъ своемъ рожденіи деревенька Угличъ, росла, расширялась, увеличивалась и развивалась въ своихъ силахъ и средствахъ, подобно Вавилону, Карфагену, Аѳинамъ, Риму и другимъ селеніямъ, которыя въ послѣдствіи сдѣлались историческими городами. Въ тоже время и такимъ же образомъ и другія семейства разселялись по Волгѣ выше, или ниже *Угольныхъ Славянъ.*

Теперь посмотримъ, откуда произошло слово *Угличъ?* Жители сосѣднихъ Угличу деревень

спрашивая и отвѣчая на вопросы другихъ, обыкновенно говорили: откуда? съ *угла*; куда идешъ? на *уголъ* къ *Угличанамъ*;—что за люди? *Угличане*; съ кѣмъ ты говорилъ? съ Угличанами.— Однимъ словомъ, кто только говорилъ объ жителяхъ живущихъ на углу, по необходимости долженъ былъ называть ихъ *Угличанами*; слѣдовательно названіе *Угличъ* естественно произошло отъ крутаго угла Волги, на которомъ поселились первые Славяне.

Время населило, распространило, увеличило и умножило деревеньку Угличъ; время поселило, соединило и проявило жизнь и во всей Россіи. Но долго Угличъ не былъ еще городомъ, и еще долѣе историческимъ городомъ.

Уже Кіевъ, Смоленскъ, Новгородъ мечемъ, политикою и торговлею вписали себя въ скрыжали Исторіи; уже Рюрикъ княжитъ въ Новгородѣ, уже Кіевъ цвѣтетъ многолюдствомъ, торговлею и славою своего оружія, уже христіанская вѣра согрѣла холодныя сердца язычниковъ, уже и Угличане научились поклоняться Христу Спасителю міра: но все еще не успѣли прославиться и обратить на себя взоровъ Исторіи.

Впрочемъ древніе Угличскіе лѣтописи, особенно Серебряниковская и Супоньевская под-

робно говорятъ о происхожденіи Углича еще во времена язычества.—Они повѣствуютъ между прочимъ, что Княжичъ и Великій Бояринъ по имени *Янъ, родомъ Псковичъ* братъ (или родственникъ) Великой Княгини Ольги, объѣзжая всѣ области Россіи, посѣтилъ также и Угличъ, чтобъ устроить въ немъ порядокъ управленія и собранія Княжескихъ пошлинъ. Неизвѣстно, прежде-ли, послѣ, или вмѣстѣ съ В. К. Ольгою Янъ пріѣзжалъ въ Угличъ, только во всякомъ случаѣ Угличъ уже былъ довольно многолюденъ, когда нуждался въ порядкѣ управленія.

Янъ остановился въ Угличѣ и прожилъ въ немъ довольно долго, исполняя наказъ родственницы своей В. К. Ольги, и до того плѣнился Угличемъ, что пожелалъ имѣть въ немъ свою собственность—свое жилище. Онъ испросилъ себѣ у В. К. Ольги позволеніе и построилъ себѣ домъ со всѣми службами на крутомъ берегу Волги *на Янесъ полѣ,* отъ чего произошло названіе впослѣдствіи *Угличье Поле.* Это примѣчательное событіе для Углича случилось около 950-го года по Рождествѣ Христовѣ, за 7-мъ лѣтъ до принятія Ольгою христіанской вѣры. *Яново поле* кромѣ того, что во всѣхъ Угличскихъ лѣтописяхъ упоминается, но изустное преданіе со-

хранило его даже до сего времени; теперь оно застроено кожевенными заводами. Вотъ, что говорятъ лѣтописи:

»Преславный Богоспасаемый градъ Угличъ начася съ давнѣйшихъ и незапамятныхъ временъ; и по времени устроися, возвеличишася и тако плѣни взоры Янови. Янъ же пріятъ отъ Великаго Князя Игоря повелѣніе, воеже наизбранномъ мѣстѣ тѣхъ Углянъ, поставити градъ елико мощно. И вдася Игорь въ руки Печенегъ, и градъ начася строитися изволеніемъ В. К. Ольги. Итако, на мѣстѣ приуготовленномъ самымъ Промысломъ Божіимъ на правой сторонѣ Волги, создася градъ велій и лѣпотою изрядный, и не премѣни рекомаго древле имени Углянъ и нарекоша Угличъ.»

Далѣе лѣтописецъ описываетъ, что Угличъ строился семъ лѣтъ, что городъ былъ обведенъ глубокимъ рвомъ, который простирался вокругъ болѣе версты (поприща), что ровъ наполнялся водою изъ Волги, чрезъ нарочно устроенные ворота; выброшенная земля изъ канавъ составила валъ, окружавшій городъ съ трехъ сторонъ, а четвертой былъ крутой берегъ Волги.

Итакъ Угличъ во времена В. Княгини Ольги мудрой является уже городомъ, и появ-

леніемъ своимъ обязанъ брату ея Яну еще язычнику, родомъ Псковитянину. Янъ устроилъ, украсилъ, распространилъ и оградилъ городъ Угличъ, и заботясь о внѣшнемъ его благосостояніи, устроилъ также его управленіе, правосудіе и вообще далъ ему новую, полную и правильную жизнь, которая съ того времени развивалась постепенно и процвѣтала.

Устроивши Угличъ, Янъ былъ призванъ въ Кіевъ, а оттуда ходилъ съ В. К. Ольгою въ Царь-Градъ. Онъ, какъ близкій родственникъ Великой Ольги, знаменитый и благоразумный *Княжичъ*, состоялъ при ея высокой особѣ въ качествѣ посланника.—Въ Константинополѣ Янъ принялъ Святое Крещеніе вмѣстѣ съ Великою Княгинею Ольгою и нареченъ былъ Іоанномъ. Іоаннъ умеръ въ Кіевѣ чрезъ годъ, по возвращеніи его изъ Греціи, и погребенъ въ сооруженномъ Ольгою храмѣ.

Братъ Ольги, построившій Угличъ, по смерти своей, оставилъ свое созданіе Угличъ подъ управленіемъ Боярина, который по словамъ лѣтописи прибылъ изъ Кіева *съ дѣтьми Боярскими*. Этотъ Бояринъ управлялъ Угличемъ болѣе дватцати лѣтъ, завися отъ Великаго Князя Кіевскаго. Можно думать, что и Угличане

участвовали въ блистательныхъ побѣдахъ славнаго нашего героя древнихъ временъ предпріимчиваго Святослава. Въ то время, когда Владиміръ Равноапостольный раздѣлилъ Россію между своими сыновьями и племянниками, то Угличъ отошелъ къ Ростову, и съ этого времени всегда зависѣлъ отъ него до собственныхъ своихъ Князей, или до 1212 года. Лѣтопись Сереб говоритъ:„и вданъ бысть градъ Угличъ во-удѣлъ Владимірову сыну Святому Страстотерпцу Борису. Итакъ Угличъ пребываше при Ростовскомъ Княженіи“ Карамзинъ то же говоритъ. (*) Владиміръ отдалъ сыновьямъ своимъ удѣлы: Вышеславу Новгородъ, Изяславу Полоцкъ, Ярославу Ростовъ, а по смерти Вышеслава, Новгородъ Ярославу, а Ростовъ Борису. Итакъ первый удѣльный Князь Ростова былъ вмѣстѣ и первымъ Княземъ Углича, и сжели онъ не назывался Угличскимъ и не жилъ постоянно въ Угличѣ, то тѣмъ не менѣе благодѣтельная власть его была ощутительна и для Углича, какъ и для Ростова.—Къ Ростову же и градъ Угличъ приданъ бысть, въ нихъ же Св. Борисъ вельми богоугодно власто-державствовалъ.

(*) О раздѣленіи Россіи томъ 1. Истор. Россійск. Госуд. на страницѣ 219-й.

Странное стеченіе обстоятельствъ! Римъ былъ основанъ Ромуломъ и палъ при Ромулѣ, подобно и Угличъ имѣлъ счастіе назвать своимъ первымъ Княземъ Святаго Бориса Ростовскаго, который палъ жертвою властолюбія, и послѣдній Угличскій князь Димитрій Царевичь Святой такую же точно испыталъ участь: Первоначальный и послѣдній Угличскіе князья были Святые, оба были зарѣзаны рукою властолюбія и оба названы Страстотерпцами, и оба мученики ликуютъ на небесахъ и ходатайствуютъ у престола Всевышняго о счастіи своихъ подданныхъ Угличанъ. Въ Княженіе Бориса въ Ростовѣ »построена бысть въ семъ градѣ Соборная церковь, дубовая, видомъ преизрядная и устройствомъ дивная во имя Успенія Пресвятыя Богородицы.“

Она стояла 165 лѣтъ, во время же Андрея Боголюбскаго былъ въ Ростовѣ ужасный пожаръ, и дубовая церковь сгорѣла, а на мѣсто сгорѣвшей, выстроили каменную.

„Во градѣ же Угличѣ, волею Бориса Святаго, построена такожде Соборная церковь сосновая, великая, во имя Святыхъ Царя Константина и матери его Елены, съ придѣломъ Похвалы Пресвятыя Богородицы, и на иныхъ мѣстахъ

такожде многія церкви деревянныя построены быстъ.»

Между тѣмъ городъ Угличъ при Князѣ Борисѣ Святомъ возрасталъ, усиливался, устроивался, украшался народонаселеніемъ, такъ какъ Князь Ростова былъ вмѣстѣ и Князь Углича, слѣдовательно и Исторія Углича тѣсно соединена съ Исторіею Ростова, и говоря объ Угличѣ, невольно говоримъ объ Ростовѣ, тѣмъ болѣе, что до времени отдѣльныхъ Угличскихъ Князей Исторія Углича мало извѣстна. Судьба Углича, сего времени, не раздѣльна съ судьбою Ростова.

Послѣ старшихъ братьевъ Ростовскій и Угличскій Князь Всеволодъ Ярославичъ былъ на Великокняжескомъ Кіевскомъ Престолѣ, а Ростовъ и Угличъ отдалъ сыну своему Владиміру, который построилъ городъ Владиміръ на Клязьмѣ, и будучи послѣ отца своего Великимъ Княземъ Кіевскимъ, получилъ названіе Мономаха.

Владиміръ Всеволодовичъ отдалъ Ростовъ и Угличъ сыну своему Георгію, или Юрію. Послѣ, Георгій былъ переведенъ на Владимірскій Престолъ, а Ростовъ и Угличъ достались брату его Андрею Владиміровичу. Такъ Угличъ, будучи связанъ съ Ростовомъ, переходилъ вмѣстѣ

съ нимъ отъ одного Князя къ другому, и раздѣлялъ съ нимъ всѣ благодѣянія Князей, и всѣ бѣдствія, неразлучныя съ междоусобными войнами.

Въ 1147-мъ году Изяславъ Великій Князь Кіевскій, сражаясь за Новгородцевъ противу Суздальскаго Князя Георгія Долгорукаго, страшно опустошилъ его области. Подкрѣпляемый Новгородцами, Псковитянами и Карелами, онъ вступилъ въ Суздальскіе области и союзныя Георгію Княжества; всеистребляющій мечь предшествовалъ ему, и всепожирающій огнь послѣдовалъ стопамъ его.—*Всѣ города по берегу Волги превратились въ пепелъ до самаго Углича,* Жители, кто успѣлъ, спасались бѣгствомъ и прятались во глубинѣ лѣсовъ, имущества ихъ были разграблены, а домы преданы огню. Новгородцы, мстя Суздальскому Князю, опустошили окрестности Ярославля, но Ярославль уцѣлѣлъ; значитъ былъ уже укрѣпленъ, какъ и Угличъ. Никоновская лѣтопись (въ примѣч. Карамзина) говоритъ:„ и прійдоша Князь Изяславъ къ Скнятину и Угличью полю;“— Ежели Андрей Владиміровичъ Князь Ростовскій и Угличскій былъ въ союзѣ съ Георгіемъ, (ибо естественно онъ долженъ былъ помогать своему родному брату противъ Новгородцевъ), въ та-

комъ случаѣ и Угличъ былъ въ числѣ непріятельскихъ городовъ, и могъ пострадать наравнѣ съ другими; но съ большею вѣроятностію можно полагать, что Угличъ былъ только послѣднимъ предѣломъ опустошительнаго похода Изяславова. Слова лѣтописи:" и прійдоша Изяславъ къ Скнятину и Угличу выражаютъ, что онъ осаждалъ ихъ; ибо мстительные Новгородцы не съ тѣмъ приходили, чтобъ взглянуть на городъ и воротиться,,-впрочемъ ни древнія лѣтописи, ни Карамзинъ не поясняютъ, былъ ли взятъ Угличъ, или нѣтъ, но во всякомъ случаѣ, былъ осаждаемъ. Укрѣпленія, воздвигнутыя Яномъ, и Угличская дружина спасли Угличъ отъ истребленія.

Андрей Владиміровичъ княжилъ въ Ростовѣ и управлялъ Угличемъ 15-ть лѣтъ; послѣ его Ростовскій престолъ занялъ Андрей II. Боголюбскій, сынъ Георгія Долгорукаго. Онъ княжилъ въ Ростовѣ и управлялъ Угличемъ 14 лѣтъ. Когда Андрей Боголюбскій занялъ послѣ отца своего Великокняжескій Владимірскій Престолъ, то Ростовъ и Угличъ достались Димитрію Всеволодовичу; послѣ Димитрія наслѣдовалъ сынъ его Василій-Онъ княжилъ въ Ростовѣ и Угличѣ 22 года и былъ убитъ въ сраженіи, во время

нашествія Татаръ на Россію. По немъ властвовалъ надъ Ростовомъ и Угличемъ сынъ его Констаптинъ около 7-ми лѣтъ, и переходя на Владимірскій Престолъ, отдалъ Ростовъ и Угличъ *Владиміру Константиновичу сыну своему*.

„Владиміръ Константиновичъ мало пребысть „на Ростовстѣмъ Княженіи, точію годичное „время и отъ города Ростова изволи Престолъ свой пренести въ Богоспасаемый градъ Угличъ.» Это говоритъ одна изъ Угличскихъ лѣтописей; но по другимъ *первый Угличскій Князь былъ Всеволодъ Константиновичъ*. Итакъ какъ лѣтописи не говорятъ о дѣлахъ сего Князя собственно въ Угличѣ, то и намъ нечего сказать объ немъ болѣе.

Историографъ Карамзинъ первый разъ говоритъ *объ Угличѣ какъ о городѣ въ 1147 году*. Впрочемъ Карамзинъ такъ долго не говорилъ объ Угличѣ, не потому, чтобъ Угличъ не стоилъ вниманія Исторіи, но потому, что до перенесенія столицы во Владиміръ вся Исторія Россіи сосредоточивалась въ Кіевѣ, а Сѣверъ Россіи до времени Георгія Долгорукаго покоился еще въ тишинѣ, и только отзывался иногда на гулъ произшествій, потрясавшихъ Южную Россію.

СОСТОЯНІЕ УГЛИЧА

ДО ПЕРВАГО УГЛИЧСКАГО КНЯЗЯ,

или

отъ основанія его до 1212 года.

Исторія Углича до самостоятельнаго Угличскаго Князя Всеволода Константиновича, столько же зависитъ отъ Кіевской, Ростовской и Владимірской Исторіи, сколько и самъ Угличъ въ продолженіи сего времени зависѣлъ отъ сихъ Княжествъ по своему управленію.

У каждаго отдѣльнаго народа есть одна власть, слѣдовательно и одна столица, какъ средоточіе верховной власти, а Угличане не составляли тогда отдѣльнаго народа, не управлялись отдѣльною властію, но какъ кроткое и мирное племя одного великаго народа повиновалось своему Великому Князю Кіевскому, какъ древніе, домочадцы повиновались своему Патріарху. Кіевъ естественно прежде и скорѣе населился потому, что ближе къ Югу, откуда Славяне постепенно передвигались къ Сѣверу, и былъ всегда сборнымъ мѣстомъ, и такъ сказать, первою станціею при движеніи ихъ.

Итакъ Угличъ въ самомъ своемъ основаніи не былъ и не могъ быть городомъ, когда же

родственникъ Ольги В. К. Кіевской прельстился Угличемъ, тогда уже существовалъ онъ не менѣе трехъ сотъ лѣтъ; слѣдовательно могъ быть довольно обширенъ и многолюденъ.—*Янъ же распространилъ еще болѣе, обстроилъ и оградилъ глубокимъ рвомъ и валомъ*; съ этого уже времени Угличъ можно считать городомъ, но не болѣе, какъ огражденнымъ селеніемъ.

Въ управленіи своемъ Угличъ зависѣлъ отъ Верховной власти Князей, сначала отъ Начальника племени, потомъ отъ Новгородскихъ, потомъ отъ Кіевскихъ, а по раздѣлѣ Россіи на удѣлы, постоянно уже зависѣлъ отъ Ростовскихъ Князей. Но для ближайшей своей управы имѣлъ всегда Боярина, или Воеводу назначаемаго самимъ Княземъ; каковъ былъ Янъ родственникъ Ольги; слѣдовательно и до него, и послѣ его, Угличъ долженъ имѣть подобныхъ правителей, о которыхъ Исторія умалчиваетъ, потому только, что они были не Княжескаго роду, какъ на примѣръ Янъ. Со временъ Яна Угличъ уже имѣлъ своихъ Тіуновъ, Губныхъ Старостъ и другихъ начальниковъ, а со временъ Бориса Князя Ростовскаго и Угличскаго, долженъ имѣть и Дьяковъ, подьячихъ, сборщиковъ, которые завися отъ главнаго Правителя—Боярина, или Воеводы способ-

ствовали ему въ судебной расправѣ, въ наборѣ войска, въ собраніи пошлинъ или оброка, и вообще къ лучшему благоустройству народному; но высшаго суда и расправы Угличане должны были искать у самаго своего Князя въ Ростовѣ.

Законами служили, какъ Угличанамъ, такъ и всѣмъ Славянскимъ племенамъ, какъ бы дѣтямъ одного огромнаго семейства, съ начала патріархальные правила и обычаи собственно Славянскіе, какъ на примѣръ: гостепріимство, правда и честность; потомъ они были умножены законами, правилами и обычаями Варяговъ, которые пришли съ Рюрикомъ въ Россію въ числѣ многихъ тысячь, и слились въ теченіи времени въ одинъ народъ

Наконецъ Владиміръ и Ярославъ примѣнили и пояснили всѣ прежніе законы, такъ сказать, начертанные самою природою въ сердцѣ каждаго человѣка. Греки, будучи нашими учителями и просвѣтителями, внесли къ намъ въ Россію не менѣе своихъ правилъ, какъ и Варяги.

О *торговлѣ Угличанъ* сего времени ничего неизвѣстно; но можно положительно сказать, что они производили посильную и соотвѣтственную тогдашнему времени и обстоятельствамъ тор-

говлю. Извѣстно, что Кіевъ торговалъ съ Константинополемъ, а Новгородъ съ Нѣмцами, и не возможно что бы Бояре, Воеводы и Князья, не отличались отъ простаго народа ни пищею, ни одеждою; и потому: парча, камка, соболи и множество другихъ необходимыхъ потребностей общественной жизни, вынуждали предпріимчивыхъ Россіянъ ѣздить изъ города въ городъ, и съ Сѣвера на Югъ и въ самый Константинополь за товарами, хотя для Князей и Бояръ.

Слѣдовательно и Угличане, какъ скопившійся на одномъ мѣстѣ многочисленный народъ и при большой рѣкѣ, естественно имѣлъ нужду въ разнородныхъ потребностяхъ для жизни, а Волга легко способствовала къ снисканію оныхъ и сбыту произведеній своей стороны. Тогдашняя торговля Угличанъ разумѣется была не значительна и маловажна, но не можно вообразить, чтобъ они совершенно ни чемъ и ни съ кѣмъ не торговали.

Деньги сего времени, въ Угличѣ, какъ и во всей Россіи были большею частію *кожаные*, однако Россіяне знали цѣну и иностраннымъ деньгамъ, золоту и серебру. Въ законахъ того времени сказано: „Ежели кто убьетъ вольнаго человѣка, то платитъ за голову 10 гривенъ сереб-

ромъ, или 40 гривенъ кунами; а если кто убьетъ холопа, то платитъ одну гривну серебромъ, или четыре гривны кунами. Во время же голода бывшаго въ 1230 году, въ Новгородѣ, платили за четверть ржи одну гривну серебромъ, а кунами семь гривенъ." Итакъ изъ Исторіи видно, что предки наши имѣли въ оборотѣ иностранную монету, значитъ они пріобрѣтали ее посредствомъ торговли. Но этой монеты было слишкомъ недостаточно для производства внутренней торговли, и потому Россіяне того времени замѣняли ее лоскутками кожи, которая замѣняла наши нынѣшнія Ассигнаціи. Видно такъ же, что куны, какъ и нынѣшнія Ассигнаціи не всегда имѣли однообразный курсъ, противъ серебра, или золота. Форма кунъ, то есть лоскутковъ кожи была такъ же не однообразна: то круглые, то четвероугольные, то продолговатые и назывались: куна, ногата, ушко, полушка и прочее.

Всѣ они имѣли на себѣ Княжескій гербъ, или клеймо; так же звѣздочки, и крючки и тому подобные знаки, которые свидѣтельствовали ихъ достоинство.

Славяне, какъ народъ обширнѣйшій и многочисленнѣйшій изъ всѣхъ Европейскихъ народовъ, который, живя нѣкогда въ одномъ мѣстѣ

и составляя одно огромнѣйшее семейство изъ всѣхъ народовъ, населяющихъ земли, конечно и необходимо долженъ имѣть свой особенный характеръ, свои правила, обычаи, повѣрья, свои особенныя добродѣтели и пороки, свою вѣру и суевѣрныя заблужденія. Они заняли пять частей Европы противъ другихъ народовъ; время размѣстило ихъ на Востокѣ, Югѣ и Сѣверѣ, и когда судьбы Божескія приблизили время осѣдлости устройства и просвѣщенія, и дикари превратились въ устроенныя общества, и наконецъ свѣтъ ученія Христова, какъ солнце озарилъ идолопоклонниковъ, тогда они явились сильнѣйшими Государствами и счастливѣйшими народами; но заблужденія разсѣяваетъ одно просвѣщеніе. Древняя Угличская лѣтопись съ умиленіемъ повѣствуетъ о распространеніи вѣры Христовой, съ ней можно основательно согласиться, что съ тѣхъ поръ, какъ Славяне и Греки сблизились по мѣсту и отношеніямъ, или вѣрнѣй всего, съ тѣхъ поръ, какъ Святый Апостолъ Андрей проповѣдывалъ Славянскимъ племенамъ въ Кіевѣ и водрузилъ Крестъ на горахъ его, съ того времени Христосъ имѣлъ уже своихъ вѣрныхъ поклонниковъ между Славянскими племенами.

Первый Углицкій Князь Всеволодъ Константиновичъ съ 1212-го года.

Древняя Угличская лѣтопись повѣствуетъ и Карамзинъ подтверждаетъ, что по раздѣленіи Суздальскаго, или Владимірскаго Великаго Княжества на два Княжества: въ 1212 году, Георгій старшій братъ получилъ Владиміръ и Суздаль со всѣми принадлежащими имъ областями и городами, а младшій братъ Константинъ получилъ *Ростовъ, Угличъ и Ярославль.* Ростовскій Князь Константинъ, желая отнять у брата своего Великокняжескій Владимірскій Престолъ, окружилъ себя союзниками, братьями, сыновьями и родственниками; долго и жестоко пылала междоусобная война на Сѣверѣ Россіи, она сокрушила народное богатство, опустошила огнемъ, и мечемъ многія области и погубила множество народа, пока Константинъ не достигъ своей цѣли. При началѣ этой ужасной войны Константинъ, чтобы скорѣй и успѣшнѣе дѣйствовать противъ своего брата, а также, чтобы надежнѣе управлять и защищать отъ непріятеля свои области, онъ отдалъ сыновьямъ своимъ: Васильку Ярославль, а Всеволоду Угличъ.

Первый Углицкій Князь прибылъ въ Уг-

личъ съ боярами, Духовникомъ своимъ, Княжескими отроками и дѣтьми боярскими, и по наказу отца своего принялъ Угличъ въ свое управленіе. Всеволодъ Константиновичъ, вспомоществующій своими и Угличскими Боярами много сдѣлалъ перемѣны въ правленіи, много преобразовалъ, улучшилъ и устроилъ всѣ части онаго, и такимъ образомъ, взявши всю власть новаго Княжества въ свои руки, устроивши порядокъ и набравши войско, устремился съ мечемъ въ рукѣ на помощь отцу своему Константину. Онъ всегда и вездѣ былъ правою рукою, много выдержалъ кровопролитныхъ битвъ, помогалъ Константину завоевать и сжечь Кострому, воевалъ съ нимъ противъ Москвы, бился вмѣстѣ подъ стѣнами Переславля—Залѣскаго, силою и мужествомъ своимъ отражалъ нѣсколько разъ самыя упорныя нападенія Георгіевы на Ростовъ; словомъ, какъ Ангелъ хранитель вездѣ охранялъ отца своего, его Столицу и его области. Итакъ Угличское Княжество, явившись въ первый разъ отдѣльнымъ и самостоятельнымъ на историческомъ горизонтѣ, можетъ гордиться своими воинскими доблестями; хотя они были направлены не противъ бусурманъ какихъ—нибудь, а убивали своихъ соотчичей, но за это Угличане не вино-

ваты, и хотя они и прежде выходили на брань; при Князе Борисе и другихъ, но теперь подъ сильною и грозною рукою своего Угличскаго Князя, они вписали свое имя въ Исторію мечемъ и кровію. Впрочемъ Угличское Княжество было бы гораздо счастливее, если бы Князь его не вынималъ меча на пролитіе родной соплеменной крови, а воцарился бы между своими подданными какъ отецъ среди своего семейства, для спокойствія и благополучія своего народа.

Наконецъ Константинъ завладелъ Великокняжескимъ престоломъ и воцарился во Владимірѣ, будучи доволенъ своимъ успехомъ, онъ желалъ достойно наградить сыновей—сподвижниковъ своихъ, и торжествуя на Великокняжескомъ престолѣ съ своими друзьями и сыновьями, онъ далъ старшему сыну своему Васильку свое прежнее Ростовское Княжество, а Всеволоду Ярославль, а внуку своему Константину сыну Всеволода Угличскаго, отдалъ отца его достояніе—Угличское Княжество. Весь этотъ переворотъ случился въ 1216 году, менѣе чемъ въ четыре года, и удовлетворилъ честолюбію Константина, прославилъ героевъ, опустошилъ области, далъ Князя Угличу, а съ нимъ новую жизнь, политику, дѣятельность и самую Исторію.

Второй Углицкій Князь Константинъ Всеволодовичъ съ 1216-го года.

Юный Князь Константинъ Всеволодовичъ не успѣлъ прославить себя въ Исторіи воинскими подвигами, провидѣніе берегло его для лучшей славы. Въ самомъ дѣлѣ, какая слава можетъ сравниться со славою быть отцомъ своего народа? а онъ заслужилъ эту славу вполнѣ. Народная любовь возвела дѣда его Константина на Великокняжескій престолъ, такая же любовь Угличанъ прославила внука его Константина Всеволодовича Углицкаго. Углицкая лѣтопись чрезвычайно выхваляетъ душевныя свойства сего умнаго и великодушнаго Князя; первое мѣсто изъ его добродѣтелей занимаетъ его набожность, а кто истинно любитъ Бога, какого добра не сдѣлаетъ для своего ближняго?

Благоразуміе, кротость, милосердіе, ласковость, добродушіе и любовь украшали сего Князя. Константинъ Всеволодовичъ не вынималъ меча своего на пролитіе крови своихъ соотчичей, не участвовалъ въ междоусобныхъ ссорахъ Русскихъ Князей, но жилъ мирно между своими подданными, устроялъ ихъ благополучіе, и потому Угличане благословляли свою судьбу подъ

кроткою десницею миролюбиваго своего Князя; а особливо, видя повсемѣстную вражду, раздирающую бѣдное наше отечество. Въ сіе время злодѣйства междоусобій дошли до того, что братья истребляли родныхъ своихъ братьевъ, единственно по злобѣ и изъ пустаго честолюбія, не понимая въ чемъ состоитъ истинная честь человѣка Христіанина и владыки народа. Такъ одинъ изъ Князей Рязанской вѣтви—Глѣбъ, желая одинъ владѣть всѣмъ Рязанскимъ Княжествомъ, пригласилъ къ себѣ въ шатеръ шесть человѣкъ Князей, будто бы на совѣтъ, угостилъ ихъ радушно и велѣлъ всѣхъ ихъ изрубить самымъ звѣрскимъ образомъ. Въ числѣ несчастныхъ жертвъ палъ и родной братъ его—добродушный Изяславъ. Вотъ памятникъ вѣкамъ грядущимъ, того развращеннаго и невѣжественнаго вѣка! Вотъ средства, до которыхъ дошло тогдашнее коварство; слѣдовательно, чего тогда не употребляли для достиженія своей цѣли? *О! роде развращенный, до колѣ тебѣ Богъ терпитъ?* восклицаетъ древняя лѣтопись. И дѣйствительно, правосудный Богъ не напрасно предалъ этотъ развращенный родъ въ руки страшныхъ татаръ, и унизилъ гордыню его до послѣдней степени униженія. Они не хотѣли повиноваться Великому

Князю, какъ отцу своему, и за то пресмыкались предъ звѣроподобными Ханами и ихъ Баскаками. И нынѣшніе невѣжды не зная Исторіи, превозносятъ древнія времена, когда каждый человѣкъ не былъ и не могъ быть увѣренъ, что онъ доживетъ и сноситъ свою голову до заката солнца. Угличскій Князь Константинъ Всеволодовичъ княжилъ въ Угличѣ только шесть лѣтъ. Горька была для Углича потеря любимаго Князя, тѣмъ болѣе, что онъ рано умеръ и не оставилъ по себѣ наслѣдника. Такъ всегда *Богъ, даетъ человѣку хорошее не на долго, сберегая его для вѣчности; да и человѣкъ, упившись блаженствомъ настоящей жизни, кромѣ того, что забываетъ вѣчную, но не умѣетъ достойно оцѣнить и дорожить благами, данными ему Богомъ въ ежедневномъ его быту настоящей жизни.* Пріятно здѣсь упомянуть о *просвѣщеніи* того времени.

Константинъ Всеволодовичъ, названный Исторіею Великимъ за его умъ и высокія качества души, будучи Ростовскимъ и Угличскимъ Княземъ, и потомъ сдѣлавшись Великимъ Княземъ Владимірскимъ, всегда и неослабно занимался науками, постигъ ихъ неоцѣненную красоту и несравненную сладость до того, что со-

держалъ всегда при дворѣ своемъ ученыхъ Грековъ, имѣлъ огромную библіотику, самъ переводилъ лучшія творенія Греческихъ мудрецовъ на Славянскій языкъ, сочинялъ Исторію бывшихъ до него Князей и происшествій Рускихъ, дорого платилъ Грекамъ своимъ сотрудникамъ, любилъ бесѣдовать о тайнахъ природы и о высокой пользѣ наукъ, поощрялъ къ тому и всѣхъ окружавшихъ его Князей и Бояръ.

Угличъ сдѣлался съ 1212 года резиденціею отдѣльнаго Князя, отдѣльнымъ и самобытнымъ тѣломъ. Это конечно была для него самая блистательная эпоха и благодѣтельное событіе, какое только могъ имѣть прежній Угличь. Это событіе доказываетъ между прочимъ, и то, что Угличъ въ то время былъ уже довольно обширенъ, многолюденъ, слѣдовательно промышленъ и богатъ, когда успѣлъ обратить на себя вниманіе Князей, которые избрали его своею столицею.

Когда удѣльный Князь Всеволодъ Константиновичъ избралъ Угличъ мѣстомъ своего пребыванія, то разумѣется велѣлъ построить себѣ дворецъ, или по тогдашнему Княжескія Палаты. Всякій Князь, того времени имѣлъ собственный дворъ, или свиту; слѣдовательно и для помѣще-

нія Княжескихъ Бояръ, Вельможъ, Отроковъ и всей его прислуги, построились въ Угличѣ тогда же и другія многія зданія и службы.

Первый Княжескій дворецъ въ Угличѣ обыкновенно деревянный, потому, что сколько Угличъ изобиленъ и богатъ лѣсомъ, столько же былъ бѣденъ известкою и каменщиками. Да и самые Великіе Князья во Владимірѣ и въ Москвѣ долго еще жили въ деревянныхъ домахъ. Княжескіе дворцы обыкновенно были рублены изъ сосновыхъ, еловыхъ и иногда изъ дубовыхъ брусьевъ, строились въ два этажа съ теремами; были всегда раздѣлены на двѣ половины огромными теплыми сѣнями, которые замѣняли нынѣшнія прихожія; половины еще раздѣлялись на комнаты, т. е. на спальню и свѣтлицу. Въ одной половинѣ помѣщался Князь, а въ другой Княгиня съ дѣтьми; въ теремѣ помѣщались взрослыя Княжны. Нижній этажъ былъ занятъ кладовыми, подвалами, погребами, а иногда помѣщались въ немъ и кухни. Все украшеніе Княжескихъ дворцовъ тогдашняго времени состояло въ рѣзбѣ; внутри комнаты украшались иконами и различными рѣзными вычурами, испестрявшими матицы, одверки, полки и тому подобныя вещи. Снаружи тѣже разныя украшенія: балко-

ны, рѣшетки, окончины, и отличали Княжескіе домы отъ простыхъ избъ; а болѣе всего отличала его, при взглядѣ, огромность, ибо кромѣ того, что онъ строился огромнѣе другихъ, но каждый наслѣдній владѣлецъ, къ постройкѣ предшественниковъ всегда почти пристроивалъ что нибудь новое, по своему вкусу и мыслямъ; и распространяли иногда дворцы до того, что можно было запутаться во множествѣ не правильно расположенныхъ комнатъ.

Вспомнимъ, что хотя Угличъ начался вмѣстѣ съ поселеніемъ Славянъ на Сѣверѣ нынѣшней Россіи, и что отъ основанія Россіи В. К Рюрикомъ до самобытнаго Угличскаго Князя протекло времени уже 350 лѣтъ; но Угличъ эти 350 лѣтъ жилъ уже полною жизнію, и въ сердцѣ его жителей отзывалось все то, что только радовало, или сокрушало всю тогдашнюю Россію.

Третій Угличскій Князь Владиміръ Константиновичъ съ 1222 года.

Владиміръ Константиновичъ сынъ Великаго Князя Владимірскаго Константина Всеволодовича, онъ княжилъ прежде въ Галичѣ, когда же

узналъ, что Угличскій престолъ упразднился, то просилъ отца своего Великаго Князя, чтобы перевелъ его изъ Галича въ Угличъ. Великій Князь, уважая его просьбу, далъ ему Угличское Княжество. Неизвѣстно почему Угличъ, завися прежде отъ Ростова, и будучи его наслѣдственною областью, вдругъ поступилъ въ распоряженіе Великаго Князя? Должно думать потому, что Великій Князь Константинъ Всеволодовичъ былъ прежде самъ Ростовскимъ Княземъ; Угличскій же Князь, умершій безъ наслѣдниковъ, былъ ему родной внукъ, слѣдовательно Великій Князь Владимірскій былъ полнымъ хозяиномъ въ своихъ областяхъ, отданныхъ сыновьямъ въ управленіе. Перемѣщеніе Владиміра Константиновича изъ Галича въ Угличъ, доказываетъ нѣсколько, что Угличъ былъ болѣе, сильнѣе и богаче Галича, который онъ оставилъ для Углича. Владиміръ Константиновичъ прибылъ въ Угличъ съ Супругою своею и сыномъ малолѣтнымъ Андреемъ, другой же сынъ Романъ родился уже въ Угличѣ. Старинныя Угличскія лѣтописи повѣствуютъ, что Владиміръ Константиновичъ княжилъ въ Угличѣ мирно, правосудно и человѣколюбиво, онъ никогда не ссорился съ другими Князьями, во всю жизнь свою ни съ кѣмъ не воевалъ, но

съ отеческою заботливостію старался о благоденствіи ввѣренныхъ ему отъ Бога подданныхъ. Онъ улучшилъ состояніе Углича и всего своего Княжества, кроткимъ и благоразумнымъ управленіемъ, собиралъ самую умѣренную дань, и употреблялъ ее на дѣла Богоугодныя и на пользу человѣчества. Онъ распространилъ свой Княжескій дворецъ новою пристройкою, воздвигнулъ многіе Божественные храмы, построилъ многія общественныя зданія, покровительствовалъ бѣднымъ, сострадательно внималъ несчастнымъ, просившимъ его милости и защиты, и вообще былъ истиннымъ отцемъ своему народу; примѣромъ своея жизни образовалъ души сыновей своихъ. Цвѣтетъ семейное счастіе подъ управленіемъ благоразумнаго и попечительнаго Отца, цвѣтетъ и Государство подъ кроткою десницею мудраго Монарха. Такъ и Угличъ цвѣлъ цѣлые 15 лѣтъ подъ управленіемъ добраго своего Князя; онъ наслаждался миромъ, тишиною и благополучіемъ, покоясь въ мирной тишинѣ, онъ укрѣплялся въ юныхъ своихъ силахъ и обогащался по мѣрѣ тогдашней промышленности и торговли. Но судьбы Божіи постигли тогда Россію, а съ нею и Угличъ въ счастливой тишинѣ его. Грозныя тучи, покрывшія Азію и Россію, скопля-

лись уже надъ нашими предками, и страшно было когда онѣ разразились надъ главами несчастныхъ Угличанъ. Какъ жалко смотрѣть на играющихъ дѣтей въ счастливой ихъ безпечности, видя, что скала висящая надъ ними обрушается и раздавитъ ихъ всѣхъ своею ужасною тяжестію, и когда же? въ самую минуту ихъ счастія!... Подобно и Угличъ былъ, обреченною жертвою не заслуженнаго и вмѣстѣ не отразимаго бѣдствія поглотившаго Россію.

Батый раззоривъ столицу, раздѣлилъ свои силы на двѣ части: одна пошла къ Волжскому Городцу, а другая на Ростовъ, Угличъ, а иные на Ярославль, чтобы съ двухъ сторонъ напасть на Георгія Великаго Князя Владимірскаго, истребить послѣднюю его дружину, и тѣмъ надежнѣе и сильнѣе утвердить свою власть надъ Россіею.

Батый, при движеніи своемъ отъ Владиміра къ берегамъ Мологи, успѣлъ завладѣть, въ теченіи Февраля четырнадцатью городами, въ числѣ коихъ встрѣтилъ на пути нашъ Угличъ.

Миролюбивый Князь Углича, подобно другимъ Князьямъ, не спѣшилъ на помощь несчастному Георгію, но собралъ своихъ Бояръ и Духовенство и совѣтовался съ ними, какъ лучше

и надежнѣе можно спасти свою область и городъ отъ огня и меча Татарскаго. Силы Углича были ничтожны въ сравненіи съ ужасными силами Татаръ; укрѣпить городъ и защищать оный не было ни времени, ни возможности: и потому рѣшились въ совѣтѣ, что бы Князю съ его семействомъ и лучшими сокровищами удалиться изъ Углича въ Новгородъ, и укрываться тамъ, покуда пронесется бурный ураганъ Азіатскихъ степей, и тѣмъ спастись отъ лишнихъ требованій, отъ униженія, и отъ самой смерти. Положили такъ же на общемъ совѣтѣ оставить градъ и все Княжество, подъ управленіемъ стараго и опытнаго Боярина,—а Князя извѣщать чрезъ гонцевъ о судьбѣ Углича, которая его постигнетъ; когда же Батый не минуетъ Углича и потребуетъ сдачи его, то немедленно сдать городъ, встрѣтить Батыя за городомъ и просить пощады людямъ и городу; ни какимъ его требованіямъ не отказывать грубо, но ласково просить его извиненія въ томъ, чего нельзя будетъ исполнить: впрочемъ не жалѣть ничего, только бы спасти городъ отъ раззоренія и подданныхъ отъ истребленія. Угличскій Князь и Бояре слыхали, что Батый не истреблялъ покорившихся ему городовъ, лишь бы это покореніе не стоило татарской крови

Впрочемъ, какой страхъ, какой ужасъ наполнялъ души и сердца бѣдныхъ Угличанъ, отъ Князя и до послѣдняго подданнаго. Они говѣли, пріобщались Святыхъ Таинъ Христовыхъ, день и ночь молились Богу, и между тѣмъ съ трепетомъ ждали смерти;—ибо сердца ихъ убитыя страхомъ, мало вѣрили и въ Промыслъ Творца и въ великодушіе бусорманъ; иначе съ полною вѣрою, они бы не страшились ни смерти, ни самыхъ звѣроподобныхъ Татаръ. Отговѣвши наши предки усердно начали прятать, убирать и вывозить изъ города свои пожитки. Угличскій Князь Владиміръ Константиновичъ собрался въ путь, простился съ своими подданными и со всѣмъ семействомъ уѣхалъ въ Новгородъ. Прощальная сцена была самая умилительная, Угличане со слезами проводили своего Князя; сколько желаній и благословеній сопровождали несчастнаго изгнанника! И какъ тутъ было не плакать? Какія темныя мысли, какія мрачныя надежды, какая страшная неизвѣстность наполняли души бѣдныхъ Угличанъ, а тѣмъ болѣе ихъ Князя? что ихъ всѣхъ ожидало въ будущемъ? И кто могъ предугадать и поручиться за свой жребій. Все было въ рукѣ Божіей и въ волѣ грознаго завоевателя Батыя. Въ столь бѣдственныхъ об-

стоятельствахъ, обыкновенно сердце человѣка ищетъ утѣшенія въ Спасителѣ и Богѣ, и потому Бояре и народъ отслушавъ обѣдню, усердно бросились на колѣни за всеобщимъ молебномъ. Теплая молитва, слезы и вздохи волновали сокрушенныя души и выливались предъ Всевышнимъ Промысломъ, помолившись усердно Богу, Угличане съ крестами, иконами и святою водою обошли во кругъ городъ, окропили его кругомъ, и такимъ образомъ, совершивъ священный обрядъ и поручивъ свои жилища въ защиту Бога, удалились въ слѣдъ за Княземъ вонъ изъ Углича. Многочисленныя толпы народа, всѣ кто боялся за свою жизнь, за жизнь милыхъ его сердцу, за богатство, всѣ, и Бояре и знатнѣйшіе Граждане со своими семействами, имуществомъ и убитою душею разсыпались по лѣсамъ и укромнымъ мѣстамъ. Чтобъ живѣе представить эту плачевную всенародную картину, то стоитъ только припомнить бѣгство Москвитянъ при нашествіи Наполеона. Въ Угличѣ остались только тѣ, которымъ нечего было терять, и не за что было бояться Батыя и нехристей Татаръ.

Между тѣмъ Батый подступилъ къ Угличу и требовалъ чрезъ переводчика добровольной

покорности, обѣщая за то свою милость и грозя ужасною карою, въ случаѣ отказа и сопротивленія. Преклонныхъ лѣтъ Бояринъ, съ нѣсколькими другими поспѣшилъ на встрѣчу Батыю, поднесъ ему богатые дары и просилъ пощадить городъ и жителей отъ истребленія. Батый, принявъ дары и обѣщалъ, что онъ не только не намѣренъ раззорять городъ, но на противъ принимаетъ его подъ свою защиту и покровительство, если Угличане въ точности выполнятъ его требованіе. Требованіе же Батыя состояло въ томъ, *чтобъ Угличъ призналъ власть его надъ собою, принялъ бы и прилично содержалъ Баскаковъ, или сборщиковъ дани, чтобъ исправно выплачивалъ пошлину, которую онъ положитъ: и наконецъ, чтобъ Угличъ не избиралъ себѣ Князя безъ воли и согласія на то Хана.* Угличанамъ нѣкогда было разсуждать объ условіяхъ, они согласились на все, чтобъ спасти только жизнь себѣ и своихъ семействъ, ибо отказать Батыю въ его требованіи, значило бы осудить себя безумно на мученическую смерть. Батый вступилъ въ Угличъ, приказалъ строго своему войску не обижать мирныхъ жителей его, какъ новыхъ своихъ подданныхъ и добровольныхъ данниковъ. Угличъ былъ взятъ Батыемъ

въ Февралѣ 1237 года; повѣствуютъ, что Батый имѣлъ въ Угличѣ дневку, то есть отдохновеніе, и простоялъ около трехъ дней. Вѣроятно онъ поджидалъ разбрелшіяся его полчища, ибо ему съ такими силами не возможно было проходить по одной дорогѣ и вдругъ. Притомъ же Никоновская лѣтопись упоминаетъ, что въ то время Татары раззорили Кашинъ и Скнятинъ. Отдохнувши въ Угличѣ, Батый оставилъ въ немъ своихъ чиновниковъ, а самъ собравши войско устремился изъ Углича на берега Сити и Мологи, гдѣ Великій Князь рѣшился его дожидать. Батый поразивши Георгія на голову, открылъ себѣ безопасный путь къ богатому Новгороду, на пути своемъ разрушилъ Торжокъ и многіе другіе города и села, Новгородъ же былъ спасенъ отъ Батыя, распустившеюся весною, разлитіемъ рѣкъ, и топкими болотами, окружающими его. Батый не дошелъ до Новгорода только ста верстъ, и поворотилъ свои силы на Западную сторону Россіи, вездѣ разрушая села и города на пути своемъ. Городъ Козельскъ показалъ собою примѣръ всей тогдашней Россіи, но жаль, что поздно. Онъ съ ничтожными средствами поразилъ болѣе 5000 лучшаго Батыева войска. Если положить на всѣхъ Русскихъ Кня-

зей по 5000 Татаръ, то и семи такихъ полчищъ, какъ Батыева не достало бы; тогда бы можно было отъ самаго Новгорода до золотой Орды выслать мостовую Татарскими костями; но къ несчастію, тогдашніе Князья, а за ними и вся Россія не думали сражаться съ бусурманами, вѣря въ упадкѣ духа, что *Богъ насъ караетъ по грѣхомъ нашимъ;* хотя сами были причиною своего несчастія, коварствуя другъ противъ друга.

Сколько для Угличанъ было странно и вмѣстѣ страшно видѣть среди себя, въ своихъ домахъ, невиданныхъ до толѣ Татаръ? прежде одинъ слухъ о бусурманахъ приводилъ бывало ихъ въ трепетъ, а теперь они видятъ мускуловатыя и загорѣлыя ихъ звѣрскія лица, странную одежду, бритые ихъ головы и бороды, слушаютъ неслыханный до толѣ ихъ грубый, дикій и отрывистый языкъ, и вмѣстѣ со всѣмъ этимъ воображать, что эти дикари неизмѣримыхъ степей, есть теперь повелители Углича и всей Россіи и самыхъ ея Князей. Страшно было присутствіе Татаръ, тягостна была наложенная на Угличъ дань, но лучше было потерять часть, чѣмъ погубить все. Можно ли было при тогдашнемъ образованіи ума и состояніи Россіи,

не упасть Русскому духу? Но такъ какъ чуда на свѣтѣ такого нѣтъ, къ чему бы не пригля-дѣлся свѣтъ, то Угличъ и вся Россія покорилась своему жребію, и за двѣсти пятьдесятъ лѣтъ, привыкли, сдружились и даже многіе породнились съ Татарами. Когда Батый довершалъ покореніе нашего отечества наСитѣ, то Угличскій Князь Владиміръ Константиновичъ зналъ уже въ Новгородѣ о судьбѣ Углича и всѣхъ подробностяхъ произшествія; усердные Бояре и народъ, любя своего Князя и сѣтуя о судьбѣ своей въ грядущемъ, извѣстили Князя объ удаленіи Батыя и обовсемъ случившемся съ его подданными. И потому Владиміръ Константиновичъ, увѣрившись объ удаленіи Батыя изъ Россіи, поспѣшилъ въ сиротствующій Угличъ, чтобы забыть свое изгнаніе и утѣшить вѣрныхъ своихъ подданныхъ. Весь городъ устремился на встрѣчу своему Князю съ радостнымъ воплемъ и крикомъ. Татарскіе чиновники ужаснулись такого быстраго движенія народа, они въ каждомъ радостномъ лицѣ читали свой приговоръ, словомъ, думали что имъ угрожаетъ измѣна, хотѣли было бѣжать изъ Углича, но ихъ успѣли успокоить, говоря, что народъ бѣжитъ на встрѣчу своему любимому Князю, который любя насъ

и васъ не забудетъ? Впрочемъ долго же Угличане сиротствовали безъ Князя и Угличское Княжество управлялось Боярами, ибо Владиміръ Константиновичъ возвратился въ Угличъ уже въ 1240-мъ году; слѣдовательно онъ около трехъ лѣтъ выжидалъ, чемъ завоеватель Батый рѣшитъ судьбу Россіи и ея многочисленныхъ Князей; ибо всѣ твердо знали, что хотя татары и немѣшались въ дѣла внутренняго управленія въ Княжествахъ, однако же никому изъ Князей не позволено было владѣть Княжествомъ, безъ воли Хана, ибо такой Князь почитался не покорнымъ, а слѣдовательно и опаснымъ Ханской власти. Угличскій Князь, водворившись въ своихъ Княжескихъ Палатахъ немедленно пригласилъ къ себѣ Ханскихъ чиновниковъ, обласкалъ ихъ радушно, одарилъ ихъ щедро богатыми дарами, лучше сказать, подкупилъ ихъ, чтобъ они жили въ Угличѣ мирно, не обижали бы жителей, не вмѣшивались бы ни въ какія дѣла, но получали бы положенную дань изъ рукъ Князя, которую Угличане обѣщались выплачивать исправно, въ случаѣ же какихъ либо требованій, относиться во всемъ прямо къ Князю.

Послѣ нашествія, или точнѣе, послѣ удаленія Батыя изъ Россіи, Владиміръ Константино-

вичъ княжилъ въ Угличѣ еще пять лѣтъ, со всѣмъ было выжилъ татарскихъ Баскаковъ изъ своего Княжества; вѣроятно, что они соскучились на чужбинѣ, и получивши дары повезли дань къ Хану и уже не возвращались болѣе въ Угличъ.

Послѣ страшнаго нашествія дикихъ Татаръ Угличане успокоились понемногу, вскорѣ по удаленіи Батыя изъ Углича, всѣ граждане и бояре возвратились изъ дремучихъ лѣсовъ, радость ихъ была чрезвычайная, когда они нашли городъ и свои домы въ совершенной цѣлости, она равнялась ихъ прежней горести, когда они оставляли городъ, домы, родительскіе гробы и все, что было священнаго для души и милаго для сердца. Но люди, всегда люди, когда ихъ сердце отдохнуло отъ прежняго ужаса, то оно опять предалось своимъ обыкновеннымъ страстямъ.

Угличъ покоился, укрѣпляясь постепенно въ своихъ силахъ, подъ десницею добраго Князя; а Князь утѣшался добромъ, которое онъ дѣлалъ для Углича, а особенно его радовали два сына, какъ кроткіе Ангелы, душою и сердцемъ подобные отцу своему. Вотъ родительскій примѣръ для насъ, что у добраго и умнаго отца и дѣти по отцѣ. Если же у добраго отца да выныли дѣ-

ти дурныя, повѣрьте, что онъ не умѣлъ ихъ воспитывать, то есть, не умѣлъ понять ихъ душевныхъ способностей, слѣдовательно не могъ направить ихъ къ предположенной цѣли. Извѣстно, что умные люди управляютъ всегда толпою обыкновенныхъ людей, управляютъ умами цѣлыхъ народовъ, но не иначе, какъ понявши совершенно потребность вѣка и наклонности ихъ духа. Кому же легче какъ отцу, вести своихъ дѣтей отъ самой колыбели, до самой своей смерти, изгибая (если нужно это принужденіе) ихъ восковыя чувства, и направляя ихъ на всякомъ шагу, во всякомъ словѣ и дѣлѣ къ добру, справедливости и благодарности; не потому только, что это должно, но естественнѣе и ближе всего, что эти добродѣтели, какъ и многія другія доставляютъ юному сердцу высочайшую красоту и наслажденіе; дѣти еще не поймутъ, почему должно дѣлать *то* и не дѣлать *другаго*, но они любятъ быть любимыми, любятъ, чтобъ ихъ хвалили за всякое доброе ихъ дѣло, поступокъ и слово. Словомъ отецъ имѣетъ тысячи средствъ сдѣлать дѣтей своихъ благодарными дѣтьми и полезными людьми обществу; это возможно во всякомъ званіи, во всякомъ состояніи, изключая своей разлуки съ ними на долгое время. Служба,

торговля и всякаго возможнаго рода занятія, не могутъ и не должны извинять родителей за небрежное воспитаніе дѣтей, какъ надежды сладостной и утѣшительной для будущаго счастія ихъ, и собственнаго своего; ибо нѣтъ святѣе, сладостнѣе и полезнѣе должности для отца, какъ сдѣлать своихъ дѣтей истинными Христіанами, полезными отечеству, сыновьями и утѣшителями своей старости. Разумѣется, тотъ не повѣритъ мнѣ, кто цѣлый день и цѣлыя недѣли не обращалъ вниманія на занятія и поступки своихъ дѣтей. Но по чему же Владиміръ Углическій Князь, будучи занятъ дѣлами Княжества, и въ Угличѣ и въ двукратномъ изгнаніи, словомъ, дѣломъ и примѣромъ образовалъ сыновей своихъ не только добрыми и полезными, но даже Святыми, (то есть: Князей Андрея и Романа.) Но между тѣмъ какъ Углическій Князь Владиміръ Константиновичъ устроивалъ счастіе Углича и своего семейства... вдругъ громовымъ ударомъ раздалось по всей Россіи грозное повелѣніе Батыя, *чтобы всѣ Россійскіе Князья, желающіе владѣть своими удѣлами, явились бы къ Хану въ Орду, для засвидѣтельствованія своей покорности, и для полученія ерлыка, т. е. Ханской грамоты, на законное владѣніе своимъ Княже-*

ствомъ. Разумѣется, что виною и этаго несчастія были сами же Русскіе Князья, ибо многіе ходили къ Батыю жаловаться на своихъ собратій и даже единокровныхъ. Но многіе также презрѣли Ханское повелѣніе, чувствуя свою правоту, честь имени и святость Княжескаго достоинства; многіе потому, что были увѣрены, что Батый вызываетъ Русскихъ Князей на поклоненіе своимъ идоламъ, которыхъ, впрочемъ, Магометане вовсе не имѣютъ. Впрочемъ многіе нашлись Князья, которые поспѣшили въ Орду купить у Хана униженіемъ и позоромъ Престолы своихъ отцевъ и братьевъ; многіе устрашились сего униженія, въ числѣ послѣднихъ былъ и нашъ Угличскій Князь Владиміръ Константиновичъ. Онъ не спѣшилъ въ Орду съ подарками и униженіемъ; слѣдовательно онъ поступилъ противъ воли Батыя, а потому и вынужденъ былъ оставить свой Угличскій Престолъ и удалиться изъ онаго для скитальческой жизни, иначе бы онъ навлекъ Ханскій гнѣвъ, не только на себя, но и на все Угличское Княжество.

Какое ужасное зрѣлище! Князь прощается съ своими подданными, и прощается уже навсегда, поручаетъ участь ихъ Богу, и волѣ страш-

наго Батыя. Угличане умоляютъ своего Князя остаться съ ними, они обѣщаютъ все претерпѣть и перенести великодушно, обѣщаютъ отдать послѣднее, чтобы Владиміръ Константиновичъ шелъ въ Орду съ подарками, наравнѣ съ другими Князьями, и задобривъ корыстолюбіе Хана, остался навсегда съ ними въ Угличѣ. Но благородный и великодушный Князь отказался; ибо *онъ зналъ, что не только татарское, но и всякое корыстолюбіе, ненасытимо.* Горька была разлука, престарѣлый уже Князь Владиміръ Константиновичъ съ двумя сыновьями и своею супругою отправились въ изгнаніе, они потеряли свой наслѣдственный Престолъ, теряя обожающихъ ихъ подданныхъ. Духовенство, Бояре и народъ провожали своего Князя, какъ будто за двери гроба въ самую вѣчность. Сколько слезъ пролито, какая скорбь раздирала ихъ сердца, рыданія и стоны наполняли воздухъ, но должно было покориться судьбѣ, постигшей Угличъ и всю Россію. Угличскій Князь Владиміръ удалился изъ своего Княжества, чтобъ избавить себя и Угличъ отъ Ханскаго тиранства, онъ долго скитался изъ города въ городъ; дѣти его, Андрей и Романъ сопровождали его вездѣ и раздѣляли всѣ его горести, они

утѣшали отца своего во всѣхъ его несчастіяхъ.

Въ 1248 году Владиміръ, убитый горестію, изнуренный старостію, скончалъ свои страдальческіе дни во Владимірѣ, въ томъ же самомъ году, когда и гонитель его престалъ на судъ Творца небу и земли и Судіи всего человѣчества. Батый былъ убитъ Ногайцами, и оправдалъ собою истину: *Какимъ мечемъ воюешь, такимъ и самъ себя погубишь.* Въ томъ же 1248 году Ханскіе чиновники приходили въ Угличъ, но не нашедши въ немъ Князя, и на противъ нашли, что Угличское Княжество, управляемое Бояриномъ и думою, во всемъ покоряется волѣ Хана, и ни въ чемъ непротивится велѣніямъ Орды, Баскаки, взявши умѣренную дань, вскорѣ возвратились въ Орду безъ великихъ истязаній и притѣсненій Угличу.

Въ примѣчаніяхъ Исторіи Карамзина сказано, что въ 1242 году на память мученика Стефана скончался во Владимірѣ Углицкій Князь Владиміръ Константиновичъ. Владимірскій Великій Князь съ дѣтьми покойника:“ плакася горько, и проводи тѣло его честно изъ золотыхъ вратъ, и *везоша тѣло Владиміра въ стольный градъ Угличъ.*“ Епископъ Кириллъ„ съ Игумены „пѣвше пѣсни погребальны, и погребоша его у „Спаса Преображенія на Угличѣ.“

Четвертый Угличскій Князь Андрей Владиміровичъ съ 1249 года.

Послѣ ужасной бури, произведенной грознымъ завоевателемъ Батыемъ, Россія долго немогла еще опомниться и успокоиться, одно только время все исцѣляющее и все разрушающее, оно одно успокоило нѣсколько Россію, и послѣ залѣчило ея глубокія раны. Русскіе Князья и подданные ихъ начали понемногу привыкать къ своему жребію; притомъ же милосердное небо послало въ утѣшеніе страждущей Россіи *Великаго Князя Героя Невскаго.* Русскіе Князья, надѣясь на великодушіе, умъ, и воинскія доблести Александра Невскаго, приняли опять свои удѣлы и спокойно властвовали въ нихъ подъ мощною десницею своего заступника. Сыновья Угличскаго Князя Владиміра, Андрей и Романъ, выполняя завѣщаніе отца, взяли тѣло его съ собою и прибыли въ Угличъ; великолѣпные похороны и слезы сыновей напомнили Угличанамъ судьбу сего двукратнаго изгнанника; народныя слезы и молитвы были сладостною данью, которою Угличане могли почтить душу усопшаго въ изгнаніи своего Князя. Послѣ плачевной-горестной церемоніи Князья и подданные утѣша-

ли себя взаимно надеждою лучшаго счастія въ будущемъ. Братья—Князья водворились опять въ отчемъ домѣ; старшій изъ нихъ Андрей Владиміровичъ, достойный сынъ добраго отца, занялъ Угличскій Престолъ и вступилъ въ управленіе дѣлами Княжества, какъ старшій въ родѣ.

Андрей Владиміровичъ, подобно отцу своему, былъ добръ душею, ласковъ и обходителенъ съ подданными, съ отеческою любовію и заботливостію внималъ голосу бѣдныхъ; онъ собиралъ дань только для Хановъ, а не роскошествовалъ на собранныя деньги, какъ дѣлали тогда нѣкоторые другіе Князья. Привелъ все управленіе въ прежній порядокъ, строго наблюдалъ правосудіе, часто прощалъ преступниковъ и претворялъ ихъ въ добрыхъ гражданъ; ибо *люди не рождены быть злыми, а заблуждаются иногда только по страстямъ и невѣжеству*; онъ достойно награждалъ ревностныхъ и трудолюбивыхъ своихъ Бояръ и чиновниковъ, и вообще заслужилъ народную любовь.

Андрей Владиміровичъ, будучи добрымъ и умнымъ Княземъ, былъ вмѣстѣ и ревностнымъ Христіаниномъ, онъ съ братомъ своимъ Романомъ, каждый день ходилъ въ церковь, не пропускалъ ни заутрени, ни обѣдни, ни вечерни, и

теплыя молитвы двухъ братьевъ, какъ двухъ Ангеловъ возносились каждодневно къ Правителю міровъ и Царю царствующихъ. Они раздавали милостыню, строили новые Божественные храмы; возобновляли и украшали старые; многіе Бояре и граждане, подражая своимъ Князьямъ; строили также много Церквей и украсили вкладами." Мы удивляемся, говоритъ Карамзинъ, что Москва и другіе города имѣли тогда множество Церквей, но вспомнимъ тогдашнюю набожность и обыкновеніе, что каждый Князь, каждый Бояринъ, и каждый не бѣдный гражданинъ, имѣли свою домовую Церковь"—это подтверждается еще и тѣмъ, что тогдашнія Церкви строились деревянныя, маленькія; слѣдовательно при тогдашней глубокой буквальной набожности, изобиліи лѣсовъ, простотѣ постройки, дѣйствительно не трудно было имѣть каждому богатому человѣку Церковь своего созданія. Духовное сословіе и тогда было не менѣе нынѣшняго; земли, пустоши, всѣ угодья и богатые вклады усердствующихъ помогали ихъ содержанію; а роскошь нынѣшняя не блистала тогда еще на Угличанахъ, и не раззоряла ни Священниковъ, ни прихожанъ: тогда Святая патріархальная простота царствовала еще во всей силѣ.

Андрей Владиміровичъ княжилъ въ Угличѣ мирно, кротко, человѣколюбиво, онъ во всю свою жизнь не ссорился и не воевалъ ни съ кѣмъ; но дѣятельно заботился о счастіи своихъ подданныхъ; украсилъ и распространилъ городъ; оградилъ его земляпымъ валомъ и глубокимъ рвомъ. Два рва этой крѣпости шли прямо на Югъ отъ Волги, и тамъ при концѣ ихъ соединялъ третій ровъ. Новая крѣпость простиралась на пять верстъ, однако она не вмѣщала всѣхъ жителей, паселяющихъ городъ. Крѣпость воздвигнутая Андреемъ Владиміровичемъ, служитъ такъ же памятникомъ уму и отеческой заботливости его о подданныхъ, онъ хотѣлъ на будущее время предохранить Угличъ отъ раззоренія и разграбленія бродящихъ Татаръ.

Андрей Владиміровичъ княжилъ въ Угличѣ только 12 лѣтъ, онъ долго былъ боленъ и скончался въ 1261 году. Братъ его Романъ, мать Евдокія и супруга его Іустина, не отходили отъ постели умирающаго, они искренно оплакивали любимца своей души; всѣ Угличане сердечно раздѣляли горесть Княжескаго семейства, Андрей Владиміровичъ погребенъ въ Соборной Церкви Спаса Преображенія подлѣ отца своего. Онъ умеръ бездѣтенъ, и потому предъ

смертію завѣщалъ Угличскій Престолъ брату своему Роману Владиміровичу.

Въ IV томѣ Исторіи Карамзина въ примѣчаніяхъ стр. 381 сказано, что въ 1278 году скончались въ Угличѣ Княгиня Угличскаго Князя Андрея Іустина, и мать Андрея и Романа Княгиня Евдокія. Такъ Романъ Владиміровичъ, оплакавъ послѣднихъ своихъ кровныхъ родственницъ, остался съ сего времени совершенно осиротѣлымъ. Въ IV томѣ Истор. Карамз. въ примѣчаніи 184 сказано, что въ томъ же 1278 году скончался и Андрей Владиміровичъ. Здѣсь трудно согласить Никоновскую лѣтопись съ Угличскою, ибо братъ Андрея Романъ княжилъ уже въ Угличѣ съ 1261 года, слѣдовательно или Никонъ разумѣетъ другаго Андрея, что и Карамзинъ замѣчаетъ, или Романъ за болѣзнію брата своего княжилъ уже при его жизни.

Пятый Угличскій Князь Романъ Владиміровичъ Святый съ 1261 года.

Осмѣливаюсь начертать краткую Исторію Угличскаго Князя Романа, заслуживавшаго своими гражданскими дѣлами и христіанскими подвигами Великаго, и причтеннаго нашею

церковію къ лику Святыхъ. Счастливъ Угличъ ублажающій Святыхъ своихъ Князей Романа и Димитрія! Они во время святой своей жизни изливали безчисленныя благодѣянія на Угличъ, и въ вѣчной жизни предстоятъ Творцу Вселенныя, и ходатайствуютъ у Источника благъ о нашемъ благоденствіи.

Взглянемъ, добрые Угличане! на жизнь Святаго, *и научимся у него быть счастливыми здѣсь, и блаженными въ вѣчности.* Князь Романъ былъ истинно благодѣтелемъ Угличу во всѣхъ отношеніяхъ. Онъ жилъ между своими подданными, какъ отецъ между своими дѣтьми, Онъ не оставлялъ свой городъ и Княжество, чтобы воевать, или пировать съ другими Князьями, и не сидѣлъ схимникомъ въ своемъ Княжескомъ Дворцѣ; но вмѣстѣ съ своими подданными, рѣшалъ дѣла въ думѣ, и молился ежедневно въ Божіемъ Храмѣ. Судилъ свое Княжество съ кротостію, управлялъ съ мудростію, пекся о счастіи его съ отеческою любовію. Кроткая небесная душа его освѣщала и просвѣщала Угличанъ чистою небесною мудростію, согрѣвала ихъ привѣтною любовію, и была для нихъ зеркаломъ высокихъ добродѣтелей, ибо Святаго мужа и дѣла всегда святыя, оставалось ихъ видѣть, чув-

ствовать, учиться и подражать имъ. Благословенъ Богъ, благоволившій избрать Святаго изъ среди Угличанъ! Тихій и кроткій Романъ Владиміровичъ, съ самыхъ юныхъ лѣтъ вкусилъ всѣ горести, и узналъ всѣ печали, онъ раздѣляя изгнаніе съ своими родными, научился переносить всѣ несчастія, и въ несчастіи постигъ красоту добродѣтели отца своего и брата, и вмѣстилъ ее въ себѣ одномъ. Онъ былъ утѣшеніемъ своему отцу, матери, брату и всему семейству; удивлялъ ихъ своимъ великодушіемъ, терпѣніемъ въ изгнаніи, въ пустыняхъ лѣсовъ и на чужбинѣ. Но что его самаго утѣшало, ободряло и возвеличило до лика Святыхъ, почему онъ одинъ изъ людей того времени вполнѣ и такъ высоко чувствовалъ счастіе, и пренебрегалъ несчастіе? Не ужели не заслуженная благодать небаниспала на него и освятила его душу, всѣ дѣла и помышленія? Нѣтъ, онъ заслужилъ милость Бога; заслужилъ благодать Его всеоживляющую; онъ низвелъ ее съ неба на свою праведную душу, и чемъ же? молитвою, повиновеніемъ своимъ родителямъ, и наконецъ любовію къ ближнему, и любовію къ чтенію священныхъ книгъ; онъ постигъ въ книгахъ Божественную красоту добродѣтели, онъ понялъ ихъ высокую премудрость,

онъ впилъ въ себя все Божественное и святое, онъ понялъ изъ нихъ суету суетъ міра сего, и чрезъ то образовалъ себя мудрѣйшимъ изъ людей. Кто не постигаетъ красоты свѣта, тотъ не любитъ его и удаляется отъ него, какъ филинъ отъ солнца; кто не постигъ сладость мудрости, тотъ избѣгаетъ отъ чтенія книгъ. *Кто же намъ, въ нынѣшнемъ вѣкѣ скажетъ истину въ глаза, какъ не книга?* Истина была, и особенно теперь можно ее найти, почерпнуть и насладиться только въ книгахъ. Романъ Владиміровичъ обрѣлъ ее, и видя несчастіе родныхъ и родины, молился Всемилосердому Богу, и молитва Святаго спасла Угличъ отъ раззоренія Батыева.

Углическій Князь Романъ имѣлъ супругу именемъ Александру. Жаль, что время сохранило намъ только имя ея; впрочемъ извѣстно, что дѣвица всякаго званія, всякаго состоянія могла быть Княгинею; но для этого надобно имѣть всѣ добродѣтели, украшающія прелестный полъ, а при нихъ уже наружную красоту, какъ вѣно, дарованное Творцемъ всякой красоты въ природѣ и въ душѣ человѣческой.

Князь Романъ не имѣлъ дѣтей, но за то былъ истиннымъ отцемъ своихъ подданныхъ, онъ былъ не отлученымъ съ ними, устроялъ ихъ

благополучіе и молился за нихъ Богу. Онъ построилъ больницы и страннопріимные домы въ Угличѣ и въ монастыряхъ; первыя содержались отъ Князя, а вторые отъ монастырей; онъ пекся о больныхъ, нищихъ и безпріютныхъ, какъ о своихъ кровныхъ братьяхъ, посѣщалъ и утѣшалъ ихъ почти каждый день. Кротость, милосердіе и благоразуміе превращали самихъ преступниковъ въ добродѣтельныхъ людей; а вниманіе его и милости къ человѣчеству привлекали ежедневно множество людей изъ глубины лѣсовъ, не только изъ областей подвластныхъ Угличу, но даже изъ другихъ Княжествъ; народъ стекался толпами въ Угличъ со всѣхъ сторонъ подъ благодѣтельную десницу добраго Романа Владиміровича. Такимъ образомъ распространился и украсился городъ. Романъ Владиміровичъ много также распространилъ противъ прежняго свой Княжескій Дворецъ, перестроивая его, много воздвигнулъ въ Угличѣ общественныхъ зданій, построилъ въ Угличѣ и другихъ городахъ и селахъ болѣе 15-ти церквей, украсилъ ихъ богатыми вкладами. Бояре и граждане, наслаждаясь тишиною и благоденствіемъ, и подражая своему Князю, также построили много церквей, лавокъ и домовъ въ княженіе Романа Святаго.

Умилительно читать въ Лѣтописяхъ, что Романъ Владиміровичъ любилъ и часто бесѣдовалъ съ престарѣлыми, умными и опытными мужами того времени, посѣщалъ келіи умныхъ монаховъ, которые вели жизнь святую и блистали изъ подъ черныхъ мантій свѣтомъ ума и добродѣтели. *Итако питалъ свою душу и сердце, и явился премудрымъ паче человѣкъ.*

Романъ Владиміровичъ прославилъ также себя построеніемъ въ своемъ Княжествѣ новаго и красиваго города, который и названъ въ честь основателя своего *Романовымъ*. Серебренникова и Супоневская лѣтописи повѣствуютъ подробно объ этомъ подвигѣ Угличскаго Князя. Любопытно знать, что было причиною о основаніи сего города? Или Романовъ былъ избранъ мѣстомъ торговли тамошняго края, или чтобы онъ былъ защитою Сѣверныхъ областей Угличскаго Княжества? А вѣрнѣе всего, что всѣ эти обстоятельства вмѣстѣ были причиною основанія города Романова. Романъ Владиміровичъ собралъ Бояръ и Духовенство, долго съ ними разсуждалъ и совѣтовался, потомъ, призвавши мастеровыхъ и рабочихъ, отправился съ ними къ слободѣ Борисоглѣбской, и напротивъ ея на высокомъ бе-

регу Волги заложилъ Соборную церковь во имя Воздвиженія Св. креста, распредѣлилъ, гдѣ быть крѣпости, потомъ собралъ множество рабочихъ людей тамошняго края, распорядясь работами, возвратился въ Угличъ. Чрезъ три года донесли Князю, что городъ конченъ. Князь поѣхалъ туда и удивился, *видя городъ цвѣтуще и пре-изрядне.* Князь Романъ, довольный своимъ созданіемъ, отслужилъ благодарственный молебенъ Богу, вспомоществующему въ добромъ дѣлѣ, освятилъ новосозданные Соборъ и крѣпость, наградилъ Бояръ, мастеровъ и работниковъ, строившихъ городъ Романовъ, распорядился управленіемъ новой своей крѣпости, и потомъ возвратился въ престольный градъ Угличъ.

До времени княженія Романа Владиміровича, ни гдѣ въ лѣтописяхъ не упоминается объ пространствѣ Углическаго Княжества; при немъ же подробно исчисляютъ города и слободы подвластные Угличу. Пріятно и любопытно знать силу и могущество Углическихъ Князей, но еще пріятнѣе бы знать, съ котораго именно времени Угличъ сталъ обладать пригородками, (какъ тогда они назывались). Можно заключать, что со времени, когда Угличъ сдѣлался удѣльнымъ Ростовскимъ Княжествомъ.

Города и слободы, бывшіе подъ властію К. Романа суть: 1.) Кашинъ, 2.) Бѣжецкій верхъ, 3.) Желѣзный Устюгъ, 4.) Дмитровъ, 5.) Звѣнигородъ, 6.) Новосозданный Романовъ, 7.) Угличъ, какъ столица и средоточіе власти. Слободы подвластныя Угличу были тогда слѣдующія: *Борисоглѣбская, отъ нея же Романовъ начало воспріимъ. Рыбная* слобода, или Рыбинская, *Мологская.* »Сіи великосадныя слободы такъ же и иныя многая веси и села во одержаніи своемъ Угличъ имѣяше.» Лѣтописецъ прибавляетъ, что Угличское Княжество, по числу седьми городовъ, *Семиградныимъ именовалося.* Впрочемъ, когда удѣлы постепенно умножались на Сѣверѣ Россіи, то области принадлежащія удѣламъ, часто переходили отъ одного къ другому Княжеству такъ, что трудно опредѣлить: когда, что кому принадлежало.

Наконецъ бездѣтный Угличскій князь Романъ Владиміровичъ, лишился и послѣдняго своего утѣшенія въ сей юдольной жизни: супруга его Александра, раздѣлившая съ нимъ престолъ и всѣ добродѣтели, скончалась. Орошая гробъ ея слезами, онъ утѣшался хоть тѣмъ, что непритворныя, но глубоко сердечныя слезы, проливали съ нимъ вмѣстѣ и всѣ его подданные, она

была благодѣтельницею вдовъ, сиротъ и неимущихъ.

Князь Романъ, оплакивая свою невозвратимую потерю, посвятилъ остатокъ своихъ дней единственно Богу и обожающимъ его подданнымъ. Въ его княженіе откупщики Татарскихъ пошлинъ до того умножились, и бѣдствія народа до того дошли, что во Владимірѣ, Суздалѣ, Ростовѣ, Ярославлѣ произошли страшные бунты, и всѣ Татары были убиты; а въ Устюгѣ татаринъ взялъ себѣ дочь одного гражданина, когда же произошелъ бунтъ и других Татаръ убили, то Марія, взятая имъ, убѣдила его скорѣе креститься, и тѣмъ спасла его отъ неминучей гибели, а онъ изъ благодарности женился на Маріи.

Романъ Владиміровичъ, предвидя свою кончину, по словамъ лѣтописца, созвалъ Бояръ, и Духовенство во дворецъ къ болѣзненному одру своему, и какъ умный и попечительный отецъ, завѣщалъ имъ жить въ мірѣ, любви и согласіи, какъ родные братья. Престолъ свой онъ долженъ былъ завѣщать двоюроднымъ своимъ братьямъ, Князьямъ Ростовскимъ. Это должно составлять первую статью завѣщанія, но о престолѣ Лѣтописи ни слова.

Романъ Владиміровичъ скончался въ 1285

году на 60 году своея жизни и на 23 году своего княженія въ Угличѣ. Чрезъ 303 года, по кончинѣ Романа, въ княженіе Угличскаго Князя Андрея Васильевича, начали строить большую соборную церковь каменную, когда взрыли землю для бута, или фундамента, то въ склепѣ на мѣстѣ стараго деревяннаго собора, открыли нетлѣнные мощи Угличскаго Князя Романа. Послѣ уже мощи свидѣтельствовалъ Митрополитъ Казанскій и Астраханскій Ермогенъ, участникъ избавленія Россіи отъ Поляковъ, а посылалъ его свидѣтельствовать первый Россійскій Патріархъ Киръ Іовъ.

Шестый Угличскій Князь Дмитрій Борисовичъ съ 1285 года.

По смерти Угличскаго Князя Романа Святаго, на Угличскій престолъ взошелъ Дмитрій сынъ Бориса, внукъ Василька, роднаго брата Владиміру Константиновичу Угличскому Князю, слѣдовательно ближайшій родственникъ умершимъ бездѣтнымъ Угличскимъ Князьямъ Андрею и Роману.

Въ IV томѣ Ист. Карамз. въ примѣчаніи 168 сказано, что въ 1285 году до того умно-

жились Татары въ Ростовѣ, и безчинства ихъ дошли уже до того, что граждане Ростова составили Вѣче, условились въ общемъ засѣданіи, и силою выгнали всѣхъ Татаръ изъ Ростова, имѣніе ихъ разграбили и раздѣлили между собою. Тогда Князь Ростовскій Константинъ Борисовичъ страшась Ханскаго гнѣва, поспѣшилъ въ Орду, чтобы оправдать себя и своихъ подданныхъ. Въ 1286 году Дмитрій и Константинъ Борисовичи раздѣлились между собою: Дмитрій взялъ себѣ Угличъ, по смерти тамошнихъ Князей Андрея и Романа Владиміровичей, внуковъ Константина, Константинъ же взялъ Ростовъ, и въ 1289 году Дмитрій опять перешелъ княжить въ Ростовъ предъ изгнаніемъ Татаръ. По этому Ростовцы два раза изгоняли Татаръ изъ своего города. Въ Устюжской лѣтописи сказано: Князья Ростовскіе раздѣлили свое наслѣдіе, и Дмитрію Борисовичу по жеребью досталося Угличье поле, да Бѣлое озеро, а Константину Борисовичу Ростовъ да Устюгъ: *онъ же тогда пріиде жити на Устюгъ Великій.*

Никоновская лѣтопись говоритъ, что Дмитрій Борисовичъ и братъ его Константинъ, тогда же ѣздили въ Орду съ своими Княгинями, Ханъ ихъ принялъ, обласкалъ и отпустилъ ихъ въ Россію съ

великою честію. Сынъ В. К. Дмитрія Александровича, Князь Иванъ Переславскій взялъ дочь у Дмитрія Борисовича себѣ въ супружество. „Въ 1279 году Дмитрій Борисовичъ Князь Ростовскій отымалъ волости у Князя Михаила Глѣбовича съ грѣхомъ и не правдою, а бы ему Богъ пробавилъ, »(пусть ему Богъ проститъ)» нача наряжати ратные полки въ Ростовѣ, блюдяся братьи, городъ весь замяте.“ Слѣдовательно Дмитрій Борисовичъ былъ Князь духа воинственнаго и не спокойнаго, ибо въ лѣтописяхъ Никоновской, Ростовской и Воскресенской нѣсколько разъ упоминается объ его ратныхъ дѣйствіяхъ. Между тѣмъ Ордынскіе Мурзы и Баскаки страшно опустошали Русскіе города, области и Княжества.

Описавши обстоятельства, предшествовавшія водворенію Дмитрія Борисовича въ Угличѣ, теперь поспѣшимъ съ толпою Угличанъ ему на встрѣчу, ибо посольство давно уже отправилось къ нему въ Ростовъ, а духовенство, бояре, граждане и народъ толпами поспѣшаютъ изъ Углича по Ростовской дорогѣ. За семь верстъ отъ Углича была большая слобода Стрѣлецкая, она существовала до нашествія Поляковъ на Угличъ, или до 1611 года.

Здѣсь добрые Угличане съ хлѣбомъ и солью

встрѣтили и привѣтствовали своего Князя Дмитрія Борисовича. Новый Угличскій Князь, принявши хлѣбъ и соль и поблагодаривши усердныхъ Угличанъ, велѣлъ пѣть молебенъ, и тронутый до глубины сердца такою радушною встрѣчею, Угличанъ ознаменовалъ счастливыя сіи минуты для своего сердца богоугоднымъ дѣломъ: онъ построилъ на мѣстѣ встрѣчи прекрасную церковь, во имя своего Ангела *Димитрія Селунскаго.* Церковь сія существовала вмѣстѣ съ Стрѣлецкою слободою до Литовскаго раззоренія, а мѣсто сіе, лежащее въ семи верстахъ отъ Углича на правой сторонѣ Ростовской дороги и по нынѣ называется *Селунскимъ Боромъ.*

Дмитрій Борисовичъ, встрѣченный съ великою честію, вступилъ въ Угличъ съ великолѣпною и многочисленною свитою, водворился въ палатахъ прежнихъ Угличскихъ Князей, и помолясь Богу въ Угличскомъ соборѣ, далъ великолѣпный пиръ Духовенству, Боярамъ, всѣмъ Чиновникамъ и знатнѣйшимъ Угличскимъ гражданамъ, обѣщалъ имъ, что онъ въ управленіи Княжествомъ не отступитъ ни въ какихъ дѣлахъ отъ правилъ Святаго своего предшественника Князя Романа. И точно, по выраженію

лѣтописца Угличскаго: „онъ свято слѣдовалъ завѣщанію Романа, и былъ между своими подданными, какъ мѣсяцъ ясный среди звѣздъ.“

Въ 1289 году Дмитрій Борисовичъ перешелъ княжить въ Ростовъ. Вѣроятно, что Дмитрій и Константинъ Борисовичи ссорились между собою, ибо нѣсколько разъ они ѣздили въ Орду, а туда Русскіе Князья ходили обыкновенно только жаловаться на другихъ Князей и судиться съ ними; а перемѣщенія сихъ двухъ братьевъ съ Княжества на другое, и потомъ на третіе доказываетъ ясно, что они нѣсколько разъ ссорились и мирились между собою. Они родные братья, какъ Андрей и Романъ, только какая противоположность: тѣ жили оба въ одномъ домѣ и облегчали другъ друга тяжесть управленія, утѣшали другъ друга въ несчастіи, и вполнѣ радовались и наслаждались счастіемъ, душевнымъ миромъ и спокойствіемъ, ввѣренныхъ имъ Богомъ подданныхъ, а Дмитрій и Константинъ ссорились, и вѣрно изъ заклочка земли, или еще хуже, по клеветамъ Боярскимъ. Какъ и нынѣ ссорятся, враждуютъ и лишаются душевнаго спокойствія и теряютъ минуты кратковременной жизни, данные Богомъ для нашего благополучія, и теряютъ часто изъ совершенныхъ пустя-

ковъ, изъ одного слова, изъ одного поклона, а больше по клеветѣ стороннихъ людей. Но это участь малодушныхъ людей.

Дальнѣйшія и подробныя дѣйствія Димитрія Борисовича въ Угличѣ ограничиваются только тѣмъ, что онъ подъ конецъ своего княженія, собралъ въ немъ дружину, и соединивъ съ Ростовскою, вступилъ въ кровопролитную брань противъ Ѳеодора Ростиславича, который, будучи изгнанъ изъ Переславля, обратилъ его въ пепелъ. Дмитрій Борисовичъ на пути своемъ близъ Волока занемогъ, прінялъ монашескій санъ и вскорѣ умеръ въ 1294 году.

Седьмый Углицкій Князь Андрей Александровичъ съ 1289 года.

Когда Дмитрій Борисовичъ оставилъ Угличъ и перешелъ княжить въ Ростовъ, то Городецкій Князь Андрей Александровичъ, пользуясь отсутствіемъ обоихъ братьевъ, захватилъ насильственно Угличское Княжество. Это случилось въ то время, когда оба братья Дмитрій и Константинъ Борисовичи ѣздили въ Орду. Возвратившися изъ Орды, и видя Угличъ въ рукахъ Андрея, онъ удалился въ Устюгъ, гдѣ и

жилъ до тѣхъ поръ, покуда Андрей Александровичъ принужденъ былъ оставить Угличъ и отказаться отъ своихъ честолюбивыхъ замысловъ на Владиміръ.

Андрей Александровичъ Князь Городецкій, а теперь и Угличскій, желая отнять Великокняжескій Престолъ у старшаго брата Дмитрія Александровича, приступилъ къ Угличу съ огромнымъ войскомъ и сомножествомъ Татаръ, угрожалъ ему истребленіемъ, ежели Угличане станутъ противиться его волѣ. Миролюбивые и беззащитные жители Углича должны были уступить его силѣ и угрозамъ, впустили его въ городъ. Новый Угличскій Князь, не имѣя никакого права на Угличскій Престолъ, тѣмъ тверже сѣлъ на немъ, чтобы новыми силами укрѣпить себя противъ своего брата. Водворившись въ Угличѣ со всѣмъ своимъ войскомъ, Андрей Александровичъ началъ распоряжаться въ немъ, какъ собственностію. Татары и его войско служили ему орудіемъ въ распоряженіяхъ, и были усердными до наглости исполнителями его воли; они набирали въ Угличскомъ Княжествѣ новое войско, собирали подати, и поступали во всемъ и со всѣми какъ въ непріятельской странѣ; и все это дѣлалось именемъ грознаго Хана.

Андрей Александровичъ оправдывалъ свое нахальное владычество въ Угличѣ, во первыхъ ссорою Угличскихъ Князей Дмитрія и Константина; а во вторыхъ тѣмъ, что онъ считалъ себя Великимъ Княземъ Владимірскимъ, и что онъ такое же право имѣлъ на Угличскій Престолъ, послѣ Романа Святаго, какъ и Ростовскіе Князья Дмитрій и Константинъ, по крайней мѣрѣ, онъ такъ думалъ.

Итакъ собравши съ Угличскаго Княжества дань, какой и Татары не бирали, и оставивши Угличъ подъ управленіемъ Бояръ, самъ поспѣшилъ въ Орду, чтобы цѣною слезъ и крови своихъ соотчичей купить Владимірскій тронъ отца своего, законно принадлежащій старшему брату Дмитрію Александровичу.

Татары очень понимали, что Россія можетъ быть тогда только сильною и для ихъ власти опасною, когда въ ней водворится миръ и согласіе между Князьями, по этому старались поддерживать несогласія Князей, и чрезъ сію коварную политику, владѣли Россіею два съ половиною вѣка. Ханы всѣхъ равно ласкали, кто ни приходилъ къ нимъ съ подарками и униженіемъ; давали Русскимъ Князьямъ Княжества, области, города, и подкрѣпляли ихъ права

своимъ Татарскимъ войскомъ. Между тѣмъ Ханы казались справедливыми, ибо кто искалъ себѣ чужаго, являлся къ Хану, находилъ причину своей законности и считалъ себя правымъ; Ханы казнили и мучили только тѣхъ Князей, которые осмѣливались противиться ихъ волѣ, не являлись въ Орду и не приносили имъ подарковъ. Итакъ, какъ Ханы давали почти каждому, кто чего искалъ, то это еще болѣе привлекало Русскихъ завистливыхъ Князей. Они давали Русскимъ Князьямъ ерлыки, или грамоты, на владѣніе тѣмъ, или другимъ Княжествомъ, а толпы Татаръ, возводя на престолъ Князей, ради были случаю пограбить и нажиться въ Россіи отъ ссоры ея Князей.

Такимъ то образомъ, Андрей Александровичъ вымолилъ себѣ у Хана грамоту на великое Владимірское Княжество, получилъ сильное войско, которое должно было низвергнуть старшаго, оклеветаннаго имъ брата, и возвести его на Владимірскій престолъ. Андрей Александровичъ, мучимый властолюбіемъ, спѣшитъ къ Владиміру, ведетъ за собою несмѣтныя толпы необузданныхъ Татаръ, сулитъ имъ богатую плату, и возбудивши ихъ Татарское корыстолюбіе, подступаетъ къ укрѣпленному Владиміру.

Онъ думалъ, что Великій Князь Дмитрій Александровичъ, увидѣвши ужасное воинство Татарское, Городецкое и Угличекое, испугается и отдастъ ему столицу безъ бою; но правому нечего бояться; и потому, надѣясь на свою правоту и на всеобщую народную къ себѣ любовь, онъ затворился во Владимірѣ и рѣшился защищаться въ немъ до послѣдней возможности. Толпы Татаръ окружили городъ, грозили ему огнемъ, мечемъ и Ханскимъ гнѣвомъ, но городъ не сдавался. Татарамъ надобно было идти на приступъ, или въ тогдашнихъ обстоятельствахъ, почти на вѣрную смерть, потому, что Владимірцы испытавшіе уже Татарскую лютость при Георгіѣ II, рѣшились лучше умереть всѣ на развалинахъ роднаго города, чѣмъ сдаться.

Андрею Александровичу труднѣе было взять хорошо укрѣпленный Владиміръ, чѣмъ Батыю Козельскъ, и потому то Татары не пошли на приступъ, и простоявъ нѣсколько времени подъ стѣнами Русской столицы, начали требовать у своего предводителя обѣщанной платы, провизіи, лошадей и проч. Но гдѣ Андрей Александровичъ могъ взять столько, чтобы удовлетворить Татарское корыстолюбіе? Тутъ вышла ссора: Татары взбунтовались противъ своего предводи-

теля и разсыпались по всѣмъ областямъ на разграбленіе селъ и городовъ. Дюдень предводитель Татарскихъ грабителей опустошилъ окрестность Владиміра, взяли и разграбили города: Суздаль, Муромъ, Юрьевъ, Москву, Коломну, Дмитровъ, Можайскъ, Волокъ, Переславль и Угличъ, несчастнѣйшій изъ городовъ.

Раззореніе Углича отъ Татаръ, въ 1293 году.

Несчастное Угличское Княжество! Безъ Князя, безъ защиты, ограбленное прежде захватившимъ его Княземъ Андреемъ Александровичемъ, а теперь оставленное имъ въ добычу мстительной злобѣ Татаръ; ибо Князь Андрей бѣжалъ отъ взбунтовавшихся Татаръ, бѣжалъ, и такъ постыдно отъ стѣнъ Владиміра, гдѣ онъ такъ жадно хотѣлъ властвовать. А Татары, мстя обманувшему ихъ Князю Андрею, устремились на Угличъ. Бѣдные Угличане, преданные Княземъ іхъ собственной судьбѣ и застигнутые Татарами нечаянно, незнали что дѣлать въ столь бѣдственномъ положеніи, и потому многіе изъ нихъ разбѣжались при первомъ появленіи Татаръ, многіе по примѣру Ростовцевъ, хотѣли оружіемъ и силою отразить грабителей, многіе не надѣясь на силу, прятались, кто на чердакъ, кто въ подвалъ, кто въ погребъ, словомъ, кто куда могъ.

Но когда Татары ворвались въ городъ и началась сѣча, то многіе въ отчаяніи и бѣшенствѣ, бросались на Татаръ съ ножами, съ косами, съ топорами и всякаго рода оружіемъ; бились въ домахъ, на улицахъ, въ переулкахъ и падали отъ силы напирающихъ Татаръ. Когда же Угличане увидѣли не возможность побѣдить неистовыхъ грабителей, (ибо толпы Татаръ безпрестанно увеличивались вновь приходящими толпами), то и остальные защитники Углича, или пали мертвые отъ оружія Татарскаго, или разбѣжались, какъ овцы безъ пастыря. Иные падали предъ убійцами на колѣни и умоляли ихъ о пощадѣ, и были пронзаемы копьями Татаръ. Крикъ стонъ, вопль и отчаяніе только ожесточали звѣроподобныхъ убійцъ. Они бѣгали изъ дома въ домъ, ломали двери, срывали запоры, грабили имущество, убивали мущинъ, мучили старцевъ и рѣзали дѣтей, спрашивая, гдѣ скрыты сокровища; терзали отчаянныхъ матерей, вырывали дѣвицъ изъ матернискихъ обьятій и звѣрски ругались надъ беззащитными. Наконецъ, упившись кровію, насытившись грабежемъ и убійствомъ, зажгли несчастный Угличъ со всѣхъ сторонъ, и пламя пожрало все то, чего не могло поглотить Татарское корыстолюбіе. Супо-

невская лѣтопись, описывая раззореніе Углича отъ Татаръ, говоритъ:„ зліи Татарове внезапу нападоша на Угличъ, начаша зорити его мечемъ и огнемъ, граждапъ истребляя, имѣнія ихъ емлюще, и мало опустошивша, зѣло обогатившася, жителей овыхъ въ полонъ взяша, а многое число ихъ разбѣгошася по лѣсамъ.“ Такъ смерть пировала на развалинахъ Углича въ честь властолюбивому Князю Андрею Александровичу, Татары ушли обагренные кровію Угличанъ и заревомъ пылающаго города.

О счастливые Угличане! съ какимъ пламеннымъ усердіемъ, съ какимъ горячимъ чувствомъ мы должны благодарить Творца, что мы живемъ не въ тѣ времена ужасовъ и убійствъ. Въ нашихъ глазахъ варвары не ругаются надъ святынею, звѣрообразные Татары не вырываютъ изъ нашихъ объятій женъ и дочерей; въ нашихъ глазахъ не рѣжутъ нашихъ дѣтей: намъ объ этихъ ужасахъ ни когда и на мысль не приходило, объ нихъ и подумать страшно, грабители не жгутъ нашихъ домовъ, не рвутъ нашего имущества; но чего не испытали наши предки, какихъ мученій не вытерпѣли наши праотцы: между тѣмъ, какъ мы наслаждаемся всѣми

благами земли, покоимся подъ сѣнію ненарушимаго мира и счастія.

Въ то время, когда Угличъ былъ разоренъ, жестоко пострадала и вся Сѣверная Россія отъ междоусобія Князей, отъ частыхъ и страшныхъ Татарскихъ набѣговъ. Послѣ сихъ-то потрясеній и переворотовъ Россія уже начала сосредоточивать свои силы въ Москвѣ. Ибо въ то время, когда два сына Святаго Александра Невскаго губили въ междоусобіи наслѣдіе своего отца, третій сынъ Невскаго Даніилъ Александровичъ, въ мирѣ, въ тишинѣ устроилъ, усилилъ и увеличилъ свое Московское Княжество, и съ сего то времени (1300 года) Москва начала преобладать надъ Владиміромъ и постепенно достигла первенства въ Россіи, содѣлалась столицею и сердцемъ ея, и почитается достойно матерью городовъ Русскихъ.

Но когда силы Россіи сосредоточивались въ Москвѣ, число удѣльныхъ Князей до того увеличилось, что трудно исчислить мелочныя ихъ дѣла и произшествія, касающіяся и до одного Углича. Удѣльные Князья, то ссорились и сражались между собою, то ходили толпами въ Орду выпрашивать себѣ, то или другое Княжество, то приводили полчища Татаръ для одоленія сво-

ихъ противниковъ, часто родственниковъ и даже родныхъ братьевъ, то переходили съ престола на престолъ, мѣняя Княжества, то мѣнялись областями, и городами между собою, то просто захватывали чужіе удѣлы и города безъ всякаго на нихъ права. По этой причинѣ и въ нашемъ Угличѣ, такъ часто мѣнялись Князья и наполнили Исторію Углича мелочными произшествіями, которые древніе лѣтописцы, или пропускали по ихъ сухости, или упоминаютъ объ нихъ, но такъ коротко, что трудно ихъ и объяснить въ нынѣшнее время. Такъ они именуютъ нѣсколькихъ Угличскихъ Князей, не говоря ни слова объ ихъ дѣлахъ, происхожденіи и произшествіяхъ Угличскаго Княжества.

Осьмый Угличскій Князь Константинъ Борисовичъ съ 1293 года.

Когда властолюбіе Андрея Александровича низвергнуло его съ высоты замысловъ, и Татары, отягченные добычею Углича удалились въ Орду, тогда Угличскіе жители начали стекаться опять на развалины своего роднаго города. Они отыскивали съ великимъ трудомъ мѣста своего жительства, ибо кучи пепла и камней скрывали ихъ

слѣды. Угличане, оплакавши своихъ родныхъ и ближнихъ, оплакали вмѣстѣ свое достояніе и красоту города погребеннаго въ пепелищѣ: Духовенство, бояре и граждане печальные, сошлись посѣтовать на Вѣчѣ; долго разсуждали о судьбѣ, постигшей ихъ, о средствахъ улучшить свое положеніе, поправить городъ и Княжество раззоренные и разстроенные; наконецъ положили: послать избранное посольство къ Устюжскому Князю Константину Борисовичу, какъ прежде посылали они къ его родному брату Дмитрію въ Ростовъ. Константинъ Борисовичъ съ любовію принялъ посольство, съ удовольствіемъ согласился на ихъ предложеніе, съ честію отпустилъ ихъ обратно въ Угличъ; вскорѣ и самъ переѣхалъ со всѣмъ своимъ дворомъ изъ Устюга на жительство въ Угличъ. Константинъ Борисовичъ конечно имѣлъ и прежде право на Угличское Княжество, послѣ своего старшаго брата Дмитрія Борисовича, но отсутствіе его было причиною, что Андрей Александровичъ, считая себя Великимъ Княземъ, считалъ вмѣстѣ и распорядителемъ удѣловъ; по крайней мѣрѣ, захватилъ себѣ Угличъ рукою завоевателя, Константинъ же Борисовичъ, какъ видно по Исторіи Карамзина, всегда держалъ сторону Андрея

Александровича. Это было впрочемъ тогда уже, когда полчища Татаръ опустошали Россію, слѣдовательно не было никакой возможности противиться волѣ Андрея Александровича; ибо Татары громили огнемъ и мечемъ Княжества всѣхъ тѣхъ Князей, кои почему-либо казались противниками ихъ предводителю. Когда же Константинъ Борисовичъ водворился въ Угличѣ, держа за собою такъ же и Устюгъ, то первымъ его дѣломъ было, что онъ возстановилъ въ немъ и во всемъ Княжествѣ своемъ прежній порядокъ, тишину и спокойствіе подданныхъ. Утвердилъ правосудіе и распорядился сборомъ податей во всемъ своемъ Княжествѣ, далъ Угличу многія льготы, повелѣлъ гражданамъ устроивать свои жилища и другія постройки, самъ поощрялъ ихъ своимъ примѣромъ, и Угличъ вскорѣ явился въ лучшей противъ прежняго красотѣ, изобиліе лѣсовъ способствовало сму въ этомъ. Давши Угличу льготы во всѣхъ податяхъ, казенныхъ и городскихъ повинностяхъ, онъ и самъ помогалъ имъ отстраиваться совѣтомъ и дѣломъ. Жаль, что Константинъ Борисовичъ недолго княжилъ въ Угличѣ, онъ въ концѣ 1294 года по смерти старшаго своего брата, перешелъ на Ростовскій престолъ, и потому некогда было ему заняться

дѣлами Угличскаго Княжества. Впрочемъ онъ оставилъ на Угличскомъ престолѣ сына своего Александра Константиновича, который подъ руководствомъ отца и пользуясь его совѣтами и наставленіями, привелъ въ цвѣтущее состояніе свое обширное Угличское Княжество.

Константинъ Борисовичъ родился 30-го Іюля 1254 года въ Ростовѣ, жизнь сего Князя была исполнена горестями, неудачами и притѣснена съ двухъ сторонъ сильными властолюбцами: братомъ своимъ Дмитріемъ и Андреемъ Александровичемъ, онъ принужденъ былъ по неволѣ служить тому, или другому, принужденъ былъ вооружаться противъ своего благодѣтеля Великаго Князя Дмитрія Александровича. Константинъ Борисовичъ въ 1307 году ходилъ въ Орду къ Хану, да тамъ и жизнь свою кончилъ. Кажется, не одинъ Князь не ходилъ такъ часто въ Орду, какъ Константинъ Борисовичъ и не одинъ родъ Князей не потерпѣлъ столько отъ Орды, какъ Ростовскіе Князья: Прадѣдъ Константина, Василько Ростовскій былъ убитъ Батыемъ въ первое нашествіе Татаръ. Дѣдъ его Константинъ умеръ въ Ордѣ. Отецъ его Борисъ умеръ на возвратномъ пути изъ Орды, и самъ онъ Константинъ Борисовичъ кончилъ свою

жизнь въ Ордѣ. Въ 1321 году пріиде изъ Орды въ Кашинъ татаринъ Гаянчаръ съ Жидовиномъ, откупщикомъ Ханской дани, они много зла сотворили Кашину. Константинъ Борисовичъ былъ женатъ на дочери Муромскаго Князя Ярослава, свадьбу пировали въ Ростовѣ въ 1248 году, вѣнчались въ церкви Богоматери.

Десятый Углицкій Князь Александръ Константиновичъ съ 1294 года.

По смерти старшаго своего брата Дмитрія Борисовича Ростовскаго, Константинъ Борисовичъ занялъ Ростовскій Престолъ по наслѣдству по завѣщанію Дмитрія, а Угличу оставилъ сына своего Александра Константиновича. Въ семъ же году Углицкій и Ростовскій Князья пировали двѣ родственныя свадьбы. Двѣ племянницы Константина Борисовича вышли за мужъ: одна за Великаго Князя Андрея Александровича Владимірскаго, другая за Михаила Тверскаго, называвшагося также Великимъ Княземъ. Такимъ образомъ брачные союзы, новое родство, пиры и устройство новыхъ своихъ Княжествъ, перемѣстившихся съ престола на престолъ заняли сихъ Князей, и потому Свер-

ная Россія два года наслаждалась благотворнымъ миромъ и спокойствіемъ.

По смерти Андрея Александровича, въ 1304 году, возгорѣлась ужасная вражда между Михаиломъ Тверскимъ и Георгіемъ Московскимъ за Великокняжескій Владимірскій Престолъ. Племянникъ Угличскаго и Ростовскаго Князя Константина Михаилъ Ярославичъ Тверскій взошелъ на Владимірскій Престолъ, какъ старшій въ родѣ изъ потомковъ Александра Невскаго; но Георгій Даниловичъ Московскій употребилъ всѣ силы, всѣ средства, даже женился на дочери Ханской, и наконецъ успѣлъ оклеветать невиннаго Михаила. Вскорѣ позвали его въ Орду и тамъ безчеловѣчно замучили сего Святаго праведника, но и Георгій недолго наслаждался плодами своего злодѣянія, ибо въ то время, когда Георгій пировалъ въ Ордѣ у своего тестя, явился туда молодой и великодушный сынъ замученнаго Михаила. Сей благородный юноша увидя злобно насмѣхающагося и величающагося убійцу отца своего, не вытерпѣлъ, не вынесъ коварной насмѣшки: ему живо представился окровавленный трупъ мученика отца его, онъ затрепеталъ отъ ужаса и гнѣва и вонзилъ мечь въ грудь убійцы отца своего. Послѣ этаго про-

нашествія Дмитрій цѣлыхъ десять мѣсяцевъ ожидалъ своей ужасной смерти, и наконецъ подобно отцу своему, великодушно умеръ въ Ордѣ. Но этимъ Ханская месть за своего зятя не насытилась, онъ прислалъ въ Россію 50,000 войска мстить Тверскому Княжеству, и тогда Тверь, Торжокъ, Кашинъ и многіе другіе города и села были разграблены, опустошены и сожжены.

Всѣ помянутыя происшествія были прикосновенными многимъ удѣльнымъ княжествамъ, и потому же самому невозможно, чтобы Угличъ не испыталъ новыхъ бѣдствій отъ междоусобія Князей и отъ страшнаго нашествія Татаръ. Такъ Кашинъ и Устюгъ, будучи областями Угличскими, ужасно пострадали отъ огня и меча Татарскаго; и ежели Угличъ уцѣлѣлъ, то вѣроятно его спасли благоразуміе и умѣренность Князей Угличскаго и Ростовскаго. Въ 1307 году Ростовскій Князь Константинъ Борисовичъ умеръ въ Ордѣ, слѣдовательно и Угличскій Князь Александръ Константиновичъ ходилъ въ Орду за тѣломъ отца своего; жалостная смерть Константина, постигшая его такъ далеко отъ родины и родныхъ, невольно исторгла слезы, не только супруги его и дѣтей, но всѣхъ Россіянъ. Княженіе Александра Константиновича въ Угли-

чѣ есть самое мрачное для Угличской Исторіи; ибо въ теченіи 35 лѣтъ Угличь исчезаетъ изъ Исторіи Карамзина, а Угличскіе лѣтописи не говорятъ ничего дѣльнаго объ этомъ времени. Но послѣдствія и самыя обстоятельства ясно обнаруживаютъ состояніе Ростова и Углича: Во первыхъ извѣстно, что Угличъ и Ростовъ потеряли свою независимость и подчинились Великому Князю Московскому Іоанну Даниловичу Калитѣ; слѣдовательно междоусобія погубили ихъ самостоятельность, ибо братъ Угличскаго Князя Александра, Василій Константиновичъ привелъ изъ Орды двухъ посланниковъ, со множествомъ Татарскаго войска, слѣдовательно Ханъ присылалъ ихъ для того, чтобы помирить ссорящихся и силою заставить повиноваться волѣ Ханской. И такъ вѣрнѣе всего, что Василій и Александръ Константиновичи ссорились между собою. Василій Константиновичь Ростовскій родился въ 1291 году, слѣдовательно былъ младшій братъ Александру Константиновичу, ибо Александръ Константиновичъ въ 1293 году уже былъ Княземъ Углича, слѣдовательно Угличскій Князь имѣлъ полное право на Ростовскій престолъ послѣ отца своего, какъ старшій сынъ; при томъ же и прежде сего случая, Угличскіе Князья всегда

наслѣдовали родственникамъ своимъ Князьямъ Ростовскимъ, ибо Угличское Княжество считалось первымъ послѣ Ростова. Вѣроятно такъ же, что Александръ Константиновичъ, будучи изгнанъ Татарами съ Ростовскаго престола, ходилъ въ Орду къ Хану; а въ 1318 году чрезъ два года, опять Ханскій посолъ былъ въ Ростовѣ съ Татарскою дружиною и причинилъ Ростову много зла. Между тѣмъ извѣстно, что Татарскіе вельможи приходили въ Россію, или для мести, или для суда, и подъ благовидною причиною миротворцевъ, обирали Русскихъ Князей, подарками, а чаще грабили ихъ и раззоряли до конца.

И такъ междоусобія братьевъ Александра и Василія Константиновичей погубили Угличское и Ростовское Княжества, истребили множество народа, истощили народное богатство, остановили успѣхи земледѣлія, торговли и народной промышленности, постепенно истощали всѣ нравственныя и физическія силы обоихъ Княжествъ, словомъ, они убили свободу, независимость и самостоятельность Угличскаго и Ростовскаго Княжествъ; ибо *слабые наслѣдники Романа Святаго, продали въ 1329 году свое Угличское Княжество умному Іоанну Даниловичу Калитѣ.*

Карамзинъ, гдѣ только ни говоритъ объ Князьяхъ Ростовскихъ, то всегда должно разумѣть и Угличскаго Князя, потому, что Угличскіе и Ростовскіе Князья составляютъ по Карамзину одинъ родъ, и названы у него Ростовскими, а Угличъ, онъ считаетъ удѣломъ Ростова отъ самой кончины Романа Святаго, послѣ котораго онъ поступилъ въ родъ Ростовскихъ Князей. Въ 1328 году и Св. Петръ Митрополитъ Владимірскій перенесъ свою Митрополію въ прославленную мудрымъ Калитою Москву. И такъ Москва съ сего времени соединила двѣ власти въ себѣ: свѣтскую и духовную, и *политика Московскихъ Князей съ сего времени состояла въ томъ, чтобъ унизить, ограничить, и наконецъ во все истребить губительную систему удѣловъ.* Въ 1375 году еще разъ Карамзинъ упоминаетъ объ Угличѣ и Угличскомъ Князѣ, повѣствуя о борьбѣ Тверскаго Княжества съ Дмитріемъ Донскимъ. Тверскій Князь объявивъ Московскому Князю войну, *послалъ сильный отрядъ своего войска подъ Угличъ.* Кажется, что Угличъ не былъ взятъ, ибо лѣтописи ни гдѣ не упоминаютъ, чѣмъ кончилась осада Углича, а при томъ Угличемъ управлялъ, въ сіе время человѣкъ весьма благоразумный, который

сдвали допустилъ бы непріятеля въ крѣпость. Это былъ Константинъ вторый.

Въ томъ же мѣстѣ (на стр. 38 тома V.) Карамзинъ, исчисляя Князей, служившихъ Димитрію Донскому противъ Тверскаго Князя Михаила, говоритъ между прочимъ, что »Ростовскіе Князья Василій и Александръ Константиновичи съ двоюроднымъ ихъ братомъ Андреемъ Ѳеодоровичемъ, съ сильнымъ войскомъ явились подъ знамена Димитрія Іоанновича.» Слѣдовательно Александръ Константиновичъ еще въ 1375 году владѣлъ Угличскимъ Княжествомъ, когда вывелъ сильное войско на помощь Великому Князю. Но *въ которомъ именно году, какимъ образомъ, по какимъ причинамъ, и за какую сумму Александръ Константиновичъ продалъ Калитѣ Угличское Княжество*, неизвѣстно? Взглянемъ на обстоятельства удручавшія Угличъ: во первыхъ, ненасытимое корыстолюбіе Татаръ, грабившихъ почти ежедневно Русскіе Княжества; во вторыхъ, преобладающая и притѣсняющая сила Москвы; въ третьихъ, междоусобія, родственная вражда, и безпрестанныя ссоры съ другими Князьями, *понудили наконецъ* Александра Константиновича *прибѣгнуть къ сильному и умному своему родственнику Іоанну Да-*

ниловичу Калитѣ; въ четвертыхъ, ласки и родственныя угощенія, подслащенныя умнымъ краснорѣчіемъ Калиты. Всѣ эти обстоятельства вмѣстѣ естественно могли обворожить добраго и миролюбиваго Угличскаго Князя Александра, тѣмъ болѣе, что Угличское Княжество поступало подъ сильную руку Іоанна; слѣдовательно могло отдохнуть и успокоиться подъ мощною властію Калиты. А между тѣмъ Александръ Константиновичъ *удерживалъ до самой смерти лестное титло Угличскаго Князя*; и потому, отдавши Угличъ подъ управленіе Москвы, самъ *онъ командовалъ его дружинами, повелѣвалъ боярами*, словомъ *былъ верховнымъ повелителемъ Угличскаго Княжества до самой своей кончины*. А между тѣмъ Угличскій Князь на свободѣ и съ деньгами, ласкаемый Москвою, онъ порхалъ на волѣ, какъ птичка поднебесная, и жилъ попеременно, то въ Угличѣ, то въ Москвѣ, то въ Ростовѣ.

Протекло съ того времени болѣе пяти сотъ лѣтъ, любопытно бы знать теперь, сколько денегъ взялъ Угличскій Князь за свое Княжество, и въ чемъ именно состояло условіе? Но этотъ важный и любопытный фактъ Исторія потеряла. Устное преданіе говоритъ, что раздѣлившійся

Ростовъ и его Княжество на двѣ половины, между Өеодоромъ и Константиномъ дѣтьми Василія Князя Ростовскаго, и послѣ этого раздѣленія одна часть Ростова и Ростовскаго Княжества была продана однимъ изъ двухъ братьевъ Іоанну Даниловичу Калитѣ за 5,000 руб. Слѣдовательно, какъ Угличъ всегда стоитъ половины Ростова, то можно навѣрно заключить, что Угличское Княжество было продано за пять, или болѣе тысячь рублей.

Десятый Угличскій Князь Константинъ третій.?

Какъ ~~извѣстенъ~~ не извѣстенъ годъ кончины Александра Константиновича Угличскаго послѣдняго Князя изъ рода Ростовскихъ Князей, то невозможно опредѣлить времени возшествія на Угличскій престолъ Константина втораго, однако извѣстно достовѣрно, что Князь Константинъ вторый, будучи Намѣстникомъ и довѣреннымъ лицомъ отъ Іоанна Даниловича Калиты, управлялъ Угличемъ при жизни Александра Константиновича и отдавалъ отчетъ въ своемъ управленіи Москвѣ, завися впрочемъ отъ Угличскаго Князя. Въ Серебрянниковой лѣтописи сказано, что „по смерти Александра Константиновича на Угличскій

престолъ возведенъ бысть Константинъ вторый, отъ мѣстныхъ Княжествъ, владѣтель преждѣ *черно-земскихъ людей*, прiятъ же престолъ Угличскаго Княженiя и своя черно-земская многочисленныя люди во градъ Угличъ жительствовати пресели, отъ коихъ Угличъ паипаче распространился и умножился, отъ нихъ же и Заволжская сторона населися, и бысть *велико-посадная слобода*." Что такое лѣтопись разумѣетъ подъ словомъ мѣстное Княжество? и что за черно-земскiе люди, которыхъ онъ съ собою переселилъ въ Угличъ? Должно полагать, что это одинъ изъ множества тогдашнихъ Князей удѣльныхъ, который происходя отъ Княжескаго рода, не имѣлъ уже наслѣдственнаго себѣ удѣла, ибо въ то время до того Князья размножились, что въ другомъ удѣлѣ нечего было уже дѣлить, и потому, такiе Князья безъ Княжествъ, искали обыкновенно службы при дворѣ Великихъ Князей. Слѣдовательно Константинъ могъ прiобрѣсти любовь и довѣренность умнаго и проницательнаго Калиты, который купивши у Александра Константиновича Угличское Княжество, послалъ своего любимца управлять Угличемъ въ родѣ Намѣстника, до смерти Угличскаго Князя. По увѣренiю древней Угличской

лѣтописи, (*) Константинъ, названный сю вторымъ, управлялъ Угличемъ около тридцати лѣтъ. Разумѣется, что Исторія и Угличане не признаютъ его настоящимъ Княземъ, а придаютъ ему титулъ владѣтельнаго Князя только по смерти прежняго Угличскаго Князя Александра Константиновича. Но тѣмъ болѣе всѣ 30-ть лѣтъ его управленія были благодѣтельны для Углича. Лѣтописи представляютъ его: кроткимъ, добрымъ, набожнымъ, внимательнымъ, ласковымъ и обходительнымъ съ подданными всѣхъ сословій, и вмѣстѣ строгимъ, правосуднымъ, дѣятельнымъ и чрезвычайно благоразумнымъ. Это и самыя обстоятельства доказываютъ, ибо онъ управляя самовластно Угличскимъ Княжествомъ, умѣлъ соединить двѣ противуположныя крайности, искреннюю и всеобщую любовь Угличанъ, и вмѣстѣ любовь и неограниченную довѣренность Московскихъ Князей. А Московскіе Князья того времени не любили дѣлиться властію съ удѣльными Князьями. Іоаннъ Даниловичъ Калита, до того прославилъ себя мудростію правленія и любовію къ вѣрноподданнымъ, что къ двору его толпами приходили служить Князья Русскіе и вельможи иностранные, и Бояры всѣхъ

(*) Серебряниковой.

почти удѣльныхъ Князей. Такъ поступилъ къ нему въ службу *Татарскій вельможа Мирза Четъ, отъ коего произошелъ Князь Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ.*

Любовь, Божественная дщерь неба, зиждетъ счастіе семействъ, престолы и царства, а вражда губитъ счастіе семействъ, крушитъ счастіе цѣлыхъ народовъ, это дщерь ада, которая поглотила Грецію, попрала всемогущій Римъ, унизила огромную Россію, низвергла страшную Орду, отъ нея же палъ и нашъ древній Угличъ, къ стопамъ мудраго Калиты. Самая пословица: *и худой миръ лучше доброй ссоры,* кажется произошла отъ безпрестанныхъ ссоръ Русскихъ Князей, которые ходили въ Орду судиться и мириться, и возвращались отъ туда всегда себѣ же съ накладомъ. Итакъ Угличскій Князь *Александръ чрезвычайно умно поступилъ, что продалъ свое обширное, но разстроенное Княжество умному и сильному Калитѣ,* ибо Владимірскіе, Московскіе Князья и Орда ласкали только свою партію, и притѣсняли всѣхъ, кто не поклонялся имъ, притомъ же, только ласкали, и не больше, а кто могъ защищать ихъ отъ внезапныхъ нападеній и противныхъ партій? Когда же Москва возвысилась силою и могуществомъ

надъ всѣми многочисленными Княжествами, тогда уже всѣ неутральные Князья, не надѣясь болѣе на Орду, волею и не волею склонялись предъ Москвою. Но пріятно видѣть изъ Исторіи, что Угличъ въ самомъ паденіи своемъ былъ еще великъ, обширенъ и многолюденъ, и притомъ не самъ былъ причиною своего паденія, но всесильныя тогдашнія обстоятельства подклонили его всеобщему жребію. Это поясняетъ Карамзинъ въ И. Г. Р. на стр. 230. IV Тома» но еще несравненно важнѣйшимъ пріобрѣтеніемъ »Іоанна Калиты были города Угличъ и Бѣлозерскъ, куплены у потомковъ Константина 1-го, »эта покупка послѣдовала незадолго до кончины Калиты.«

Все это доказываетъ, что Углицкій Князь Константинъ вторый, былъ уже не въ такомъ смыслѣ въ Угличѣ Княземъ, какъ были прежніе наслѣдственные Князья, но онъ управлялъ Угличскимъ Княжествомъ какъ Намѣстникъ, какъ довѣренная особа Великаго Князя Московскаго. Хотя онъ былъ и Княжескаго рода и украшался титуломъ Угличскаго Князя, однако онъ долженъ былъ дорожить больше довѣренностію Калиты, чѣмъ Княжескимъ своимъ достоинствомъ, и онъ помнилъ это, и потому вполнѣ заслужилъ довѣ-

релиость не только Калиты, но и сына его Семіона Гордаго. Изъ тѣхъ же обстоятельствъ вывести можно, почему Угличане чувствовали себя довольнѣе и счастливѣе подъ правленіемъ Намѣстника, чѣмъ подъ управленіемъ прежнихъ своихъ Князей (кромѣ Романа). Во первыхъ, Константинъ вторый не бралъ съ Угличанъ тройной дани, то есть: для себя, для Великаго Князя и для Хановъ; во вторыхъ, съ тѣхъ поръ не пріѣзжали Баскаки съ откупщиками податей; слѣдовательно положенная обыкновенная дань сама собою, да откупщику надобно было взять барышъ, да Баскакамъ надобно было собрать въ подарокъ, а такъ какъ корыстолюбіе Татаръ, Армянъ и Жидовъ рѣдко могло быть удовлетворено, то Татарскіе толпы грабителей обирали и раззоряли города и цѣлыя области. А для того, чтобы ѣхать въ Орду жаловаться на несправедливость, притѣсненія и грабежи, такъ надобно было собрать съ того же несчастнаго Княжества столько денегъ, чтобъ удовлетворить Хана и вельможъ Ханскихъ. И мало ли еще несправедливыхъ расходовъ и опустошеній? напримѣръ: набѣгъ сосѣдняго Князя и тому подобные случаи, совершенно раззоряли и губили все благосостояніе мелкихъ и беззащитныхъ Княжествъ? . . . . Все

это дѣйствительно такъ и было съ Угличемъ. Когда же Угличское Княжество поступило подъ власть сильнаго и благоразумнаго Іоанна Даниловича Калиты, то съ тѣхъ поръ судьба его совершенно перемѣнилась, и перемѣнилась къ счастію Углича. Ибо Константинъ вторый управлялъ Угличемъ кротко, благоразумно и добродѣтельно, онъ берегъ его, лелѣялъ и хранилъ какъ личную собственность Великаго Князя, довѣрившаго ему столь высокую, трудную и неменѣе того благдѣтельную должность. Это чувствовалъ Калита, и благодарилъ добраго Правителя, это чувствовалъ Константинъ II-й и былъ благодарный довѣрителю, тѣмъ болѣе чувствовалъ свое счастіе Угличъ. Угличане благословляли свою судьбу подъ мирною и благодѣтельною рукою добраго и умнаго своего Князя, ихъ не гоняли какъ прежде въ помощь тому, или другому Князю. Они не оставляли своей родины и мирныхъ занятій, питающихъ и обогащающихъ ихъ домы, они не посылали болѣе разорительныхъ посольствъ въ страшную Орду, къ нимъ не являлись болѣе ужасные татарскіе Баскаки съ толпами откупщиковъ и грабителей, чтобы собирать дань для Хана, и грабить для себя. Великій Князь Іоаннъ Даниловичъ, любимецъ Орды, снялъ на

себя всѣ эти тягости и былъ Угличу сильнымъ покровителемъ и могучимъ защитникомъ отъ всѣхъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ. Онъ беретъ свою куплю, какъ личную собственность, не отягощалъ Угличанъ податями во всю жизнь свою, и наслѣдникамъ своимъ завѣщалъ обращать на Угличъ особенное вниманіе, а вниманіе Властителя всегда счастливитъ подданныхъ.

Такимъ образомъ Угличане благоденствовали около тридцати лѣтъ въ мирѣ, тишинѣ и спокойствіи, съ каждымъ годомъ и каждымъ днемъ усиливались, укрѣплялись, улучшали свое состояніе и обогащались.

И потому справедливо замѣчаетъ древній лѣтописецъ, что Угличане ликовали подъ правленіемъ Константина II-го, и любили до обожанія своего добраго и умнаго, благодѣтельнаго Князя; а по кончинѣ его, послѣдовавшей въ 1385 году, искренно оплакали свою потерю, благословляя его переселеніе въ вѣчность. Константинъ II-й погребенъ со всѣми Княжескими почестями, сопутствуемый слезами благодарности, и положенъ съ прежними Князьями въ соборной церквѣ Спаса Преображенія въ Угличѣ.

Въ то время, когда Угличское Княжество перешло во власть Іоанна Даниловича Калиты,

оно потеряло многія прежнія области, напримѣръ: Кашинъ отошелъ къ Тверскому Княжеству и потомъ имѣлъ собственныхъ Князей. За то Угличъ владѣлъ тогда Бѣлозерскою областію, которая послѣ того имѣла также своихъ удѣльныхъ Князей. Тишина Іоаннова княженія, говоритъ Карамзинъ, способствовала обогащенію Сѣверной Россіи. Новгородъ, союзникъ Ганзы, отправлялъ въ Москву и другіе города и области работы Нѣмецкихъ фабрикъ и произведенія ихъ страны. Востокъ, Греція, Италія присылали намъ свои товары чрезъ Кафу и нынѣшній Азовъ. Уже купцы какъ Русскіе, такъ и иностранные, не боялись въ окрестностяхъ Владиміра и Ярославля встрѣтиться съ шайками Татарскихъ разбойниковъ, милостивые грамоты Узбека, данные Великому Князю, служили щитомъ для путешественниковъ, купцовъ, жителей и производства торговли. Тогда открылись, новые способы мѣны; новыя торжища въ Россіи. Такъ въ Ярославской области, на устье рѣки Мологи, гдѣ существовалъ *Холопьи городокъ*, съѣзжались купцы: Нѣмецкіе, Греческіе, Италіанскіе, Персидскіе, Московскіе, Новгородскіе, слѣдовательно и ближайшихъ городовъ: Ярославля, Ростова и Углича, купцы участвовали въ торговлѣ сей ярмар-

ки. По увѣренію Діакона Тимофея Каменевича, Мологская ярмарка производилась цѣлые четыре мѣсяца: Май, Іюнь, Іюль и Августъ, множество большихъ судовъ покрывали Волгу и Мологу, множество шатровъ и палатокъ покрывали Мологскій лугъ въ окружности на 7-мь верстъ. Пошлиннаго сребра собиралось въ казну Великаго Князя по 180 пудовъ, или по 70,000 тогдашнихъ руб., 70 кабаковъ считалось тогда въ Мологѣ, гдѣ народъ веселился. Каменевичь писалъ свою исторію въ 1699 году! Онъ былъ родомъ Московичъ, и *жилъ долго въ нашемъ Угличѣ*. Смотри въ Исторію Карамзина IV тома 323 примѣчаніе. Герберштейнъ также упоминаетъ объ этой славной ярмаркѣ въ Холопьемъ городѣ, эта ярмарка была первою въ Россіи и славилась до XVI столѣтія, а потомъ ослабѣла потому, что торговля перешла, раздѣлившись, частію въ Архангельскъ, а частію въ Макарьевъ.

Можно достовѣрно полагать, что и нашъ древній Угличъ участвовалъ въ торговлѣ, ибо, имѣя подъ рукою такую огромную ярмарку, онъ могъ почти по неволѣ познакомиться съ Русскими и иностранными купцами, видѣть и плѣняться ихъ товарами, могъ покупать и вымѣнивать произведенія Востока, Юга и Запада,

могъ знать требованія иностранныхъ купцовъ на Русскіе товары и произведенія, слѣдовательно онъ торговалъ.

Одиннадцатый Угличскій Князь Петръ Димитріевичъ сынъ Донскаго съ 1384 года.

До 1389 года Угличъ былъ управляемъ Московскимъ Бояриномъ въ видѣ Намѣстника, съ сего же времени поступилъ уже въ удѣлъ Московскаго Княжества, ибо Димитрій Іоанновичъ Донскій завѣщалъ его въ наслѣдіе четвертому своему сыну Петру Димитріевичу. Димитрій Іоанновичъ Донскій говоритъ въ своемъ завѣщаніи: благословляю сына моего Петра куплею дѣда своего *Угличимъ полемъ*, и что къ нему потягло, да *Тошного*, да Самою! Далѣе, говоря о пошлинахъ завѣщаетъ: Князь Петръ возметъ съ своего удѣла III рублей, а Княгиня моя 30 рублей, а Князь Иванъ даетъ Князю Петру 5 рублей, въ то сребро; а перемѣнитъ Богъ Орду, дѣти мои не имутъ давать выхода въ Орду, и который сынъ мой возметъ съ своего удѣла дань, то тому и есть.

Петръ Димитріевичъ родился 29 Іюня въ 1380 году, а крестилъ его Сергій Игуменъ, ны-

пѣшній Святитель Троицкой Лавры. Сей Князь, будучи малолѣтенъ, носилъ только названіе Князя Дмитровскаго и Угличскаго, когда же возмужалъ, то и тогда онъ жилъ почти постоянно при Дворѣ Московскомъ, что можно видѣть изъ дѣлъ его, ибо онъ часто исполнялъ должности, дѣла и порученія, возлагаемыя на него отцомъ и послѣ братомъ Князьями Московскими.

Великій Князь Василій Димитріевичъ заключилъ договоръ съ братьями Андреемъ и Петромъ, по которому онъ утверждаетъ за ними и за ихъ дѣтьми данные имъ отъ Донскаго удѣлы.

Въ 1407 году 16 Генваря, женился Князь Петръ Димитріевичъ, взялъ себѣ дочь Василія Василіевича Тысячкаго по прозванію Полуехтова. Свадьба была въ Москвѣ 13 Февраля. Должно думать, что Князь Петръ женился на Псковитянкѣ, ибо Князь Константинъ Димитріевичъ ѣздилъ изъ Москвы въ Псковъ за невѣстою. Въ 1428 году, былъ въ Россіи моръ, (смотр. въ Истор. Карамз. примѣч. 258 Т. V) отъ этого мору умеръ Князь Петръ Димитріевичъ Углицкій.

Итакъ Углицкій Князь Петръ Димитріевичъ почти и не жилъ въ Угличѣ, даже онъ чаще жилъ въ Дмитровѣ, какъ ближайшемъ

своемъ удѣлѣ отъ столицы, чѣмъ въ Угличѣ. По словамъ лѣтописей, Петръ Димитріевичъ былъ Князь умный, дѣятельный и храбрый, онъ пріѣзжалъ въ Угличъ, распоряжался въ немъ дѣлами управленія, набиралъ войска, собиралъ умѣренную дань, принималъ жалобы народа и распорядившись всѣмъ, уѣзжалъ опять въ Москву, оставляя въ Угличѣ Намѣстника завѣщаннаго Угличу еще отцомъ его Димитріемъ Іоанновичемъ Донскимъ; такъ какъ Петръ Димитріевичъ умеръ въ молодыхъ лѣтахъ, а дни короткой его жизни были всѣ заняты, то воинскими подвигами, то дѣлами мирнаго управленія, то дѣйствительно ему нѣкогда было заняться собственно своими удѣлами. Впрочемъ надобно полагать, что Угличъ все-таки чувствовалъ себя счастливѣе, чѣмъ подъ управленіемъ Князей изъ рода Ростовскихъ, ибо Намѣстникъ, управлявшій Угличемъ 4 года до рожденія еще Петра Димитріевича, и потомъ во время его малолѣтства, и наконецъ когда Угличскій Князь былъ занятъ дѣлами своего старшаго брата Великаго Князя Московскаго, во все это время управлялъ Угличемъ добрый Намѣстникъ, избранный еще Донскимъ, который умѣлъ цѣнить людей и понималъ ихъ способности и достоинства

а притомъ же и Намѣстникъ, стараясь оправдать довѣренность Князя, и зная, что ихъ всегда могутъ смѣнить и притомъ же съ бесчестіемъ иногда, потому то они были всегда внимательны къ нуждамъ и потребностямъ ввѣреннаго имъ народа; радѣли и заботились объ его счастіи. Ибо, кромѣ справедливости и человѣколюбія, они должны были оправдать свое избраніе и довѣренность властителя, поставившаго ихъ на столь высокую и священную должность.

Въ 1586 году когда Великій Князь Московскій воевалъ съ новымъ городомъ, то въ числѣ 26 областей, участвовавшихъ въ семъ сраженіи и Угличъ поставилъ свои войска подъ знамена Великаго Князя Димитрія Донскаго. А прежде сего въ 1380 году Угличскія дружины съ героемъ Донскимъ поражали силы Мамая на Куликовомъ полѣ, и раздѣлили славу знаменитой побѣды подъ мощною рукою будущаго своего Князя Владиміра Андреевича. Словомъ, Угличъ принималъ живое участіе во всѣхъ знаменитыхъ подвигахъ и переворотахъ совершившихся въ сіе время съ Россіею и послужившихъ вообще къ улучшенію и развитію духа ея, слѣдовательно тѣ же самые случаи, время и обстоятельства равно дѣйствовали и на Угличъ въ его развитіи.

Двѣнадцатый Угличскій Князь Владиміръ Андреевичъ Храбрый съ 1405 по 1410 годъ.

Владиміръ Андреевичъ родился въ 1353 году Іюля 15. Въ 390 примѣчаніи Карамзина Исторіи тома IV сказано: »Княгиня умершаго Князя Андрея родила сына Владиміра,» слѣдовательно онъ родился и воспитывался уже сиротою. Чрезъ 11 лѣтъ т. е. въ 1364 г. Великій Князь Димитрій Іоанновичъ, заключивъ уже съ Андреемъ Владиміровичемъ договоръ выгодный для обѣихъ сторонъ, Митрополитъ Алексѣй былъ посредникомъ и приводилъ къ присягѣ: »Мы клянемся жить подобно родителямъ, мнѣ Владиміру уважать тебя В. К. какъ отца и повиноваться твоей верховной власти, а мнѣ Димитрію не обижать тебя и любить какъ меньшаго брата: каждый изъ насъ владѣетъ своею вотчиною безспорно, пріятели и враги да будутъ у насъ общіе.» Жизнь и Исторія оправдали ихъ условія.

Въ 1367 году послѣ страшнаго пожара въ Москвѣ, Великій Князь купно съ братомъ своимъ, въ общемъ совѣтѣ съ знатнѣйшими боярами рѣшились построить каменную крѣпость

кремль. Сіи два Князя Димитрій Іоанновичъ и Владиміръ Андреевичъ, будучи двоюродными братьями, желали добра и пользы Россіи, любовь къ славѣ соединила ихъ теснѣе всѣхъ грамотъ, условій и договоровъ, гдѣ одинъ, уже вѣрно' тамъ и другой, развѣ только походы Владиміра Андреевича на враговъ Россіи разлучали ихъ. Такъ на стр. 17 т. V. говоритъ Карамзинъ: Россіяне дѣйствовали противу Литвы наступательно, и здѣсь то юный Князь Владиміръ Андреевичъ ознаменовалъ свое мужество счастливымъ успѣхомъ, онъ выгналъ Литовцевъ изъ предѣловъ Русскихъ. Въ томъ же году Владиміръ Андреевичъ былъ посланъ В. Княземъ на помощь Пскову противу Нѣмцевъ, онъ соединилъ Псковскія и Новгородскія дружины, ударилъ на Нѣмцевъ и заставилъ ихъ бѣжать.

Въ 1371 году Ольгердъ повелитель Литовцевъ вторично приступилъ къ Москвѣ, но каменныя стѣны и башни защитили Москву отъ раззоренія, а Владиміръ Андреевичъ и Князь Пронскій устрашили его своими силами, приближавшимися къ Москвѣ; Ольгердъ запросилъ мира и вызвался выдать дочь свою Елену за Князя Владиміра Андреевича. Въ семъ же 1371 году Великій Князь ходилъ въ Орду. Вслѣдствіе

торжественнаго обрученія Елены Ольгердовны съ Владиміромъ Андреевичемъ, Литовскіе послы заключили міръ, и свадьба Владиміра Андреевича совершилась чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ.

Михаилъ Князь Тверскій, пользуясь отсутствіемъ Великаго Князя и удаленіемъ Владиміра Андреевича, по случаю его свадьбы, хотѣлъ завоевать Кострому, однако же не успѣлъ, и въ безумной злобѣ какъ Наполеонъ взорвалъ Московскій кремль, такъ и онъ взялъ Мологу *и обратилъ въ пепелъ Угличъ и Бѣжецкъ.*

И такъ нашъ древній Угличъ въ 1371 году потерпѣлъ третіе раззореніе, и кажется, не меньше былъ опустошенъ, какъ и отъ Татаръ; ибо хотя Карамзинъ не описываетъ подробно сего раззоренія, но выраженіе его: Угличъ и Бѣжецкъ *обратилъ въ пепелъ,* ясно доказываетъ, что Угличъ былъ сожженъ до конца: если Тверитяне не истребляли жителей такъ безчеловѣчно, какъ Татары, то это доказываетъ только, что Угличане при внезапномъ нападеніи не могли защищаться и разбѣжались по лѣсамъ, какъ это и всегда было единственнымъ спасеніемъ въ столь внезапныхъ случаяхъ. Въ 1375 году опять Тверскій Князь послалъ сильный отрядъ войска подъ Угличъ, однакожъ на сей разъ Угличъ

уцѣлелъ, ибо сильное войско Великокняжеское и Угличскія дружины уже были готовы отразить злобнаго непріятеля. И здѣсь какъ и вездѣ Владиміръ Андреевичъ предводилъ войскомъ и поражалъ враговъ своего друга и брата.

Всѣхъ воинскихъ его подвиговъ и гражданскихъ добродѣтелей почти невозможно изчислить, и потому скажемъ объ Владимірѣ Андреевичѣ вообще, что онъ былъ правою рукою Димитрія Іоанновича Донскаго: онъ предводилъ засаднымъ отрядомъ въ Куликовой битвѣ и рѣшилъ судьбу сраженія, а съ нимъ и судьбу Россіи, онъ былъ мудрымъ совѣтникомъ въ Великокняжеской думѣ Донскаго и наставникомъ юному сыну его Василію, онъ показалъ собою примѣръ самоотверженія и умѣренности, ибо первый изъ Россійскихъ Князей уступилъ свое старшинство и свое право на Великокняжескій престолъ, онъ уступилъ все это племяннику, единственно, желая счастія Россіи; ибо онъ его видѣлъ въ наслѣдственномъ правленіи, онъ часто въ отсутствіи племянника Великаго Князя Василія Димитріевича управлялъ Москвою и всею Россіею, онъ усердно помогалъ ему во всѣхъ трудныхъ дѣлахъ, и за всѣ свои подвиги былъ любимъ Великими Князьями Боярами и народомъ, онъ

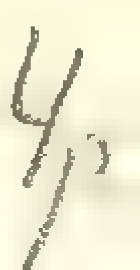
получилъ отъ Московскихъ Князей въ разныя времена многія богатыя и многолюдныя области и цѣлыя Княжества, въ томъ числѣ и Угличъ, онъ былъ сильнѣйшимъ изъ всѣхъ удѣльныхъ Князей, но къ счастію онъ употреблялъ всѣ свои силы, могущество, храбрость и благоразуміе единственно на пользу Россіи и всѣхъ обширныхъ областей своихъ. Владиміръ Андреевичъ въ 1374 году основалъ и потомъ построилъ городъ Серпуховъ, оградилъ его дубовыми стѣнами, даровалъ жителямъ онаго великія льготы, чтобы скорѣе населить его, поставилъ въ немъ Намѣстникомъ своего Окольничаго Якова Новосильцова. Въ 1375 году Владиміръ Андреевичъ пріѣхалъ въ Новгородъ и жилъ тамъ отъ 3-й недѣли поста до Петрова дня; а въ 1389 году Владиміръ Андреевичъ опять уѣхалъ изъ Москвы въ свой Серпуховъ. Это обстоятельство Карамзинъ такъ поясняетъ: Московскіе Бояре, Вельможи, Сановники Великаго Князя Василія Димитріевича, опасаясь Владиміра Андреевича, какъ дяди Великаго Князя, и его правъ на Московскій престолъ, основанныхъ на старшинствѣ и на славѣ воинскихъ подвиговъ, стѣснили его власть при Московскомъ дворѣ, и старались не дать ему надлежащаго участія въ правленіи.

Владиміръ Андреевичъ ни въ чемъ не нарушилъ договора, заключеннаго съ Донскимъ, и по прежнему былъ ревностнымъ стражемъ отечества, и всегда довольствовался жребіемъ Князя второстепеннаго,-но теперь оскорбился высокомѣріемъ бояръ, и не благодарностію племянника и со всѣми ближними своими уѣхалъ въ Серпуховъ, свой удѣльный городъ, и изъ Серпухова въ Торжокъ. Впрочемъ сіе неудовольствіе вскорѣ кончилось миромъ и новою договорною грамотой, по которой племянникъ Великій Князь Василій далъ еще своему дядѣ Владиміру Андреевичу сверхъ прежнихъ удѣловъ и трети Московскихъ доходовъ, *Волокъ и Ржевъ.* (*) За то Владиміръ Андреевичъ обѣщалъ юному своему племяннику повиноваться какъ старѣйшему, и ходить съ Великокняжескими дружинами на войну, а съ Волока платить Ханамъ 170 руб. въ число 5000 Васильевыхъ. Изъ послѣдняго договора между Великимъ Княземъ и Владиміромъ Андреевичемъ видно, что они желали и надѣялись освободиться отъ Татарскаго ига; въ противномъ же случаѣ, Владиміръ Андреевичъ обязывался

(*) Сіи города по договору въ 1405 году отданы В. К. Московскому, въ замѣнъ Углича съ Золоторусскимъ и Козельска.

платить Великому Князю въ Ординскую дань, *за Угличское Княжество* 105 *рублей на* 7000 *Ханской дани*, а за Городецъ 160 руб. на 1500 рублей. Въ 1395 году при страшномъ нашествіи на Москву Тамерлана, Владиміръ Андреевичъ управлялъ Москвою и выдержалъ ужаснѣйшую изъ всѣхъ осадъ, какія только вытерпѣла когда либо Москва. Заступленіе Богоматери Казанской, храбрость, великодушіе, твердость и благоразуміе Владиміра Андреевича спасли Москву и Великокняжеское семейство отъ истребленія.

Въ 1408 году геройскими подвигами Россіянъ противъ Литвы были возвращены отъ нея города: Козельскъ, Перемышль и Любутскъ, и были съ того времени удѣломъ Владиміра храбраго. Въ томъ же 1408 году въ нашествіе на Москву Эдигея, Владиміръ Андреевичъ опять былъ избавителемъ Москвы и славы Русской отъ лютаго завоевателя. Но за что пострадалъ Угличъ въ четвертый разъ, ибо вся Россія, пишутъ современники: „отъ рѣки Дона до Бѣлозерска и Галича была поражена сею грозою. Цѣлые области опустѣли. Кто избавился отъ собственной смерти, или неволи, тотъ навѣрно оплакивалъ утрату ближнихъ и свое имущество.“ »*Вездѣ туга и скорбь удручали людей.*“ Слѣдо-

вательно и наши предки Уличане раздѣляли скорбь и тугу Россіи, ибо полоса, указанная лѣтописцами, заключала и Угличъ въ числѣ раззоренныхъ городовъ.

Наконецъ достославный Углицкій и другихъ областей Князь Владиміръ Андреевичъ скончался въ 1410 году. Онъ имѣлъ право на благодарность современниковъ и потомства, ибо онъ любилъ пользу и счастіе Россіи болѣе власти, честолюбія и самаго себя. Онъ былъ первый изъ *Россійскихъ Князей, который, будучи дядею Великому Князю, служилъ племяннику своему какъ старшему.* Онъ былъ женатъ на Литовской Княжнѣ Еленѣ, дочери знаменитаго Ольгерда, отъ которой имѣлъ пять сыновей.

Предъ кончиною своею, онъ написалъ подробно *Духовное Завѣщаніе*, въ которомъ поручалъ супругу свою и дѣтей въ попеченіе Великому Князю Московскому, а супругѣ своей отдалъ дѣтей. Треть принадлежащей ему Москвы отказываетъ всѣмъ пяти сыновьямъ, чтобъ они владѣли ею погодно одинъ послѣ другаго. Раздаетъ свои обширныя владѣнія, разсыпанныя по всей Россіи всѣмъ сыновьямъ по ровну, въ томъ числѣ Владиміръ Андреевичъ *завѣщаетъ младшему своему сыну Василію Угличъ и Перемышль.*

Изъ всей Исторіи славнаго сподвижника Донскаго Владиміра Андреевича Храбраго для Углича, замѣтимъ только то, что Угличское Княжество до поступленія его подъ власть Владиміра Андреевича, то есть: до 1405 года, такъ же и въ послѣдніе три года управляемо было Намѣстниками, ибо Угличскій Князь Владиміръ Андреевичъ жилъ всегда въ Москвѣ, владѣя третью ея дохода и *множествомъ домовъ, садовъ, селъ около нее, и дачъ съ чудными мѣльницами и всѣми угодьями,* а во время войны онъ всегда предводилъ Русскія войска къ побѣдамъ, и потому не только въ Угличѣ, но и не въ одномъ изъ многихъ своихъ областей, долго не могъ жить нашъ герой, Князь и добродѣтельнѣйшій и умнѣйшій изъ мужей того времени.

Замѣтимъ еще, что Угличъ какъ самый городъ, такъ и все его Княжество не могъ быть такъ великъ, обширенъ и многолюденъ, какъ Угличскіе лѣтописцы и народное преданіе объ этомъ говорятъ, они слишкомъ его преувеличиваютъ, а между тѣмъ *Угличъ платилъ гораздо меньше дани противъ другихъ городовъ* въ Великокняжескую казну. (*)

(*) При Донскомъ III руб., а при сынѣ его 105 руб., а Городецъ 160 рублей.

Еще замѣтимъ, что Владиміръ Андреевичъ былъ искреннимъ другомъ Святому Сергію, Сергій, (говоритъ Карамзинъ на стран. 107 Т. V.) исполняя волю своего друга В. А. своими руками заложилъ Высоцкій монастырь близъ новопостроеннаго Серпухова въ 1389 году.

Тринадцатый Угличскій Князь Василій Владиміровичъ съ 1410 года.

Василій Владиміровичъ, по завѣщанію своего отца, получилъ въ удѣлъ Угличъ съ братомъ Андреемъ пополамъ (*) и Перемышль, кромѣ того получилъ въ Москвѣ огромный дворецъ отца своего, съ садомъ и много другихъ богатыхъ владѣній, а потому болѣе и жилъ всегда въ Москвѣ, какъ въ столицѣ, гдѣ ему было пріятнѣе жить въ кругу родныхъ братьевъ, и многочисленнаго родства. Впрочемъ можно основательно заключить, что онъ бывалъ въ Угличѣ, какъ въ своей вотчинѣ, гдѣ живалъ съ своею супругою по нѣскольку мѣсяцевъ, ему надлежало распорядиться всѣмъ Княжествомъ, его

(*) Василій и Андрей получили множество областей, но Угличъ со всѣми селами, волостями и пошлинами на полы.

доходами, и всѣмъ, что составляетъ главную должность всякаго властелина. Лѣтописцы Угличскіе ни слова не говорятъ объ этомъ Угличскомъ Князѣ, и потому заимствую изъ примѣчаній Карамзина Тома V Истор. Г. Россійскаго. Въ 1394 году родился въ Пятницу 9 Іюля Князю Владиміру Андреевичу сынъ Василій. Въ 1426 и 1428 годахъ былъ во всей Россіи моръ, истребившій множество людей, вельможъ, и Князей. Въ Москвѣ скончались отъ этой язвы: дядя Великаго Князя Петръ Димитріевичъ сынъ Донскаго (*) и три сына Владиміра Андреевича Храбраго; Андрей, Ярославъ и Василій Князь Угличскій.

Итакъ Василій Владиміровичъ владѣлъ Угличемъ, какъ и другими своими областями только 4 года. Этотъ Угличскій Князь ничего не оставилъ намъ въ Исторіи, кромѣ своего имени.

Угличъ между тѣмъ послѣ четвертаго потрясенія, во время Василія Владиміровича мало по малу поправлялся, залѣчалъ свои глубокія раны, возрасталъ, укрѣплялся и процвѣталъ; промышленость, мирная дѣятельность и выгодная торговля были средствами къ его процвѣтанію.

(*) Бывшій Угличскій Князь.

Четырнадцатый Угличскій Князь Андрей Владиміровичъ съ 1414 года.

Владиміръ Андреевичъ храбрый, умирая благословилъ сына Андрея Радонежемъ. Андрей Владиміровичъ былъ младшій изъ пяти сыновей Владиміра храбраго, онъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ бывшимъ Угличскимъ Княземъ Василіемъ владѣлъ пополамъ многими частями наслѣдственнаго имѣнія. Такъ въ духовномъ завѣщаніи Владиміръ Андреевичъ пишетъ: „А благословилъ сыновъ Князя Андрея да Князя Василія, далъ имъ Угличъ на полы; а треть численныхъ людей своихъ въ Москвѣ и въ ставѣхъ далъ есмъ сынамъ Андрею и Василію на полы. А Княгинѣ моей Оленѣ далъ есмъ свою треть тамги Московской, и восьмчее и гостиное, и вѣсчее пудовое и пересудъ и серебряное литье. Княгинѣ моей съ меньшими дѣтьми со Княземъ Андреемъ и со Княземъ Владиміромъ, далъ есмъ дворъ свой Московской большой на полы. А сыну своему Князю Андрею да Князю Василію далъ есмъ имъ Чичаковъ садъ на полы. А на поминъ душѣ своей и своего роду далъ Митрополиту Ѳотію село свое Кудрино съ деревнями.» (Кудрино нынѣ часть Москвы). Неизвѣстно по

какому случаю Угличское Княжество перешло изъ рукъ Василія Владиміровича въ руки брата его Андрея. Должно думать, что они помѣнялись съ нимъ, на что нибудь въ Москвѣ, или подъ руку къ Перемышлю, какъ часто случалась эта полюбовная сдѣлка, особенно между родными. Но то извѣстно достовѣрно, что Угличъ съ 1414 года былъ уже подъ властію Андрея Владиміровича, до самой его кончины, то есть до 1426 года, слѣдовательно всего 12 л.

Угличскіе лѣтописи не упоминаютъ объ этихъ Князьяхъ, и потому подробностей ихъ княженія намъ неизвѣстно; но изъ одной черты оставленной намъ Исторіею можно будетъ пояснить характеръ этого Угличскаго Князя: Во первыхъ, что онъ жилъ въ Угличѣ, и ежели не постоянно, то, по крайней мѣрѣ болѣе предшествующихъ Князей; во вторыхъ Андрей Владиміровичъ былъ добръ душею, сострадателенъ сердцемъ, ибо онъ былъ набожнѣйшій изъ Князей. Правда и нынѣ люди бываютъ добры, справедливы и набожны, когда не минучая бѣда виситъ надъ головою, когда она припомнитъ наконецъ имъ, что они не вѣчны, и что за гробомъ нельзя откупиться ни какими сокровищами. Такъ было въ теченіи 12 лѣтъ въ цѣлой Россіи,

Во первыхъ, ссоры Князей и низости ихъ предъ Ордою и предъ Москвою; во вторыхъ смуты въ великомъ Новгородѣ; въ третьихъ, ужасная язва и жестокій моръ; въ четвертыхъ, послѣдствія мора, всеобщій голодъ цѣлыхъ три ужасныхъ года, и на конецъ послѣдствія всего этого мысль о представленіи свѣта. Эта мысль подѣйствовала на души грѣшниковъ, и когда она распространилась, то во всѣхъ городахъ, селахъ и деревняхъ люди съ утра и до ночи, съ вечера и до утра ежеминутно ожидали, что грянетъ призывная труба Ангела-вѣстника страшнаго суда. А люди, то молились Богу, то унывали, то въ отчаяніи грѣшили. Всѣ признаки, по ихъ замѣчанію, предвѣщали страшный Божій судъ. Ложъ, неправда, крамолы, ссоры родныхъ, натуральныя явленія, словомъ все говорило въ сердцѣ грѣшниковъ, что настаетъ послѣдній часъ. Мысль о страшномъ судѣ принесла монастырямъ и монахамъ безчисленные богатства, всѣ бросились очищаться отъ грѣховъ: кто сыпалъ деньги накопленные съ такою потерею счастія, надѣясь счастіе найти въ богатствѣ, кто созидалъ церкви, кто очищалъ себя, ходя изъ дома въ домъ и прося прощенія, кто постригался въ монахи, кто жертвовалъ въ монастыри все свое

имущество, и чего люди не дѣлали въ столь страшныхъ обстоятельствахъ, въ столь бѣдственныя минуты? Такъ Угличскій Князь Андрей Владиміровичъ постригся въ иноки и названъ Саввою. А въ собраніи древнихъ актовъ есть грамота, жалованная Угличскимъ Княземъ Андреемъ Владиміровичемъ въ 1414 году въ Мартѣ мѣсяцѣ Троицкому монастырю: *О дачѣ съ Удинскаго села оброка Сотнику на Юрьевъ день по три четверика ржи, и объ освобожденіи пришлыхъ людей отъ пошлины и подсудимости ихъ Игумену!* (*) Азъ многогрѣшный Князь Владиміръ пожаловалъ Троицкой Лаврѣ Игумену Никону съ братіею село *Удинское съ деревнями, въ Угличской области въ Прилуцкомъ стану.* Удинское съ деревнями даетъ оброку на вешній Юрьевъ день три четверти, должно думать ржанаго хлѣба. Ежели село Удинское съ его деревнями призовутъ къ себѣ людей изъ какого нибудь другаго Княжества, а не изъ нашихъ Угличскихъ вотчинъ, то и тѣ люди должны платить оброкъ, а кромѣ того оброку не брать болѣе ничего: ни писчей бѣлки, ни ямъ, ни под-

(*) Эта грамота сокращена, чтобъ неутомить читателей многими обременительными подробностями.

воды, ни мыть, ни тамги, ни осьминичнаго, ни кости и ни какой другой пошлины. Наши Угличскіе Намѣстники, ни ихъ Тіуны не имѣютъ болѣе въ селѣ Удинскомъ и его деревняхъ ни какой власти, и не судятъ ихъ, но судитъ ихъ Игуменъ Никонъ и слѣдующіе по немъ Игумены Троицко-Сергіева монастыря, кромѣ душегубства. Если же въ преступленіе вмѣшаются и наши Угличскіе люди, тогда судятъ ихъ вмѣстѣ Игуменъ и Намѣстникъ, или кому они велятъ.«

Эта грамота найдена въ архивѣ Троицко-Сергіева монастыря, и объясняетъ много въ жизни Андрея Владиміровича высокихъ свойствъ благородной его души. Жертвуя монастырю село Удинское съ его деревнями, какъ даръ, достойный Княжескаго его сана и высокой души, онъ ясно со всѣми подробностями и отеческою заботливостію опредѣляетъ: сколько, когда и какого оброка должны давать его люди, позаботился и объ людяхъ, которые могутъ прійти и поселиться на жертвуемыхъ земляхъ, предоставилъ многія выгоды и льготы отъ другихъ повинностей и пошлинъ, изложилъ подробныя правила ихъ судопроизводства, предоставляя всю власть надъ ними Игумену,

удержалъ за собою одно только смертоубійство, чтобъ избавить монаховъ отъ хлопотъ, недостойныхъ ихъ высокаго сана.

Андрей Владиміровичъ княжилъ въ Угличѣ мирно, человѣколюбиво, старался доставить счастіе своимъ подданнымъ, которые благословляли его добрую душу, а въ 1426 году Угличане оплакали своего любимаго Князя, ужасный моръ, свирѣпствовавшій тогда въ Россіи, сразилъ съ тысячами другихъ жертвъ и Угличскаго Князя. Однако онъ успѣлъ предъ смертію постричься въ монахи подъ именемъ Саввы и погребенъ въ Троицко-Сергіевскомъ монастырѣ. Неизвѣстно изъ Исторіи о супругѣ сего Князя, пережила ли она его бѣдственную кончину? Также не упоминается ничего объ его дѣтяхъ, а такъ какъ Угличское Княжество перешло во власть другаго рода, то слѣдуетъ заключить, что Андрей Владиміровичъ не имѣлъ дѣтей такъ какъ и братъ его Василій. Въ 1437 году представилась вдовствующая Княгиня супруга Владиміра Андреевича Елена Ольгердовна въ Инокиняхъ.

Пятьнадцатый Угличскій Князь Георгій или Юрій Димитріевичъ съ 1426 года.

Юрій Димитріевичъ сынъ Донскаго, до 1376 года, какъ и всѣ сыновья Донскаго, при жизни его, жили постоянно при отцѣ и были ближайшими исполнителями воли его, участвовали во многихъ битвахъ и прославились многими побѣдами. По смерти же Донскаго, Юрій и другіе сыновья его получили себѣ огромные богатые удѣлы, и съ тѣхъ поръ, каждый изъ нихъ жилъ въ своемъ наслѣдственномъ Княжествѣ. По смерти же старшаго брата своего Василія, Юрій, какъ старшій по немъ, имѣлъ древнее право на Великокняжескій Московскій престолъ. Однако племянникъ его Василій Васильевичъ по завѣщанію отца своего взошелъ на Великокняжескій Московскій престолъ, и всѣми силами и средствами старался удержать его въ своей власти. Тогда дядя его Юрій Димитріевичъ, обладая Звѣнигородомъ, Рузою и Галичемъ, и видя Угличскій престолъ упраздненнымъ, а болѣе всего, считая себя законнымъ наслѣдникомъ Великокняжескаго Московскаго престола, *захватилъ подъ свою*

власть упраздненное Угличское Княжество. Онъ обласкалъ Намѣстниковъ, Бояръ и Духовенство, оказалъ Угличу многія благодѣянія, распорядился его управленіемъ. Угличская лѣтопись описываетъ его добрымъ, заботливымъ, внимательнымъ и набожнымъ, за то лѣтописецъ, обвиняя искусителя сатану, говоритъ: что діаволъ, завидуя счастію человѣка, поссорилъ Угличскаго Князя Юрія Димитріевича съ племянникомъ его Василіемъ Василіевичемъ, *и бысть великая вражда и брань межъ дядею и племянникомъ.* Все это дѣйствительно такъ и было, но какимъ образомъ Юрій Димитріевичъ завладѣлъ Угличемъ? не ужели насильствомъ, какъ лѣтописецъ увѣряетъ, но въ такомъ случаѣ потомки Владиміра Андреевича храбраго должны вступиться за Угличское Княжество, да и Угличскіе Намѣстники, и всѣ Угличане не должны бы впустить чуждаго имъ властителя и позволить ему собою распоряжаться. Впрочемъ все это должно разумѣть, только въ такомъ случаѣ, если Угличане не вѣровали тогда ужс, и не признавали Юріева *старишнства и права на Великокняжескій престолъ,* тогда Угличане, недовольные Намѣстникомъ, могли даже способствовать властолюбію Юрія Димитріевича. Но естественнѣе всего, что

Великій Князь Московскій, желая обезоружить сильнаго, честолюбиваго и предпріимчиваго дядю, отдалъ ему упразднившійся Угличскій престолъ по договору, и единственно съ тѣмъ, чтобы онъ не искалъ Великокняжескаго престола. Это подтверждается еще и тѣмъ, что Великій Князь, такимъ же точно образомъ поступилъ и съ другимъ своимъ дядею Константиномъ Димитріевичемъ, какъ увидимъ дальше. Это объясняется также продолжительною и жестокою ссорою между дядею Юріемъ и его племянникомъ; ибо они нѣсколько разъ ссорились, мирились и заключали между собою договоры, пріобрѣтали и уступали другъ другу области и цѣлыя Княжества, разумѣется, когда необходимость Юрія къ тому вынуждала, или когда онъ находилъ въ этомъ свою выгоду. Когда же Юрій Димитріевичъ не былъ ни чемъ доволенъ, и средства пріобрѣтенныя имъ употреблялъ единственно для достиженія дальнѣйшей своей цѣли Великокняжескаго престола, тогда они обратились оба искать правосудія въ Ордѣ. Московскому Князю помогалъ Татарскій Мурза бывшій Баскакъ, по имени Булатъ, а Юрію Мурза Тегиня. Но у Василія Васильевича былъ надежнѣйшій помощникъ, Московскій *Бояринъ Иванъ Димитріевичъ*, хитрый,

искательный, уклончивый и красноречивый; онъ отправился въ Орду съ великими сокровищами, подкупилъ и убѣдилъ всѣхъ Татарскихъ вельможъ ходатайствовать въ пользу юнаго Василія Васильевича Князя Московскаго. Наряженъ былъ судъ, Ханъ Махметъ самъ предсѣдательствовалъ въ ономъ; дядя и племянникъ доказывали по очереди свои права на Великокняжескій престолъ: Ханъ видимо колебался въ душѣ, и хотѣлъ было спрашивать голосовъ у своего Дивана, какъ вдругъ выступаетъ съ низкимъ поклономъ Иванъ Димитріевичъ, сталъ предъ Махметомъ и сказалъ: »Царь верховный! молю, да позволишъ мнѣ смиренному холопу, говорить за своего юнаго Князя! Юрій ищетъ Великаго Княженія по древнимъ правамъ Россійскимъ, а Государь нашъ по твоей милости, вѣдая, что Россія есть твой улусъ: отдашь его кому хочешъ. Одинъ требуетъ, а другой молитъ. Что значатъ лѣтописи и мертвыя грамоты, когда все зависитъ отъ твоей царской воли? Не она ли утвердила завѣщаніе Василія Димитріевича, отдавшаго Московское Княжество своему сыну? Шесть лѣтъ Василій Васильевичъ на Московскомъ престолѣ: ты не свергнулъ его, слѣдовательно ты самъ призналъ Государемъ законнымъ?

Не ужели теперь обидишь сироту.» Эта рѣчь имѣла совершенный успѣхъ, Махметъ объявилъ Василія Васильевича Великимъ Княземъ, а Юрію велѣлъ *вести подъ нимъ коня.* (*) А чтобъ судъ Ханскій не казался не справедливымъ, то Ханъ далъ Юрію городъ Дмитровъ. Однако судъ Махмета не только не погасилъ, но болѣе возжегъ вражду между дядею и племянникомъ. Великій Князь Василій Васильевичъ *сдѣлалъ вдругъ три непростительныя ошибки, и три жестокія обиды своимъ ближайшимъ родственникамъ,* и ходатаю своему, выхлопотавшему ему Московскій тронъ. Первая, что онъ выгналъ Юрьевыхъ Намѣстниковъ изъ Дмитрова и Углича и присвоилъ эти два богатыя Княжества къ себѣ, поставилъ въ нихъ своихъ Намѣстниковъ; вторая, оскорбилъ своего благодѣтеля Боярина Ивана Дмитріевича; а третья, нанесъ смертельную обиду сыновьямъ Юрія Димитріевича.

Возвратившись изъ Орды съ успѣхомъ, Василій Васильевичъ началъ самовластно и несправедливо поступать съ удѣльными Князьями, многихъ жестоко обидилъ, и многихъ сильно

(*) Татарскій церемоніалъ, гдѣ старшій послѣ Царя удостоивался вести царскаго коня.

притѣснилъ. Такъ онъ отнявши Угличское Княжество отъ Юрія, отдалъ его другому дядѣ *Константину Димитріевичу*, какъ бы на зло Юрію и въ награду Константину, что этотъ не ищетъ престола, и доволенъ тѣмъ, что ему даютъ.

Шестьнадцатый Угличскій Князь Константинъ IV Димитріевичъ сынъ Донскаго съ 1432 года.

Константинъ Димитріевичъ, родной дядя Великому Князю Василію Васильевичу, съ своимъ племянникомъ заключилъ договоръ, состоящій въ томъ, что онъ долженъ признать Великимъ Княземъ Московскимъ племянника, а не брата своего Юрія Димитріевича, и за сію миролюбивую уступку получилъ себѣ Угличское Княжество. Этотъ договоръ доказываетъ, между прочимъ, что, хотя Великіе Московскіе Князья располагали уже Московскимъ престоломъ самовластно и завѣщали оный уже не старшему въ родѣ, но именно старшему своему сыну, однако твердо еще помнили право старшинства, боялись еще своей несправедливости, опасаясь востанія ближнихъ родственниковъ и удѣльныхъ

Князей, а потому, обязывали ихъ договорами и связывали ихъ душу крестнымъ цѣлованіемъ и ужасными клятвами, чтобъ они не искали Великокняжескаго престола.

Константинъ Димитріевичъ, получивъ отъ своего племянника Углицкое Княжество, разстался съ нимъ искреннимъ другомъ и прибылъ въ Угличъ со всѣмъ своимъ дворомъ и Боярами, чтобы, поселившись въ немъ провести последніе дни своей жизни въ мирѣ, тишинѣ и спокойствіи. Онъ хотѣлъ посвятить себя совершенно на пользу своего народа, и потому ревностно занялся устройствомъ довольно уже разстроеннаго управленія, приводилъ пошлины и сборы въ прежній порядокъ, милостиво внималъ гласу обиженныхъ, заботливо занялся правосудіемъ и съ отеческою попечительностію устроивалъ счастіе своихъ подданныхъ.

Константинъ Димитріевичъ, будучи слабаго здоровья и довольно преклонныхъ лѣтъ, притомъ же добръ душею и миролюбивъ, не мѣшался въ ссору брата своего Юрія съ племянникомъ, не спорилъ о правахъ ихъ на Великокняжескій престолъ, не посылалъ своихъ дружинъ на помощь тому или другому, и чрезъ то навлекъ на себя гнѣвъ того и другаго. Впро-

чемъ онъ не заботился объ этомъ, и когда они сражались, онъ въ мирѣ и тишинѣ, въ постѣ и молитвѣ, по выраженію лѣтописца, располагался спокойно умереть. Какъ вдругъ бросился къ его ногамъ Бояринъ Иванъ Димитріевичъ, прибѣжавшій изъ Москвы въ Угличъ,—это тотъ самый Бояринъ, который растолковалъ Махмету, что законы, завѣщанія и грамоты предковъ есть не что иное, какъ слова въ устахъ мертвеца, и что его Ханское слово есть живый законъ всѣмъ Русскимъ его улусникамъ. Это тотъ самый Иванъ Димитріевичъ, что выхлопоталъ юному Василію Васильевичу Великокняжескій престолъ, и потому надѣялся, что Великій Князь женится на его дочери.

Неизвѣстно, почему онъ такъ твердо былъ въ этомъ увѣренъ, вѣроятно, молодый Князь подалъ на то какую нибудь надежду: только честолюбивому Боярину очень хотѣлось быть тестемъ Великому Князю. Но Великій Князь женился на дочери Ярослава, внукѣ Владиміра Андреевича Углическаго Князя. Тогда надмѣнный Бояринъ, видя всѣ свои планы разрушенными, до того озлобился, что произнесъ Великому Князю: *неблагодарный юноша! обязанный мнѣ Великимъ Княжествомъ, и не устидился меня*

обезчестить! Вѣроятно, что Василій Васильевичъ подалъ какой нибудь поводъ о женидьбѣ своей на его дочери, когда Бояринъ укорялъ его своимъ безчестіемъ, и что онъ послѣ того не могъ жить болѣе въ Москвѣ. Онъ измѣнилъ Великому Князю и своей клятвѣ, бѣжалъ въ Угличъ, со злобою въ сердцѣ и замысломъ въ душѣ мстить Великому Князю и отнять отъ него обратно вѣнецъ Московскій и передать его старшему въ родѣ Юрію Димитріевичу Князю Галичскому. Итакъ, явившись въ Угличѣ, этотъ мстительный Бояринъ, *возмутилъ весь Угличъ и душу Константина.* Гибкое краснорѣчіе и тонкая хитрость помогали Ивану Димитріевичу и въ этомъ случаѣ, онъ обворожилъ слабаго Угличскаго Князя, онъ увѣрилъ старика, что вѣчная темница и позоръ угрожаютъ ему. Взволнованный Константинъ велѣлъ собирать изъ Угличскаго Княжества дружины, а потомъ съ искусителемъ своимъ поспѣшилъ къ Юрію, въ Галичъ. Честолюбивый Юрій не разсуждалъ, что благополучіе и цѣлость Россіи требуютъ единодержавнаго и наслѣдственнаго правленія, и потому очень обрадовался, что будетъ имѣть на своей сторонѣ такихъ союзниковъ, какъ хитрый Бояринъ Иванъ, и такого безгласнаго помощни-

ка, каковъ Князь Угличскій Константинъ, ему равно были необходимы: хитрый умъ перваго и сильное войско послѣдняго.

Въ тоже самое время неосторожность гордой Софіи Витовтовны, матери Великаго Князя, доставила новыхъ смертельныхъ враговъ Василію Васильевичу въ храбрыхъ сыновьяхъ Юрія. Василій Косой и Димитрій Шемяка, сыновья Юрія Галичскаго были приглашены въ Москву на свадьбу Великаго Князя двоюроднаго ихъ брата, они хотѣли быть миротворцами между отцомъ своимъ и двоюроднымъ братомъ, но вдругъ въ разгульномъ пиршествѣ, въ шумѣ веселія, Великая Княгиня Софія Витовтовна велѣла снять драгоцѣнный поясъ съ Василія Косаго, *какъ вещь украденную.* Поясъ этотъ принадлежалъ Донскому, онъ завѣщалъ его сыну своему Василію, но будто бы подмѣненнымъ другимъ поясомъ, переходилъ изъ рукъ въ руки и достался наконецъ Василію Юрьевичу Косому. Этотъ бѣдный Князь ничего не зная объ этомъ поясѣ, ужасно былъ смущенъ, когда гордая Литвянка велѣла снять его публично, съ насмѣшками и ругательствами. Вышла страшная ссора, дошло было уже до драки, но Шемяка убѣдилъ своего брата

бросить имъ поясъ, и съ обнаженными мечами бѣжали изъ дворца изъ Москвы, и поклялись отмстить свою горькую обиду. Надобно замѣтить, что тутъ не поясъ былъ причиною ссоры, а женское не терпѣніе; ибо Великая Княгиня Софія не могла вынести, видя сыновей врага своего собственнаго сына, сердце ея кипѣло мщеніемъ, она пируя свадьбу, и торжествуя первенство своего сына, смотрѣла на Шемяку и Косаго, какъ на враговъ, какъ на шпіоновъ непріятельской и враждебной стороны, и потому поясъ, указанный на Косомъ наушникомъ ея Ростовскимъ Намѣстникомъ, былъ только привязкою, чтобъ излить злобу на бѣдныхъ сыновей своего противника.

Слѣдовательно пять человѣкъ пылали равною злобою противъ молодаго неопытнаго Великаго Князя и его матери. Они немедленно собрали грозные полки со всѣхъ своихъ Княжествъ и быстро двинулись къ Москвѣ, такъ быстро взяли столицу, что Василій Васильевичь, едва успѣлъ бѣжать съ матерью и молодою своею женою сначала въ Тверь, потомъ въ Кострому, гдѣ и былъ плѣненъ Юріемъ. Итакъ Юрій Димитріевичъ достигъ своей цѣли, онъ теперь

Великій Князь Московскій, но на долго ли? увидимъ.

Всѣ эти произшествія и перевороты въ Москвѣ и между Князьями рѣзко и глубоко отразились и на Угличѣ; ибо когда Константинъ и мстительный бояринъ ускакали изъ Углича въ Галичъ, то въ Угличѣ въ то время произошла ужасная суматоха. Нѣсколько бояръ подъ начальствомъ Намѣстника разсыпались по всѣмъ областямъ Угличскаго Княжества, чтобы какъ можно скорѣе собрать войско для спасенія своего добраго Князя. Воины тысячами стеклись въ Угличъ, быстро вооружились, и отпѣвши всеобщій молебенъ на площади, устрѣмились къ Троицѣ Сергіеву монастырю и тамъ соединились съ Галичанами, потомъ разсѣяли Великокняжеское войско на берегахъ Клязмы, торжествовали быстролѣтнюю свою побѣду въ Москвѣ и скоро возвратились въ Угличъ.

Но Князь ихъ Константинъ Димитріевичъ уже не возвращался болѣе въ свое Княжество. Междоусобія изъ пустаго титула сокрушали добрую душу кроткаго Угличскаго Князя. искушенный хитрымъ бояриномъ, онъ поспѣшилъ къ брату своему на помощь, спасая себя отъ темницы, и потому увлеченный бурею родственнаго

междоусобія, пронесся отъ Галича къ Москвѣ, видѣлъ побѣды своего брата, видѣлъ торжество его на престолѣ, видѣлъ его изгнаніе, видѣлъ все, и, устыдился мира сего, ему трудно было выносить все видѣнное, и жалѣя о спокойствіи Угличскомъ и не навидя бурныя потрясенія Россіи, удалился въ Симоновъ монастырь, промѣнявъ земное Царство свое на Царство небесное, онъ постригся въ иноки подъ именемъ Кассіана, и тамъ, во глубинѣ келіи, въ постѣ и молитвѣ о счастіи Углича и Россіи, скончалъ свои свѣтлые дни 9-го Маія, годъ же кончины его не извѣстенъ.

Семнадцатый Угличскій Князь Димитрій Юрьевичъ, прозванный Шемяка съ 1434 года. (*)

Добрый, ласковый, чистосердечный Князь Димитрій Юрьевичъ Шемяка, любилъ, уважалъ и почиталъ добраго своего дядю Константина Димитріевича, когда же Угличскій Князь удалился отъ суеты мирской въ Симоновъ

(*) (Шемяка получилъ отъ дяди Константина Угличъ гораздо прежде, а въ 1434 году и Великій Князь по договору уже призналъ на всегда за нимъ).

монастырь, Димитрій Юрьевичъ ходилъ къ нему ежедневно, утѣшалъ престарѣлаго, слабаго и огорченнаго старца, (*) а послѣ когда разгнѣванный отецъ прогналъ его отъ себя, то онъ удалился къ доброму своему дядѣ въ келію, здѣсь то они, сокрытые отъ свѣта, тѣмъ болѣе открыли свои души другъ другу, здѣсь они въ тишинѣ бесѣдовали съ умиленіемъ, старецъ наставлялъ юнаго племянника. Молодой Князь съ жадностію слушалъ его добрые совѣты, и наконецъ, узнавши душу своего племянника, рожденную любить добро, онъ усыновилъ его и отдалъ ему Угличское Княжество. Димитрій Юрьевичъ со слезами благодарилъ своего дядю, за столь великія его милости, они простились со слезами умиленія, любви и благодарности. Константинъ Димитріевичъ послалъ племянника своего въ Угличъ, велѣлъ ему спѣшить, чтобы утѣшить сиротствующихъ своихъ подданныхъ.

Димитрій Юрьевичъ прибылъ въ Угличъ, объявилъ Угличанамъ о постриженіи въ иноки ихъ прежняго Князя: Угличане удивились и вмѣстѣ пожалѣли, что любимый ими Князь отказался отъ всѣхъ властей свѣта; но утѣшились,

(*) Ссора и междоусобія огорчали Константина Димитріевича.

выслушавъ подробное и умолительное завѣщаніе его. Константинъ Димитріевичъ Князь Угличскій, въ инокѣхъ Кассіанъ, завѣщаніемъ усыновляетъ Димитрія Юрьевича, роднаго своего племянника, и какъ родному сыну завѣщаетъ ему въ духовной Угличское Княжество, другіе же вотчины, то въ монастыри, то другимъ племянникамъ. Помолившись Богу, всенародно было прочитано въ Соборной церкви духовное завѣщаніе. Послѣ церемоніи и поздравленій всѣ Бояре, духовенство и знатнѣйшіе граждане Углича радостно пировали у своего новаго Князя.

Между тѣмъ молодой Князь, по наставленію своего дяди совѣтовался съ Намѣстникомъ и Боярами, какъ лучше можно устроить счастіе ввѣренныхъ ему подданыхъ. Старые и опытные Бояре съ умиленіемъ слушали разумные рѣчи своего Князя, искренно давали ему свои совѣты, откровенность и чистосердечіе Князя обворожали его гостей, онъ дружески бесѣдовалъ съ ними, радушно угощалъ ихъ, и плѣнилъ ихъ своими ласками отъ перваго до послѣдняго. Однако недолго молодой Князь и подданные его наслаждались миромъ и спокойствіемъ: братъ Шемяки Василій Косой,* тѣснимый и преслѣдуемый, воцарившимся опять въ Москвѣ

Василіемъ Василіевичемъ, требовалъ отъ Шемяки скорѣйшей помощи, гонцы Косаго одинъ за другимъ пріѣзжали въ Угличъ, кровное родство, долгъ и честь увлекали молодаго Шемяку на поле брани; а добрые Угличане, полюбивши своего Князя, съ живѣйшимъ энтузіазмомъ изъявили желаніе умереть за честь обиженнаго своего повелителя: и потому вооружились наскоро добрыя и ревностныя Углическія дружины, и подъ начальствомъ своего Князя, воспрянули опять на новую брань противъ Москвы. Соединенныя силы двухъ братьевъ Косаго и Шемяки долго сопротивлялись войскамъ Великаго Князя, однако побѣда колебалась. Великій Князь, досадуя на свои неудачи, и пользуясь отсутствіемъ изъ Углича Князя и войска, велѣлъ захватить городъ и силою подчинилъ Угличъ своей власти. Великокняжеская дружина, завладѣвъ Угличемъ, причинила ему много вреда, и несправедливо мстя за своего Князя до того стѣснили городъ, что Угличане вышли изъ терпѣнія и послали гонцовъ къ Юрію Димитріевичу въ Галичъ, они убѣдили его забыть гнѣвъ и клятву противъ сыновей своихъ, Угличане молили его помочь имъ въ несчастіи, какъ недавно они ему помогали завладѣть Москвою. Юрій Димитріе-

вичъ поспѣшно собралъ войско, соединился съ сыновьями, простилъ ихъ, и вмѣстѣ разбили Великокняжескія войска при рѣкѣ Куси, а потомъ въ Ростовской области одержали надъ Великимъ Княземъ столь рѣшительную побѣду, что онъ вдругъ лишился своего войска, побѣды и Московскаго престола, онъ даже не смѣлъ бѣжать въ столицу свою, побѣжалъ въ Новгородъ, оттуда въ Мологу, въ Нижній, и хотѣлъ было бѣжать въ Орду для спасенія живота своего, по выраженію лѣтописца.

Юрій Димитріевичъ шестидесяти-лѣтній старикъ, имѣлъ удовольствіе вторично быть на Великокняжескомъ престолѣ, теперь онъ взялъ всѣ предосторожности, окружилъ себя войскомъ и послалъ двухъ сыновей своихъ Димитрія Шемяку и Димитрія Краснаго съ войскомъ преслѣдовать Василія Василіевича. Василій Василіевичъ трепеталъ, по выраженію Карамзина, но вдругъ счастіе перемѣнилось; ибо тотъ, кто жаждалъ называться Великимъ Княземъ, вдругъ съ великолѣпнаго престола сошелъ въ могилу, и въ одной сажени земли заключилъ безмѣрное свое властолюбіе. Братья: Шемяка и Красный изумились во Владимірѣ, получивши извѣстіе отъ Василія Косаго изъ Москвы, онъ извѣщалъ

братьевъ, что престарѣлый отецъ ихъ внезапно умеръ, а онъ Великій Князь Московскій, требуетъ ихъ покорности и присяги войска. Добрый Шемяка, какъ громомъ пораженный, сначала поплакали съ братомъ, потомъ сказалъ посламъ братинымъ: *Видно Богу не угодно было, чтобы отецъ нашъ владѣлъ Москвою, а братъ Василій не имѣетъ на нее ни какого права. Скажите ему, что теперь Василій Василіевичъ остался старшимъ въ родѣ.* Шемяка и Красный послали въ Кострому поздравить Василія Василіевича въ третій разъ Великимъ Княземъ Московскимъ. Вотъ великодушный подвигъ Шемяки! онъ имѣлъ подъ командой все Московское войско, могъ бы вступить въ Москву и сѣсть на Великокняжескій престолъ, или законно наслѣдовать его послѣ брата, но онъ обожалъ правду, и потому силою и справедливостію своею убѣдилъ обоихъ своихъ братьевъ отдать Великокняжескій престолъ двоюродному брату Василію Василіевичу, какъ старшему въ родѣ. А потомки упрекаютъ и чернятъ высокое его имя *Шемякинымъ судомъ? Это ужасная клевета!* Василій Василіевичъ до того былъ изумленъ великодушіемъ Шемяки, что не скоро повѣрилъ своему счастію. Разбитый въ сраженіи,

изгнанный изъ столицы, бѣглецъ, оставившій мать и жену плѣнницами въ Москвѣ, и вдругъ, по гласу Шемяки дѣлается Великимъ Княземъ Россіи, повелителемъ войска и Князей. Великій Князь на крыльяхъ счастія полетѣлъ во Владиміръ, обнявъ своего великодушнаго покровителя Димитрія Юрьевича и получилъ изъ рукъ его команду надъ войскомъ и власть надъ Великимъ Княжествомъ. Они прибыли всѣ трое въ Москву наилучшими друзьями, выгнали изъ нее Василія Косаго, и заключили между собою искренній договоръ. Василій Василіевичъ въ благодарность далъ двоюроднымъ своимъ братьямъ области, какія они сами пожелали. Димитрій Юрьевичъ Шемяка получилъ опять любимый свой Угличъ и въ прибавокъ къ нему Ржевъ, а Димитрій Красный Бѣжецкъ. Кромѣ того, они получили по духовному завѣщанію отца своего: Косой Звѣнигородъ, Шемяка Рузу, а Красный Гаматъ, получили всѣ три по иконѣ, окованной золотомъ и по золотому поясу, осыпанному драгоцѣнными камнями: также подмосковныя села, сады и доходы. Такимъ образомъ Василій Василіевичъ утвердился опять на Великокняжескомъ Московскомъ престолѣ, а Шемяка

договорною грамотою утвердилъ за собою навсегда завѣщанное ему прежде дядею его Угличское Княжество. Съ тѣхъ поръ Димитрій Юрьевичъ поселился въ Угличѣ: дружба, міръ и любовь воцарились между Угличемъ и Москвою. Въ знакъ любви Великій Князь назначилъ Угличскаго Князя Шемяку Полководцемъ всѣхъ своихъ Великокняжескихъ войскъ, но это въ случаѣ войны, а теперь въ мирное время Шемяка, прославившій себя геройскими подвигами въ битвахъ, благоразуміемъ и умѣренностію въ совѣтахъ и великодушными поступками въ отношеніи къ врагамъ своимъ, словомъ, онъ умѣлъ превратить Великаго Князя изъ жесточайшаго врага въ искренняго друга. И потому, испытавши въ эти быстрые перевороты всѣ ужасы междоусобной войны и родственной вражды, теперь онъ, помня наставленіе добраго своего дяди Константина Угличскаго, хотѣлъ на этомъ опытѣ основать счастіе своего Княжества, состоящаго изъ трехъ областей, онъ удалился въ Угличъ, чтобы никогда не выходить изъ него на пролитіе крови своихъ соотечественниковъ. Димитрій Юрьевичъ Шемяка усердно занялся устройствомъ своего обширнаго Княжества, особенно обратилъ вниманіе на правосудіе; ибо

ѣздивши изъ области въ область, изъ города въ городъ, онъ нашелъ много не справедливыхъ дѣлъ и притѣсненій отъ дьяковъ, и потому выгнавъ многихъ дьяковъ и корыстолюбивыхъ подьячихъ изъ должностей и замѣнилъ ихъ мѣста другими. Объѣзжая области и города, онъ былъ вездѣ доступенъ и внимателенъ къ страждущему человѣчеству, роздавалъ милостыню бѣднымъ, снабдѣвалъ церкви и монастыри богатыми вкладами, любилъ бесѣдовать съ мудрыми и опытными людьми, вездѣ хотѣлъ видѣть собственными глазами все, что можно было устроить, исправить и улучшить, однимъ словомъ, онъ посвятилъ себя совершенно на счастіе своихъ подданныхъ. Такъ Шемяка въ счастливой и благодѣтельной тишинѣ провелъ болѣе двухъ лѣтъ.

Однажды въ скучную осень, Углицкій Князь поѣхалъ въ Бѣлозерскую пустынь молиться Богу, разсѣять грусть своего одиночества и повидаться съ старымъ другомъ отца своего Княземъ Бѣлозерскимъ, тамъ онъ, помолившись Богу и погостивши, посватался къ дочери Князя Бѣлозерскаго Димитрія, и обручившись съ прелестною Софіею, онъ поспѣшилъ въ Угличъ, чтобы приготовиться къ свадьбѣ, между тѣмъ, ожидая съ нетерпѣніемъ назначеннаго дня и

прибытія къ оному будущаго тестя съ дочерью своею, самъ поѣхалъ въ Москву къ брату и другу своему Василію Василіевичу просить его на свадьбу. Великій Князь злобствуя на брата Шемяки Василія Косаго, велѣлъ схватить несчастнаго и ни въ чемъ невиннаго жениха, заковалъ его въ цѣпи и велѣлъ его бросить въ Коломенскую тюрьму, поручивъ надзоръ за нимъ Боярину Старкову.

Вообразите положеніе бѣднаго-страстнаго жениха? Димитрій Юрьевичъ, думалъ чрезъ нѣсколько дней обладать прелестнѣйшею изъ Княженъ, онъ уже видѣлъ мысленно будущее свое блаженство, и упоенный восторгомъ, онъ въ невинности своего сердца, добрый по душѣ, откровенный въ характерѣ, онъ поѣхалъ къ брату и другу, чтобы раздѣлить съ нимъ свое счастіе. И вдругъ довѣрчивый Князь схваченъ, окованъ, опозоренъ, и брошенъ въ сырую темницу. Вмѣсто свѣтлаго храма, мрачная темница, вмѣсто радостнаго вѣнца, убійственные оковы, вмѣсто стыдливаго взора обожаемой невѣсты, суровыя лица тюремной стражи? Страдать за вину заслуженную еще сносно, но совершенно безвинно, даже не зная за что, это ужасно! это невыносимо!... Прошло нѣсколько мѣсяцовъ, а

женихъ въ тюрьмѣ. Но между тѣмъ, какъ бѣдный Угличскій Князь такъ безчеловѣчно брошенный въ тюрьму, томился, изнывалъ тѣломъ и духомъ, совершились злодѣйства еще ужаснѣйшія. Угличь былъ захваченъ Великокняжескимъ войскомъ, дружины, набранныя изъ Угличанъ, вмѣсто того, чтобъ идти выручать несчастнаго своего Князя. (*) Ихъ погнали въ битву противъ Косаго. Войска сошлись въ Ростовской области близъ Скорятина, и два Василія, равно скрытные, лукавые, горѣли другъ на друга равною злобою, хотѣли перехитрить одинъ другаго. Косой хотѣлъ ударить внезапно, но В. К. былъ уже готовъ: сразились, и Косой былъ разбитъ и попался въ плѣнъ, онъ какъ левъ рыскалъ въ битвѣ и жаждалъ тогда еще побѣды, когда уже его брали въ плѣнъ. Великій Князь, чтобы еще болѣе насытить свою злобу, заковалъ Косаго въ цѣпи *и выколол̾ъ ему глаза.* Свершилась неслыханная дотолѣ казнь, *братъ выколол̾ъ очи двоюродному своему брату.* Василій Василіевичъ самъ кажется ужаснулся

(*) Это другой отрядъ Угличанъ, ихъ было немного, ибо по призыву Косаго, всѣ Угличскія дружины, ушли прежде выручать своего Князя.

своего злодѣянія, ибо вскорѣ выпустилъ Шемяку изъ темницы, потомъ вскорѣ же освободилъ и Косаго несчастнаго слѣпца. Наконецъ довольный своею побѣдою и страданіемъ своихъ враговъ, Великій Князь заключилъ со всѣми тремя братьями новый мирный договоръ, дозволивъ имъ возвратиться въ свои удѣлы и подтвердилъ за ними ихъ Княжества. Димитрій Юрьевичъ Угличскій Князь на крылахъ любви полетѣлъ къ неутѣшной своей невѣстѣ и вскорѣ женился. Воцарившись въ Угличѣ съ молодою прекрасною женою забылъ о мщеніи, восторгъ и блаженство замѣнили въ душѣ его прежнюю муку и поруганіе. Но несчастный слѣпецъ Василій Юрьевичъ Косой, убитый горестію, лишенный дневнаго свѣта, мучился въ своемъ уединеніи еще около 12 лѣтъ со времени своего ослѣпленія, и наконецъ умеръ въ 1446 году. Въ то самое время, когда Угличскій Князь Шемяка страдалъ въ темницѣ, заключенный Великимъ Княземъ, Угличскія дружины поспѣшили подъ знамя Василія Косаго, чтобы выручить своего любимаго Князя изъ страшной неволи, но разбитые Велик. Княземъ возвратились.

Въ 1440 году Димитрій Юрьевичъ Шемяка, ѣздилъ изъ Углича въ Галичъ, и былъ сви-

дѣтелемъ чудесной кончины своего младшаго брата Димитрія Краснаго. Онъ лишился слуха, вкуса и сна, кровь непрестанно лилась у него изъ носу, ему заткнули ноздри, когда пріобщали, тогда онъ заснулъ, наконецъ оказался мертвъ, его закрыли одѣяломъ, и усердные бояре искренно оплакивали своего добраго Князя. Среди ночи, мнимый мертвецъ скинулъ одѣяло, сѣлъ на смертномъ одрѣ своемъ и началъ пѣть стихиры, не открывая глазъ. Цѣлые три дни Князь пѣлъ и говорилъ о душеспасительныхъ предметахъ, узнавалъ людей, но не слыхалъ и не видалъ ничего,—наконецъ дѣйствительно умеръ съ именемъ Святаго. Димитрій Юрьевичъ оплакалъ своего добраго брата, похоронилъ его со всѣми Княжескими почестями, и возвратился въ Угличъ. Съ сего то времени Углическій Князь съ молодою своею супругою часто ѣздилъ и долго иногда жилъ въ Галичѣ; ибо Угличское Княжество, послѣ его брата Димитрія Краснаго было присоединено къ Галичскому. Угличское Княжество процвѣтало подъ правленіемъ Шемяки, оно успокоилось послѣ грозныхъ битвъ и междоусобныхъ потрясеній, но успокоилось къ несчастію не надолго. Уже осенью 1441 года (говоритъ Карамз. на стр. 288 т. V), открылась вражда

между Великимъ Княземъ и Димитріемъ Шемякою; Московскій Князь отправилъ къ Угличу многочисленное войско. Шемяка, узнавши о новыхъ коварныхъ замыслахъ своего брата, и незная причины онымъ, удалился въ Новгородъ, не желая новаго кровопролитія, онъ думалъ, что тѣмъ кончится; но Великій Князь завладѣвъ Угличемъ, требовалъ присяги и повиновенія себѣ отъ жителей онаго. Тогда Углицкій Князь собралъ въ Новгородѣ вольницу и подкрѣпивши оную усердными Угличанами, выгналъ изъ Углича Великокняжескаго Намѣстника, чиновниковъ и дружину, потомъ осадилъ Москву, битва самая жестокая готова была вспыхнуть; но устрашенный Великій Князь чрезъ Троицкаго Игумена успѣлъ опять помириться съ добродушнымъ и довѣрчивымъ Шемякою. Милосердый Шемяка склонился на миръ и опять удалился въ свой мирный Угличъ, но Великій Кн. всегда мстительный и недовѣрчивый, заключилъ съ нимъ четвертый договоръ, а легковѣрный Углицкій Князь подписалъ его. Этотъ договоръ до того опуталъ его условіями и клятвами, что послѣ не было уже ни какой возможности выполнить всѣхъ его требованій,—однако прошло еще четыре года въ мірѣ и тишинѣ.

Въ 1445 году грозный Улу-Махметъ Казанскій, метя Великому Князю за его неблагодарность, нагрянулъ на Россію съ ужасными полчищами. Великій Князь требовалъ помощи и вооруженія отъ Шемяки. Угличскій Князь собралъ поспѣшно свои дружины, соединился съ Великимъ Княземъ, выдержалъ многія жестокія битвы съ Татарами; но къ концу года Василій Василіевичъ опять оскорбилъ Шемяку, они поссорились въ то время, когда надобно было спасать отечество. Оскорбленный Угличскій Князь отсталъ отъ Московскихъ дружинъ, а Великій Князь лишившись лучшаго своего Полководца, былъ пораженъ Татарами не далеко отъ Суздаля: онъ, изнуренный, израненный весь, попался къ Татарамъ въ плѣнъ. Улу-Махметъ велѣлъ снять кресты съ плѣнниковъ и прислалъ ихъ въ Москву, чтобы увѣрить о судьбѣ постигшей Россію и ея Князя. Ужасъ поразилъ Княжеское семейство, Москву и всю Россію. Махметъ обремененный плѣномъ и добычею удалился въ свой Казанскій улусъ; а къ Угличскому Князю послалъ тайнаго посла съ дружескими увѣреніями и съ предложеніемъ, что онъ отдастъ ему Великаго Князя и Великокняжескій престолъ, съ тѣмъ, чтобъ Шемяка, будучи Великимъ Княземъ

Москвы платилъ Улу-Махмету ежегодно положенную сумму денегъ. Шемяка не соглашался, но чествовалъ Ханское посольство, а потому предводитель онаго *Бигичъ,* пируя въ Угличѣ съ Княземъ и его Боярами безпрестанно убѣждалъ его согласиться на предложеніе Улу-Махмета. *Три мѣсяца проходили уже,* но плѣнникъ еще томился въ Казани. Угличскій Князь, подстрекаемый Бигичемъ и убѣждаемый окружающими его боярами, *три мѣсяца не соглашался на ихъ убѣжденія,*—наконецъ пиршества, ласки и убѣжденія друзей вскружили ему голову, онъ согласился. Впрочемъ это еще не доказано совершенно, ибо если Димитрій Юрьевичъ чрезъ три мѣсяца и послалъ съ Мурзою своего дьяка Ѳедора Дубенскаго въ Казань, то это еще не доказываетъ, чтобъ Шемяка хотѣлъ оставить Великаго Князя вѣчнымъ плѣнникомъ у Татаръ. Если онъ хотѣлъ завладѣть Великокняжескимъ престоломъ, *то онъ не промедлилъ бы и трехъ дней,* не только трехъ мѣсяцевъ: онъ тогда же занялъ бы Москву и воцарился на Великокняжескомъ престолѣ, какъ скоро ему предложилъ Улу-Махметъ чрезъ своего посла. Чего ему было опасаться? Московское войско разбито и разсѣяно, Великій Князь въ плѣну, Москва въ

ужасѣ и безначаліи, при томъ же Улу-Махметъ, мстя своему врагу не благодарному Василію Василіевичу, который хотѣлъ его плѣнить и выдать Хану золотой Орды, ни за чтобы не выпустилъ изъ рукъ своихъ Великаго Князя, имѣя въ своемъ плѣнникѣ безчисленныя выгоды, но онъ его освободилъ за ничтожный выкупъ, слѣдовательно Шемяка не обѣщалъ Махмету дать болѣе, иначе бы онъ его не выпустилъ. А между тѣмъ Улу-Махметъ и Великій Князь 8-го Октября 1445 года расстались искренними друзьями, и Великій Князь, всегда недовѣрчивый, имѣлъ право подозрѣвать Шемяку теперь въ непріязненности къ себѣ, ибо они недавно поссорились. Шемяка тысячу разъ оскорбленный имъ, оставилъ его съ своими дружинами, и послѣ того не спѣшилъ выручать его изъ плѣну, какъ своего мучителя. Впрочемъ если Димитрій Шемяка и дѣйствительно покусился на Великокняжескій престолъ, то всѣ обстоятельства, а особенно коварные замыслы Великаго Князя, его безпрестанныя притѣсненія, притворная и нѣсколько разъ переходящая въ злобу искусительная для простодушнаго дружба, и видимое намѣреніе его—погубить Шемяку. Эти причины довольно были достаточны для Шемяки, чтобы за-

владѣть Московскимъ престоломъ, если не для честолюбія, то по крайней мѣрѣ, чтобъ спасти себя отъ своего гонителя. Надобно быть не человѣкомъ, чтобы вынести всѣ язвительныя насмѣшки двоюроднаго брата и его двора. Но за то Шемяка тѣмъ не правъ, что онъ въ критическія минуты для Россіи не помогалъ съ своими дружинами Великому Князю противиться напирающей силѣ иноплеменниковъ.

Въ то время, когда Великій Князь получилъ свободу и возвратился въ сѣтующую Москву, Димитрія Юрьевича не было въ Угличѣ, должно думать, что онъ былъ въ Москвѣ въ своихъ отцовскихъ вотчинахъ, ибо около 17 Ноября, когда Василій Василіевичъ пріѣхалъ съ Татарами въ Москву, тогда же Димитрій Юрьевичъ прибылъ въ свой Угличъ и привезъ съ собою множество бояръ своихъ, Московскихъ и дяди своего Константина, и даже довѣреннаго Великому Князю боярина Старкова, который содержалъ Шемяку въ Коломенской тюрьмѣ.

Когда Великій Князь замышлялъ въ Москвѣ погубить Шемяку, почитая его измѣнникомъ Великокняжеской волѣ и условіямъ договора, въ тоже самое время и Шемяка, спасая свою независимость, жизнь и честь, долженъ былъ пре-

дупредить своего брата, и потому собиралъ войско, друзей и союзниковъ. Онъ прежде не будучи ни въ чемъ виноватымъ, и столько разъ лишался Угличскаго своего Княжества, тѣмъ болѣе теперь, явно подозрѣваемый въ сношеніи съ Улу-Махметомъ, долженъ необходимо приготовиться на всѣ возможныя бѣдствія: ибо онъ твердо зналъ, что Великій Князь не оставитъ его въ покоѣ, покуда не уничтожитъ его со всѣмъ. Честолюбіе, мщеніе, зависть, личныя выгоды, и первенство его власти надъ Россіею того требовали. Шемяка предвидѣлъ жестокую междоусобную войну, понималъ мстительнаго брата, и подробно зналъ ужасную силу его войскъ, и потому надобно было предупредить Великаго Князя. Угличъ сдѣлался какъ бы второю столицею Россіи: въ него съѣзжались Князья и бояре, и стекалось войско со всѣхъ сторонъ. Иванъ Князь Можайскій и Борисъ Князь Тверскій, были главными его друзьями, союзниками и помощниками во всѣхъ дѣлахъ. Союзные Князья выѣхали въ Рузу, какъ въ свое помѣстье, не обнаруживая ни какихъ военныхъ дѣйствій, тамъ тоже собрали дружину, и 12 Февраля 1446 года въ ночи явились предъ Москвою. Ночью, когда всѣ спали, а Великій Князь былъ въ Троицѣ

Сергія; Москва была взята безъ малѣйшаго сопротивленія, вломились во дворецъ, завладѣли Великокняжескою казною, семействомъ и всѣмъ, что было въ немъ, узнавши же, что Великій Князь у Троицы-Сергія, Можайскій Князь на 50-ти саняхъ поспѣшилъ туда и завладѣлъ Великимъ Княземъ, а 14-го Февраля привезъ его въ Москву прямо въ домъ Шемяки. Москва проснувшись, увидѣла себя во власти новаго Князя, удивленіе было безпредѣльно. Между тѣмъ Димитрій Юрьевичъ ввелъ всю свою Угличскую и другія дружины и помѣстилъ въ Москвѣ. Утромъ приказанія полетѣли отъ имени новаго Великаго Князя по всей Москвѣ. Когда было все устроено и приведено въ надлежащій порядокъ, тогда составился совѣтъ изъ союзныхъ Князей и Бояръ, недовольныхъ и озлобленныхъ Василіемъ Василіевичемъ. Послѣ долгаго совѣщанія рѣшили съ общаго согласія ослѣпить Великаго Князя и держать его въ Угличѣ подъ стражею. На четвертый день, (по словамъ Синодальной и Новгородской лѣтописей), ослѣпили Великаго Князя отъ имени трехъ Князей: Димитрія Юрьевича, Ивана Можайскаго и Бориса Тверскаго, за слѣдующую вину. »*Для чего ты любишь татаръ болѣе христіанъ; и даешь*

имъ города для кормленія? для чего ты осыпаешъ невѣрныхъ христіанскимъ серебромъ и золотомъ? для чего ты изнуряешъ христіанъ податьми и безъ милости томишъ? для чего ты ослѣпилъ брата своего и нашего? дѣйствительно, Василій Василіевичъ былъ много виноватъ предъ Князьями, и если не предъ Россіею, то предъ Исторіею, а особенно противъ Димитрія Юрьевича, стоитъ только вспомнить: посрамленіе братьевъ Косаго и Шемяки во время Великокняжеской свадьбы, оковы и Коломенская тюрьма, и въ какихъ обстоятельствахъ? ослѣпленіе Косаго, роднаго брата Шемяки, отнятіе Углича и другихъ областей отъ Шемяки, и множество другихъ обидъ и личныхъ оскорбленій, которыя добродушный Шемяка, всегда и легко забывалъ, но теперь имѣлъ слабость согласиться на волю всеобщихъ голосовъ совѣта.

Ослѣпивши Василія Василіевича, вскорѣ отправили его вмѣстѣ съ супругою въ закрытомъ Великокняжескомъ экипажѣ въ городъ Угличъ, а мать его Софію Витовтовну отвезли въ Чухлому. Малолѣтные сыновья Великаго Князя Иванъ и Юрій были тайно увезены изъ Москвы Ряполовскимъ, другомъ Василія Темнаго въ село Обоярово. Такъ какъ Ряполовскіе

Князья горячо вступились за дѣтей Темнаго и разлучили ихъ съ родительскимъ сердцемъ, то Димитрій Юрьевичъ послалъ къ нимъ Рязанскаго Епископа Іону, который взялъ дѣтей на свою эпитрахиль и на вѣрность Княжескаго Шемякина слова. Іона и Ряполовскій явились съ дѣтьми Темнаго къ Димитрію Юрьевичу, бывшему тогда въ Переславлѣ: онъ плакалъ, обнималъ и цѣловалъ милыхъ дѣтей, страдавшихъ въ разлукѣ съ нѣжными родителями, онъ угощалъ Іону, Ряполовскихъ и дѣтей три дня въ Переславлѣ-Залѣскомъ, и съ тѣми же Ряполовскими и съ Іоною отправилъ ихъ въ Угличъ въ обьятія родителей. Еслибъ Димитрій Юрьевичъ былъ злодѣй, (какъ его привыкли въ пристрастіи къ Великому Князю называть таковымъ), то Углическій, а теперь Великій Князь могъ бы погубить дѣтей и Темнаго, и воцариться твердо и навсегда въ Москвѣ, но онъ гнушался злодѣйствомъ и презиралъ злодѣевъ; напротивъ, Исторія показываетъ множество примѣровъ его доброты, великодушія, справедливости и мягкосердечія: онъ два раза давалъ Василію Василіевичу Великокняжескій престолъ изъ собственныхъ своихъ рукъ, усердно помогалъ Великому Князю въ его дѣлахъ, нѣсколько

разъ искренно дружился съ нимъ и снова былъ обманутъ, онъ не могъ и не умѣлъ притворяться, будучи рожденъ справедливымъ и откровеннымъ, а его укоряютъ даже, что онъ притворно слезы проливаетъ предъ дѣтьми Василія, своими племянниками. Какая тутъ нужда притворно плакать и самому притворному? А что Димитрій Юрьевичъ былъ добръ въ душѣ, то это и Угличскія лѣтописи подтверждаютъ, они говорятъ, что Василій Темный, плѣнникъ Шемяки, помѣщенный *въ Шемякинскомъ дворцѣ, жилъ съ своимъ семействомъ въ Угличѣ во всякомъ изобиліи и довольствѣ, какъ и всѣ другіе Князья живутъ на удѣлѣ.* Слѣдовательно не такъ, какъ Шемяка—женихъ въ Коломенской тюрьмѣ. Ежели всеобщая любовь вѣнчала Василія Василіевича, то почему народъ не стекался и не бѣжалъ изъ Москвы въ Угличъ, какъ при Юріѣ въ Коломну? а напротивъ усердно служилъ Шемякѣ, а когда Ряполовскіе Князья призвали Литовцовъ и составили заговоръ, чтобы освободить Темнаго изъ Углича и возвести на Московскій престолъ, то почему имъ не способствовала народная любовь къ Василію? въ такомъ случаѣ, если народъ не любилъ бы Шемяки, то довольно одного добраго

дачиная усердныхъ Ряполовскихъ, и тоже бы было, что и въ Коломнѣ. Но мы этого не видимъ, а видно напротивъ, что войско, народъ, даже и Московскій, какъ предубѣжденный противъ Шемяки, и тотъ полюбилъ его. Особенно же Угличане любили своего Князя Шемяку до обожанія, ибо они ближе его знали и вполнѣ постигали всѣ его добрыя качества, они за него проливали свою кровь и такъ многократно. Но Димитрій Юрьевичъ Великій Кн. Московскій и Угличскій самъ лично доказалъ сторицею свою доброту и великодушіе. Уже около года Василій Темный жилъ въ Угличѣ съ женою и дѣтьми, супруга его Княгиня Марія родила въ Угличѣ третьяго сына *Андрея Василіевича*, который и былъ послѣ Угличскимъ Княземъ. Это случилось въ 1446-мъ году 13 Августа (тогда считался годъ съ 1 Сентября). Шемяка собралъ въ Москвѣ бояръ, духовенство и пріѣхалъ въ Угличъ со всѣмъ великолѣпнымъ своимъ дворомъ, съ Князьями, Епископами и Архимандритами, прибывши въ Угличскій свой дворецъ, онъ дружески обнялъ Василія, какъ двоюроднаго брата, винился предъ нимъ, что допустилъ ослѣпить его, раскаялся предъ нимъ и требовалъ прощенія, мира и

дружбы. Но Василій Темный отвѣчалъ ему (какъ говоритъ Карамзинъ) съ сердечнымъ умиліемъ: „нѣтъ! я одинъ во всемъ виновенъ, и пострадалъ за грѣхи мои и беззаконія: излишне любилъ славу міра и преступалъ клятвы, я гналъ васъ, моихъ братьевъ, губилъ Христіанъ и мыслилъ еще изгубить многихъ; однимъ словомъ заслуживалъ казнь смертельную, но ты Государь, явилъ милосердіе надъ мною и далъ мнѣ средство къ покаянію.“! . . . Слова лились рѣкою, прибавляетъ Карамзинъ, лилися вмѣстѣ и слезы, видъ и голосъ подтверждали ихъ искренность, всѣ присутствующіе плакали.

Славя Ангельское смиреніе души Васильевой, Карамзинъ, провеликодушіе Шемяки ни полслова: только сказалъ, что Шемяка былъ доволенъ. А чрезъ недѣлю увидимъ Темнаго *совсѣмъ другимъ*. Впрочемъ Димитрій Юрьевичъ не искалъ похвалы и одобренія, душа и совѣсть и самый поступокъ его оправдывали и одобряли. Рожденный мягко-сердечнымъ, онъ не могъ долго злобствовать: могъ вспылить, но сердиться никогда; и потому истинно былъ счастливъ, что успѣлъ искренно примириться съ своимъ братомъ; отъ всей души повѣрилъ словамъ и раскаянію Темнаго. И Темный дѣйствительно въ

этомъ раскаялся предъ Исторіею и потомствомъ, что не Шемяка, но поступки собственные его были причиною всѣхъ междоусобныхъ войнъ и гибели Христіанъ, какъ онъ самъ говоритъ.

Добродушный Шемяка искренно повѣрилъ всему, что въ теченіи недѣли или двухъ, не говорилъ ему Темный. Пиршества, увеселенія и всеобщая радость заключили примиреніе двухъ братьевъ и всей Россіи. Василій Темный, его супруга Марія, ихъ дѣти, Князья, Духовенство и Бояре, каждый день обѣдали за великолѣпнымъ столомъ новаго Великаго Князя Шемяки. Радость и пиршества продолжались во дворцѣ Шемяки нѣсколько недѣль сряду, дворецъ и Угличъ шумѣлъ удовольствіемъ. Василій Василіевичъ съ своимъ семействомъ, обласканный, обвороженный искренностію и радушіемъ Шемяки, былъ одаренъ богатыми дарами: новорожденный въ Угличѣ Князь Андрей былъ подаренъ Угличемъ, а Темный получилъ себѣ въ удѣлъ Вологду со всею ея областію, и наконецъ *далъ торжественную клятву: никогда не искать Великаго Княжества Московскаго.* Потомъ 15-го Сентября Василій Василіевичъ съ своимъ семействомъ и дворомъ отправился въ свой удѣлъ. Димитрій Юрьевичъ, провожая его со слезами

изъ Углича, говорилъ ему: *теперь мы братъ, поквиталися и ссориться намъ болѣе уже не изъ чего: будемъ жить въ мирѣ для блага Христіанъ! Я посидѣлъ на удѣльну тебя въ темницу и ты пойди теперь на свой удѣлъ!* Слезы лились градомъ и новыя клятвы и увѣренія тѣснѣе связывали ихъ дружбу.

Скоро Шемяка увидѣлъ свою ошибку, говоритъ Карамзинъ: Василій Темный пробылъ въ Вологдѣ только нѣсколько дней, онъ со всѣмъ семействомъ отправился въ Кириловъ монастырь на богомолье, и болѣе уже не возвращался на удѣлъ. Игуменъ Бѣлозерскаго монастыря Трифонъ, согласно съ желаніемъ Темнаго увѣрилъ его, что клятва, данная имъ въ Угличѣ, не есть законная, бывъ дѣйствіемъ неволи и страха. Онъ снялъ съ Темнаго клятву на себя и свою братію, и благословилъ его идти на Великокняжескій Московскій престолъ. Обрадованный Василій Темный поспѣшилъ скорѣе въ Тверь, тамъ обручилъ семилѣтняго своего сына Іоанна на дочери Бориса Александровича, съ тѣмъ условіемъ между прочимъ, чтобъ Тверское войско возвело его на Московскій престолъ. Пируя въ Твери, будущіе сваты разослали тайныхъ гонцовъ ко всѣмъ сосѣднимъ народамъ просить ихъ

помощи. Поляки, Литовцы, Татары, рады были грабить, опустошать чужія земли, и послѣ получить еще плату. Войска Татарскія и наемные силы стекались; Василій Темный въ началѣ Февраля 1447 года соединился при Угличѣ съ Княземъ Боровскимъ. Угличане видя ужасныя силы Темнаго, поспѣшно собрали свои дружины, дали знать Димитрію Шемякѣ, просили о скорѣйшей его помощи, а сами рѣшились до приходу его сопротивляться всѣмъ силамъ Темнаго и Боровскаго Князя.

Россіяне, Татары и Литовцы окружили Угличъ со всѣхъ сторонъ, приступъ былъ самый стремительный, Угличане какъ стѣна стояли противу жестокихъ ударовъ и нападеній. Битва долго кипѣла, нападенія и отпоръ были самые жестокіе, воины падали съ обѣихъ сторонъ, тѣснота улицъ, домы и крѣпостный валъ много способствовали Угличанамъ къ отраженію непріятелей и къ сбереженію ихъ дружины, напротивъ нападающіе сотнями гибли при каждомъ порывѣ ихъ ворваться въ городъ. Великій Князь множество потерялъ лучшаго своего войска, всѣ храбрецы легли въ глубокихъ рвахъ Углича, особенно *Великій Князь жалѣлъ, что потерялъ храбрѣйшаго своего воеводу Литвина*

Юрія Драницу. Однако Угличане, при всѣхъ своихъ усиліяхъ и храбрости не могли устоять противъ многочисленныхъ силъ Великаго и Боровскаго Князей, Угличъ былъ взятъ, войско разсѣянно, или плѣненно. Василій Темный поставилъ въ Угличѣ своего Намѣстника и оставилъ множество въ немъ своей дружины для удержанія города въ своей власти. Между тѣмъ, какъ Димитрій Юрьевичъ собиралъ войско и вышелъ изъ Москвы, чтобъ спасти Угличъ и встрѣтить Великокняжескія силы подальше отъ столицы, какъ вдругъ 17-го Февраля Шемяка услышалъ въ одно время, что Угличъ завоеванъ и Москва взята. Великій Князь вступилъ опять въ Москву и воцарился на отцовскомъ престолѣ. Изъ Москвы Василій Темный послалъ къ Шемякѣ Боярина Кутузова и велѣлъ ему сказать:» *Братъ Димитрій! какая тебѣ честь и слава держать въ плѣну мать мою, „а свою тетку? ищи другой славнѣйшей мести, буде хочешь: „я сижу на Великокняжескомъ престолѣ“.* Димитрій Шемяка посовѣтовавшись съ Боярами, и видя въ самомъ дѣлѣ безполезность залога, велѣлъ знатному своему Боярину Михайлу Сабурову проводить Великую Княгиню въ Москву.

Василій Темный, завладѣвши Угличемъ, велѣлъ всѣмъ знатнѣйшимъ Угличскимъ плѣнникамъ, которые не успѣли бѣжать къ Шемякѣ, ѣхать въ Москву на судъ. На вопросъ, почему они сопротивлялись Княжеской волѣ? сіи отвѣчали, что они сражались противъ него, сохраняя свой долгъ и клятву. Однако справедливость имъ мало помогала, всѣ Бояре и знатнѣйшіе граждане были расселены по разнымъ областямъ. Темный опасался храбрыхъ и вѣрныхъ Угличанъ оставить въ родномъ ихъ городѣ, чтобъ они не сдали его опять любимому своему Князю Шемякѣ. Ходатайство благодѣтельнаго духовенства примирило на время враждующихъ братьевъ, новый клятвенный договоръ ограничилъ ихъ, новые замыслы другъ противъ друга. Шемяка съ сего времени жилъ уже въ удѣлѣ отца и брата своего въ Галичѣ, слѣдовательно Угличъ остался уже навсегда подъ властію Москвы, и управлялся до возраста Андрея Васильевича Московскими Боярами.

Послѣ изгнанія Шемяки изъ Москвы и Углича, онъ болѣе трехъ лѣтъ владѣлъ спокойно въ своемъ Галичѣ; но такъ какъ ихъ (по выраженію Карамзина) могла примирить искренно одна только могила, то въ 1450 году вспыхнула

опять междоусобная война, что подало поводъ къ этой последней ужасной битвѣ? неизвѣстно; кажется навѣты Бояръ, и неисполненіе Шемякою условій многочисленныхъ договоровъ. (*) Великій Князь Василій Темный собралъ ужасныя силы войскъ и подъ начальствомъ Князя Оболенскаго отправилъ его къ Галичу, чтобы взять сей городъ, изгнать Шемяку и присвоить всѣ его области къ Великому Княжеству. Великій Князь самъ сопровождалъ свое воинство на битву; силы его въ три, или четыре раза превосходили войско Шемяки, но Шемяка имѣлъ выгоду въ позиціи, и потому битва была самая ужасная и продолжительная. Давно Россіяне не губили съ такимъ остервененіемъ другъ друга, кажется, злоба обоихъ Князей перелилась въ грудь ихъ войска; многія тысячи погибли за ихъ вражду въ два или три часа. Наконецъ храбрость уступила побѣду многочисленной силѣ. Шемяка разбитъ, Галичъ взятъ, и нашъ Угличскій Князь, лишась отцовскихъ

(*) Вѣрнѣе же всего, политика Темнаго уничтожить сильнаго и смѣлаго противника Шемяку и соединить его Княжество съ Москвою, была причиною войны.

наслѣдственныхъ своихъ Княжествъ и областей удалился въ Новгородъ.

Сія послѣдняя и жестокая битва происходила 27 Генваря 1450 года, близъ Галича. Послѣ сей битвы, Димитрій Юрьевичъ еще скитался изъ города въ городъ около трехъ лѣтъ, и хотя было завоевалъ Устюгъ и другіе города въ Сѣверной Россіи, но вскорѣ все было отнято опять. Великокняжеское войско долго и жестоко преслѣдовало Шемяку; но въ 1453 году былъ подосланъ изъ Москвы опаснѣйшій преслѣдователь, чемъ всѣ силы Темнаго. Того же года прибѣжалъ изъ Новгорода въ Москву подьячій, по прозванію *Бѣда*, и доложилъ Великому Князю, что *Димитрій Юрьевичъ Шемяка умеръ бѣдною и нужною смертію отъ лютаго зелья и погребенъ въ Новгородѣ въ Юріевѣ Монастырѣ.* (*) Обрадованный Василій Темный, пожаловалъ *Бѣду* въ достоинство Княжескаго Дьяка и наградилъ его щедрою рукою. Итакъ несчастный

(*) Князь Боровскій былъ заточенъ Василіемъ Темнымъ въ Угличскую тюрьму, и кажется тутъ кончилъ свою жизнь. Супруга его бѣжала послѣ въ Литву.

Угличскій Князь Димитрій Юрьевичъ, будучи изгнанникомъ, отправленъ въ Новгородъ 23 Іюля 1453 года. Этаго не нужно доказывать. Смертельная злоба двухъ двоюродныхъ братьевъ неминуемо должна была кончиться смертію одного изъ нихъ. Шемяка мирился искренно и нѣсколько разъ съ Василіемъ Темнымъ; но за то душа Темнаго была довольно темна. Читая смутную исторію сихъ двухъ братьевъ, ясно видимъ характеръ обоихъ изъ собственныхъ поступковъ каждаго. Впрочемъ Полевой въ Исторіи Русскаго народа совершенно оправдалъ добродушнаго Шемяку. И въ самомъ дѣлѣ, судя безпристрастно, кто не убѣдится, что всѣ поступки Шемяки противу Темнаго были единственно слѣдствіемъ всесильныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ судьба его поставила. Виноватъ ли онъ, что родился сыномъ Юрія, имѣвшаго старинное право на Великокняжескій престолъ, и что при немъ это право должно было уничтожаться? Виноватъ ли, онъ, что родился съ доброю душею, нѣжнымъ сердцемъ, благороднымъ характеромъ, высокимъ чувствомъ истины и справедливости, откровенный и довѣрчивый какъ дитя? А жилъ онъ въ эпоху, когда не вѣрили, ни братъ брату, ни отецъ сыну, ни другъ другу; а между тѣмъ воз-

растающая политика и сила Москвы вынуждала, такъ сказать, всѣхъ удѣльныхъ Князей прибѣгать къ разнымъ средствамъ и хитростямъ, чтобъ спасти себя отъ темницы и свой удѣлъ отъ униженія. А Шемяка былъ первый изъ удѣльныхъ Князей, по близкому родству, по силѣ, уму, по личной храбрости, былъ опаснѣйшій и предпріимчивый защитникъ издыхающаго уже удѣльнаго права. Слѣдовательно, онъ, по стеченію обстоятельствъ, былъ уже врагомъ Василію Темному. Когда Шемяка получилъ изъ рукъ дяди своего Угличъ и поселился въ немъ, чтобъ лично въ немъ господствовать, за чемъ же Темный бросилъ его въ тюрьму и отнялъ у него было Угличъ, за чемъ онъ самъ вызвалъ Шемяку на бой сильный и долговременный, за чемъ изъ друга превратилъ его себѣ въ врага?

Войны, которыя Шемяка вынужденъ былъ вести съ братомъ своимъ Василіемъ Темнымъ, имѣли сильное и рѣшительное вліяніе на Угличъ. Онѣ истребили множество людей, стоили великихъ издержекъ, но за то развили душевныя силы, нравственный характеръ, дѣятельность и предпріимчивость Угличанъ. Съ этого времени промышленность и торговля начали быстро

обращаться, разные товары и всякаго рода богатство со всѣхъ сторонъ стали стекаться въ Угличъ. Городъ укрѣпился новою и лучшею деревянною оградою, украсился многими огромными и красивыми зданіями. Димитрій Юрьевичъ Шемяка, будучи характера веселаго, любилъ великолѣпную пышность, онъ жилъ весело и даже роскошно, всегда былъ окруженъ многочисленными своими друзьями, изъ самыхъ отдаленныхъ Княжествъ пріѣзжало гостей къ нему множество, гонцы и посольства безпрестанно, то пріѣзжали, то уѣзжали: Князья, Бояре дѣти боярскія, гридня, и всякаго рода званія и придворные чины составляли великолѣпный дворъ.

Угличъ могъ также хвалиться, что видѣлъ своего Князя на Великокняжескомъ Московскомъ Тронѣ и Великаго Князя и Княгиню въ своихъ стѣнахъ. Митрополитъ Іона два раза при Шемякѣ пріѣзжалъ въ Угличъ. Великая Княгиня, со всѣми своими дѣтьми, сокровищами и со всѣмъ дворомъ укрывалась въ Угличской крѣпости отъ губительнаго нашествія Татаръ въ 1451 году. *Значитъ что Угличская крѣпость была лучше и надежнѣе другихъ.*

Восьмнадцатый Угличскій Князь Василій Ярославовичъ съ 1453 года.

Василій Ярославовичъ Боровскій внукъ Угличскаго Князя Владиміра Андреевича Храбраго, и единственный наслѣдникъ многочисленныхъ и богатыхъ его владѣній. Василій Василіевичъ Темный, имѣя всегдашнюю вражду съ дядею своимъ Юріемъ Галичскимъ, а потомъ съ сыновьями его, всѣми силами старался привлечь Василія Боровскаго на свою сторону, чтобъ лишить противную сторону сильнаго союзника, и потому то Темный не выпускалъ его никогда изъ виду; они жили почти всегда вмѣстѣ, вмѣстѣ сражались противъ непріятелей, и наконецъ ласки Темнаго и темные клятвенные договоры кругомъ опутали и оковали добродушнаго Василія Ярославовича навсегда во власти Великаго Князя Московскаго. Еще въ 1433 году Василій Темный обязалъ Василія Ярославовича клятвенною грамотою, чтобъ Князь Боровскій повиновался ему какъ отцу родному и Государю Московскому. (Карамзинъ въ 336 примѣч. V тома говоритъ), что Василій Ярославовичъ, послѣ сей грамоты свято выполнялъ всѣ статьи договора, *и оставался навсегда вѣрнымъ другомъ и союз-*

никомъ Темному во всѣхъ перемѣнахъ его непостоянной судьбы. Василій Ярославовичъ Боровскій вѣрно и добросовѣстно служилъ Василію Темному, храбро сражался съ нимъ въ 1445 году противу Казанскаго Царя, и вмѣстѣ съ нимъ попался въ плѣнъ, однако нашелъ случай убѣжать изъ рукъ Татарскихъ. Въ 1446 году успѣли уже поссориться съ Великимъ Княземъ, ибо онъ жилъ въ семъ году въ Литвѣ и пріютилъ бѣжавшихъ изъ Россіи Ряполовскихъ, Басенка и Князя Оболенскаго, давши имъ городъ Брянскъ, здѣсь они условились низвергнуть Шемяку съ Московскаго престола и возвести опять Василія Темнаго, однако неуспѣли. Когда же въ 1447 г. Темный усилился Тверскими дружинами и приступилъ къ Угличу, чтобъ взять его, здѣсь *Василій Ярославовичъ присоединилъ свои Литовскія дружины и помогъ ему взять Угличъ, почему сей городъ, по изгнаніи Шемяки, и былъ отданъ Василію Ярославовичу, какъ наслѣдіе послѣ знаменитаго дѣда Владиміра Андреевича.* Въ томъ же году Василій Ярославовичъ былъ посредникомъ и примирителемъ между Шемякою, Можайскимъ и Великимъ Княземъ. Шемяка дѣйствительно примирился, но дорого ему стоила мировая, онъ уступилъ *Великому Князю по*

договору Угличъ, Звънигородъ, Ржевъ и Вятку; и потому съ 1447 года можно уже считать Василія Ярославовича законнымъ Княземъ Углича; хотя Углическій Князь Шемяка, притѣсненный послѣ договора Василіемъ Темнымъ, имѣлъ притязаніе на Угличское Княжество, но потерявши столько Княжествъ своихъ вдругъ, онъ уже неимѣлъ тѣхъ средствъ въ изгнаніи, чтобы возвратить ихъ опять. Угличская лѣтопись называетъ Василія Ярославовича самымъ благодѣтельнымъ Княземъ для Углича, онъ былъ добръ, набоженъ кроткій, миролюбивый, незлобивый, не мстительный, хотя много терпѣлъ гоненія отъ Василія Темнаго, и сидѣлъ въ тюрьмѣ подобно Шемякѣ. Сдѣлавшись обладателемъ Углича, какъ законнымъ наслѣдіемъ послѣ знаменитаго своего дѣда и дяди, онъ успокоилъ на нѣкоторое время Угличъ, устроилъ въ немъ всѣ части управленія, былъ правосуденъ, милостивъ и съ отеческою заботливостію занялся благосостояніемъ своихъ подданныхъ, и потому Угличане чувствовали благодѣтельнаго Князя и мирное его княженіе, особенно вспоминая бурные перевороты Шемякина княженія. Василій Ярославовичъ въ 1446 г. уступилъ свой Боровскій удѣлъ Великому Князю, который съ тѣхъ поръ былъ навсегда присое-

диненъ къ Московскому Княжеству. Къ несчастію, Угличъ недолго благословлялъ свою судьбу подъ кроткимъ правленіемъ сего Князя. Вотъ что говоритъ Карамзинъ объ участи сего несчастнаго Князя: „властолюбіе Василія Темнаго болѣе и болѣе возрастало и постепенно заглушало въ немъ святѣйшія нравственныя чувства: вѣроятно ли? чтобъ Василій Ярославовичъ, вѣрный слуга Темному, сверженному съ престола, измѣнилъ бы ему въ счастіи, когда сей Государь уже не имѣлъ совмѣстниковъ и властвовалъ въ мирномъ величіи! Василій Ярославовичъ, не будучи честолюбивъ, довольствовался уже только наслѣдственнымъ своимъ удѣломъ и частію Московскихъ доходовъ; ибо въ томъ же году охотно уступилъ Темному *дѣдовскія свои области: Угличъ, Городецъ, Козельскъ, Алексинъ*; взявъ за то Бѣжецкъ и Звѣнигородъ, и новыми грамотами обязался признавать сыновей Темнаго наслѣдниками Великокняжескаго престола. Вѣроятнѣе же всего, что Василій Темный, желая сдѣлаться единовластнымъ *искалъ предлога, снять съ себя личину благодарности тягостной для малодушныхъ, и потому Великій Князь безъ всякихъ околичностей взялъ шурина своего Василія Ярославовича подъ стражу и заточилъ*

его въ Угличскую темницу." Угличане оцѣпенели отъ удивленія, видя добрѣйшаго и кротчайшаго изъ Князей, въ оковахъ вѣдомаго въ темницу. Удѣлъ сего мнимаго преступника былъ объявленъ Великокняжескимъ достояніемъ, а сынъ Ярослава ушелъ съ мачихою въ Литву вмѣстѣ съ другимъ изгнанникомъ Іоанномъ Андреевичемъ Можайскимъ. Тамъ они поклялись другъ другу вырвать несчастнаго страдальца Василія Ярославовича изъ тюрьмы и возвратить родныя области, отчизну и дѣдину, отнятыя у нихъ Великимъ Княземъ, такъ безчеловѣчно: въ случаѣ неудачи, покрайней мѣрѣ, утѣшать другъ друга въ изгнаніи и умереть друзьями. Послѣднее только сбылось, общее не счастіе ихъ сдружило на чужбинѣ и преждѣвременно повергло ихъ во гробъ. Въ то же время въ Россіи и въ самомъ Угличѣ, вѣрные друзья Василія Ярославовича Бояре, дѣти боярскіе и всѣ любившіе добраго и невиннаго страдальца условились и поклялись единодушно ворваться въ Угличъ и въ темницу и избавить несчастнаго страдальца отъ убійственныхъ оковъ, и бѣжать съ нимъ за границу. „Они, говоритъ Карамзинъ, исполнили долгъ усерднаго служенія своему властителю, несправедливо угнѣтенному; но Великій Князь

свѣдалъ ихъ намѣреніе и жестоко казнилъ вѣрныхъ слугъ несчастнаго Князя. Онъ велѣлъ нѣкоторымъ отсѣчь руки и головы, другимъ отрѣзали носы, иныхъ бить кнутомъ; несчастные погибли за несчастнаго безъ стыда, съ чистою совѣстію. Народъ жалѣлъ объ нихъ, какъ объ мученикахъ умершихъ за доброе дѣло." Все сказанное здѣсь Карамзинымъ, оправдываетъ, какъ сихъ Князей, потомковъ славнаго Владиміра Андреевича, также и Шемяку; ибо отношенія Темнаго къ Шемякѣ были вообще ближе и важнѣе, чемъ къ Василію Ярославовичу, по родству, по дружбѣ, по силѣ, по уму и по самымъ тогдашнимъ обстоятельствамъ, окружавшимъ Шемяку. И потому если Темный такъ жестоко поступилъ съ вѣрнымъ своимъ слугою Василіемъ Ярославовичемъ, и естьли онъ такъ безчеловѣчно казнилъ, хотѣвшихъ освободить его, то естественно можно заключить, какъ онъ злобствовалъ противъ Шемяки.

Какое странное время въ Россійской Исторіи въ нравственномъ отношеніи. Татары тиранствовали надъ Россіею, но вѣры и нравственности не коснулись; а Россійскіе Князья попирали клятву, истребляли родныхъ - близкихъ своему сердцу, вымышляли пытки и казни невѣдо-

мыя и самимъ Татарамъ, и губили Святое нравственное чувство. Князья и Бояре коварствовали, подданные цѣпенѣли отъ ужаса, и безъ цѣли повиновались тому, кто былъ сильнѣе и могъ причинить имъ больше вреда, за святые чувства любви, чести и вѣрности къ законному Князю, ихъ безчеловѣчно казнили, какъ ужаснѣйшихъ злодѣевъ. Угличъ видѣлъ въ крѣпости своей трехъ знаменитѣйшихъ Князей того времени: Темнаго и своихъ Шемяку и Василія Ярославовича; а всего жальчѣе, что если все это дѣлалъ Василій Темный для благодѣтельнаго единодержавія, то достигши своей цѣли, отнявши всѣ удѣльныя Княжества съ такимъ безчеловѣчнымъ тиранствомъ, за чемъ онъ самъ опять раздѣлилъ Россію между своими сыновьями, неужели ужасныхъ опытовъ междоусобія ему недостаточно было?

Девятнадцатый Угличскій Князь Андрей Василіевичъ Большой съ 1461 года.

Смерть грѣшниковъ люта, и потому научимся изъ Исторіи умирать!

Василій Темный, не достигши старости, ужасно похудѣлъ отъ своего мнительнаго характера

и отъ страшнаго червя, убитой совѣсти. Однако онъ не хотѣлъ понять причину своей болѣзни, и назвавши болѣзнь свою *сухоткою*, сталъ прижигать трутомъ все свое тѣло. (Обыкновенное лѣкарство невеждъ тогдашняго времени). Темный изъязвилъ этимъ адскимъ огнемъ все свое тѣло; тогда ко внутренней болѣзни присовокупилъ нестерпимую наружную, тѣло предалось гнилости: сердечныя и тѣлесныя неизлѣчимыя раны, возвѣстили ему неминуемую смерть; онъ хотѣлъ умереть монахомъ, но ему отсовѣтовали, и это утѣшительное, по тогдашнему обыкновенію, средство угодить Богу, значитъ, тогда и самые вѣнценосцы не постигали высочайшаго и священнѣйшаго на землѣ своего назначенія: быть благодѣтелями милліонамъ своихъ подданныхъ, значитъ Темный не надѣялся предстать Царю Царей и привести свой народъ, и сказать: *Се Азъ и людіе мои!* Повторяю: *Научимся изъ Исторіи умирать!* Василій Темный, видя неминучій свой конецъ, велѣлъ писать духовное завѣщаніе. Онъ раздробилъ опять свое соединенное Государство и скопленныя сокровища между своими пятью сыновьями. Московскій Великокняжескій престолъ отдалъ старшему сыну Іоанну, *Андрею Василіевичу Большому, рожденному*

въ Угличѣ, отданъ былъ Угличъ, Бѣжецкъ и Звенигородъ съ волостями, то есть Темный разрушилъ въ одинъ часъ все то, что воздвигалъ цѣлую свою жизнь. Жаль невинной крови! Князь Андрей Василіевичъ еще при жизни отца своего управлялъ уже Угличскимъ Княжествомъ; во первыхъ потому, что Угличъ еще при рожденіи его, въ семъ городѣ, былъ уже завѣщанъ въ удѣлъ; во вторыхъ потому, что Василій Ярославовичъ, не желая ссориться съ Великимъ Княземъ, принужденъ былъ уступить ему свою дѣдину и попавши послѣ того въ Угличскую тюрьму, долженъ былъ имѣть по себѣ такого Намѣстника, каковъ Андрей Василіевичъ, то есть, *который бы могъ ручаться отцу своему за спокойствіе Княжества и за сбереженіе заключеннаго въ тюрьмѣ Князя.* Андрей Василіевичъ, живя въ Угличѣ, управлялъ своимъ Княжествомъ мирно, благоразумно и человѣколюбиво, потому, что онъ, во всемъ повиновался отцу своему, и вносилъ своевременно дань положенную на Угличъ. Угличская лѣтопись говоритъ объ этомъ Князѣ съ великою похвалою, прославляетъ добрую его душу, сострадательное сердце и христіанскія его добродѣтели. Надобно вообще замѣтить, что Угличское Княжество подъ правленіемъ сего

Князя процвѣтало и благоденствовало, особенно первые 10-ть лѣтъ его княженія, и если Андрей Василіевичъ выводилъ иногда Угличскія дружины на поле битвы, то они уже сражались за славу и честь цѣлой Россіи противъ иноплеменныхъ враговъ ея; а не проливали безполезно братнюю кровь, какъ прежде въ междоусобныхъ и губительныхъ битвахъ. Съ 1461 года управлялъ Россіею мудрый и Великій Іоаннъ III Василіевичъ. Онъ прославилъ и возвеличилъ Россію многими мудрыми постановленіями и славными воинскими подвигами, онъ, обуздывая наглость внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ Россіи, долженъ былъ вести безпрестанныя и трудныя войны; а Угличскій Князь, какъ одинъ изъ сильнѣйшихъ удѣльныхъ Князей и благоразумнѣйшій изъ братьевъ его, долженъ былъ участвовать всегда, вездѣ и во всѣхъ великихъ дѣлахъ Іоанна Василіевича III-го.

Въ 1469 году Іоаннъ Василіевичъ собралъ подъ Великокняжеское знамя всѣхъ Князей, Бояръ, Воеводъ и Намѣстниковъ, съ ихъ дружинами, раздѣлилъ огромное свое воинство на двѣ части, съ одною частію самъ пошелъ подъ Казань, а другая часть Русскихъ дружинъ: Дмитровцы, Можайцы, Угличане, Ростовцы, Яро-

славцы, Костромичи съ воинскими снарядами и съѣстными запасами, сѣли на суда и отправились Волгою въ Нижній-Новгородъ на сборное мѣсто всѣмъ войскамъ, отсюда пошли подъ Казань и привели ее въ ужасъ. Братья Великаго Князя: Юрій и Углицкій Князь Андрей Васильевичь со всѣми служившими Князьями, быстро двинулись къ Казани, дружно ударили на Татаръ, жестоко разбили ихъ и принудили заключить миръ, *на всей волѣ Князя Московскаго.* По сему миру Князья возвратили изъ плѣну сотни Россіянъ, захваченныхъ Казанцами въ теченіи сорока лѣтъ. Въ 1472 году *Угличское Княжество увеличилось* присоединеніемъ къ нему прежней области *его Романова;* а Великій Князь присоединилъ къ Москвѣ три области умершаго своего брата Юрія, отъ чего и произошла ссора между братьями Великаго Князя. Въ семъ году Угличскій Князь съ дружинами Угличанъ и Великокняжескимъ войскомъ ходилъ противъ Ахмата Ординскаго Хана, онъ много способствовалъ Іоанну избавить Россію отъ опустошительнаго Татарскаго набѣга. Во время сего предпослѣдняго страшнаго нашествія Татаръ на Россію, Великокняжеское семейство укрывалось въ Ростовѣ, а не въ Угличѣ, потому, что тамъ

жила мать Іоанна III-го, ублажая Святыхъ угодниковъ Ростовскихъ. Въ 1471 году, когда Іоаннъ велъ сильную борьбу съ Великимъ Новгородомъ, Угличскій Князь Андрей Василіевичъ командовалъ правымъ крыломъ огромной Іоанновой рати, онъ 4-го Декабря съ двумя воеводами: Тверскимъ и Василіемъ Образцомъ приступилъ къ стѣнамъ Новгорода и занялъ всѣ монастыри и предмѣстія, стѣснилъ городъ, и до того устрашилъ Новгородцевъ, что они сколько ни употребляли всѣ свои усилія, какъ ни хитрили, но принуждены были уступить силѣ и покориться Іоанну.

Между тѣмъ Москва усиливалась и богатѣла, удѣльные Князья занимались на свободѣ устройствомъ частныхъ своихъ Княжествъ, Андрей Василіевичъ, успокоенный недавно заключеннымъ съ Великимъ Княземъ новымъ договоромъ, мирно княжилъ въ Угличѣ, какъ однажды ему сказали его приближенные Бояре, что Великій Князь хочетъ его взять подъ стражу. Андрей Василіевичъ изумился, хотѣлъ оставить Угличъ и бѣжать въ Литву для спасенія себя, молодой своей Княгини и дѣтей. Когда прошло первое впечатлѣніе испуга, онъ подумалъ хладнокровно; и не чувствуя за собою ни какой вины,

поѣхалъ самъ въ Москву, что бы лично узнать отъ Іоанна причину такой наглости. Іоаннъ поклялся, что онъ и не думалъ ни когда объ этомъ: оказалось, что придворный Іоанна Татищевъ сказалъ это шутя. Іоаннъ велѣлъ отрѣзать Татищеву языкъ, чтобъ не возмущалъ мира братьевъ и спокойствія Россіи, ходатайство Митрополита спасло его отъ этой казни, но за то его высѣкли на площади кнутомъ. Послѣ этаго происшествія прошло въ миролюбивыхъ отношеніяхъ еще около 5-ти лѣтъ, братья часто видѣлись и дружно жили. Но въ 1491 году, 19 Сентября Угличскій Князь Андрей Василіевичъ пріѣхавъ въ Москву, цѣлый вечеръ провелъ у Великаго Князя, они сладостно бесѣдовали между собою, дружески шутили въ веселомъ расположеніи духа, короткое братское обращеніе казалось теснѣе ихъ связывало, ни одна черная мысль не помрачала ихъ родственной бѣседы, они довольно уже поздно простились совершенными друзьями. На другой день 20 Сентября, Великій Князь Іоаннъ послалъ *дворецкаго Князя Петра Шестунова* звать Угличскаго Князя къ себѣ обѣдать. Андрей Василіевичъ явился во дворецъ, братья встрѣтились по братски, бѣседовали по прежнему дру-

жески, Іоаннъ вышелъ въ пріемную залу къ Боярамъ Андрея и ласково пригласилъ ихъ въ столовую гридницу для веселаго угощенія, но тамъ ожидала ихъ скрытая стража, которой велѣно было заключить всѣхъ Андреевыхъ Угличскихъ Бояръ въ оковы и бросить въ тюрьму. Въ то же время Князь Семенъ Ряполовскій со многими вельможами явился, чтобы схватить Андрея Василіевича, руки и твердость духа измѣнили ему, наконецъ едва въ силахъ былъ сказать дрожащимъ голосомъ: *»Государь Князь Андрей Василіевичъ, пойманъ ты еси Богомъ да Государемъ Великимъ Княземъ Іоанномъ Василіевичемъ всея Руси братомъ твоимъ старѣйшимъ.»*

Андрей Василіевичъ всталъ съ своего мѣста и съ твердостію отвѣчалъ: *»Воленъ Богъ да Государь мой братъ? А Всевышній разсудитъ насъ съ тѣмъ, что безвинно лишаюсь свободы.»* И такимъ образомъ Угличскаго Князя, вмѣсто царскаго обѣда, вывели изъ царскаго дворца на казенный дворъ, оковали цѣпями и бросили въ тюрьму. Къ темницѣ приставили сильную и знаменитую стражу, состоящую изъ Бояръ и дѣтей Боярскихъ. Чтобы оправдать предъ современниками свой поступокъ, Іоаннъ объявилъ, что *Андрей Василіевичъ измѣнникъ, ибо не по-*

сылалъ Угличскаго войска своего противъ Сейдъ Ахмута.

Легко себѣ можете представить, что чувствовала Угличская Княгиня Елена Романовна, когда вѣсть, о заключеніи Угличскаго Князя въ темницу дошла до Углича Нѣжная, молодая супруга, мать четырехъ дѣтей вдругъ неожиданно, незнаемо дѣлается вдовою и дѣти живаго отца сиротѣютъ, Княжескій престолъ у нихъ отнимаютъ, подданымъ даже жалѣть не позволено, и наконецъ изъ Княжескихъ палатъ низводятъ ихъ безжалостно въ темницу. Вотъ, что въ 333 прим. тома 17 Исторіи Карамзина на стр. 409 сказано: »Андрей Василіевичъ пришедъ въ западную горницу, Великій Князь посидѣвъ съ нимъ, вышедъ отъ него въ повалушу и сидѣвъ въ западни до вечерни и послалъ па Угличье поле Князя Василія, да брата его Князя Ивана Маньиду, да Князя Петра Ушатаго и дѣтей Боярскихъ до 500, и велѣлъ поймати и дѣтей Андрея, и приведя сторожовъ къ присягѣ и вдати имъ въ руки.» Это безчеловѣчное приказаніе было въ точности исполнено, сыновья несчастнаго Андрея Угличскаго Иванъ и Димитрій были вырваны изъ объятій нѣжной матери и заключены въ Вологодскомъ Прилуц-

комъ монастырѣ на вѣчное заточеніе, они томились 32 ужасныхъ года (*) отъ нѣжной юности и до глубокой старости. Въ несчастіи холодная старость и благодѣтельная смерть всегда скорѣе поспѣшаютъ на помощь страждущему. Они умерли, изнывая въ темницѣ, какъ цвѣточки, пересаженные на не свойственную имъ землю. Дочь Андрея Василіевича такъ же была несчастная, хотя ее и пощадили отъ убійственной темницы, она была послѣ за мужемъ за Бояриномъ Кубенскимъ, но она имѣла несчастіе видѣть, подобно своей матери своего сына Ивана Кубенскаго, заключеннаго въ туже самую Переславскую темницу, гдѣ скончался несчастный ея отецъ Угличскій Князь Андрей Василіевичъ.

Угличскій Князь Андрей Василіевичъ заточенный роднымъ братомъ въ Переславль-Залѣскую темницу, умеръ чрезъ два года послѣ заключенія, въ 1493 году 7-го Октября, а погребенъ въ Москвѣ въ Архангельскомъ Соборѣ. И возможно ли было долго переносить вдругъ столько лишеній и поруганія отъ роднаго брата? Великій Князь Іоаннъ самъ ужаснулся своего

(*) Іоаннъ Андреевичъ, а Димитрій Андреевичъ 49 лѣтъ.

поступка, когда услышалъ о смерти брата, онъ позвалъ скорѣе во дворецъ Митрополита и Епископовъ, плакалъ горько и каялся искренно предъ ними, что былъ причиною преждевременной смерти своего брата. Святители успокоили его совѣсть своими совѣтами и наставленіями. Однакожъ онъ не освободилъ дѣтей покойника изъ темницы. Почти тогда же и такимъ же образомъ скончался неизмѣнный другъ и братъ его Борисъ Василіевичъ, раздѣлявшій съ нимъ всѣ бѣдствія, притѣсненія и неоднократное изгнаніе. Княжества ихъ отняты и присоединены опять къ Москвѣ. Василій Темный былъ причиною всѣхъ этихъ бѣдствій, постигшихъ сыновей его; за чемъ бы ему было раздѣлять Россію, когда онъ собралъ во едино всѣ Княжества.

Андрей Василіевичъ, родившійся въ Угличѣ, по случаю заключенія Василія Темнаго и Великой Княгини, дѣлившей его заключеніе, слѣдовательно онъ родился въ тюрьмѣ Угличской, по крайней мѣрѣ въ заточеніи, хотя бы и во дворцѣ, онъ княжилъ въ Угличѣ 30 лѣтъ, и умеръ также въ тюрьмѣ Переславля-Залѣскаго. Съ 1470 года онъ былъ женатъ на дочери Князя Мезецкаго Еленѣ Романовнѣ, имѣлъ че-

тверыхъ дѣтей, два сына, умершіе въ темницѣ и двѣ дочери, которыя, лишась родителей воспитывались у дѣдушки Князя Мезецкаго. Несчастная мать, пораженная вдругъ столькими несчастіями, не пережила ихъ, и скончалась 2-го Апрѣля 1492-го года.

Въ тридцати-лѣтнее княженіе Андрея Василіевича въ Угличѣ многое перемѣнилось въ Россіи подъ мощною рукою Іоанна III. Татары изчезли въ междоусобныхъ битвахъ; всѣ сокровища вывозимые прежде изъ Россіи въ Орду остались въ Москвѣ, и подвинули дѣятельность торговли и промышленности и приманили въ Россію художниковъ изъ Италіи, которые научили Россіянъ строить каменныя зданія, лить колокола и пушки и многому другому. (*) Всѣ происшествія, потрясавшія, или благодѣтельствовавшія Россіи отражались и на Угличѣ, и имѣли сильное вліяніе на судьбу его въ отношеніи нравственномъ и физическомъ. Всѣ многочисленныя войны, веденныя Іоанномъ III, прославляли

(*) Россія начала было учиться художествамъ еще со временъ Владиміра Святаго; но дикость Татаръ остановила успѣхи наукъ и художествъ.

Россію, уничтожали враговъ ея независимости, обогащали Москву, но истощали Угличъ, ибо Угличане изъ первыхъ и необходимо должны были сражаться подъ хоругвію Великаго Князя, предводимые своимъ храбрымъ Княземъ Андреемъ Васильевичемъ. Политика Іоанна того требовала, чтобы удѣльные Князья всегда были на виду, и чтобы не дать имъ въ тишинѣ усилиться, и чрезъ то имѣть соперниковъ своей неограниченной власти надъ удѣльными Князьями. И потому Угличское Княжество, какъ одно изъ сильнѣйшихъ въ это время, должно было вездѣ и всегда участвовать въ замыслахъ Іоанна и помогать ему въ достиженіи его цѣли, хотя эти его замыслы, часто не соотвѣтствовали собственной пользѣ Углича. (*)

Такъ *ужасный* 1491-й *годъ* былъ ознаменованъ еще ужаснѣйшимъ бѣдствіемъ для несчастныхъ Угличанъ. За два мѣсяца до заточенія Угличскаго Князя Андрея въ тюрьму, *въ Іюнѣ мѣсяцѣ произошелъ гибельный пожаръ въ Угличѣ.* По выраженію лѣтописей (въ прим. Кар. VI т. стр. 448) »23 Мая сгорѣлъ весь Вла-

(*) Разумѣется въ прямомъ тогдашнемъ положеніи.

димірь, 22 церкви и мощи Князя Александра Невскаго. *Того же лѣта Іюня сгорѣлъ градъ Угличъ весь, дворовъ больше пяти сотъ, а церквей 15.»* Жаль, что Исторія умалчиваетъ о причинѣ пожара и подробностяхъ этого ужаснѣйшаго изъ бѣдствій; но это легко можно себѣ вообразить, представляя 500 домовъ горящими вдругъ; бушующій вѣтеръ, всепожирающее пламя, суматоху, крикъ и отчаяніе тысячъ Угличанъ, это просто былъ адъ кромѣшный.

Этотъ несчастный случай, покрайней мѣрѣ, подалъ поводъ лѣтописцу записать число сгорѣвшихъ домовъ; а намъ далъ средство, хоть приблизительно знать объ обширности и многолюдствѣ Углича за три съ половиною вѣка назадъ. Конечно не можетъ быть, чтобы весь Угличъ сгорѣлъ и не осталось въ немъ уцѣлевшихъ хотя десятка домовъ, однако выраженіе *весь градъ Угличъ сгорѣлъ*, доказываетъ, что не много домовъ спаслося отъ бурнаго пламени. И ежели положить круглымъ числомъ на каждый изъ 500 домовъ, человѣкъ по 7-ми жителей, то народонаселеніе Углича при Князѣ Андреѣ Василіевичѣ будетъ 3,500 человѣкъ; если предположить, что не сгорѣвшихъ домовъ осталось 100, или даже 200. (Впрочемъ тогда бы лѣтописецъ

сказалъ, болѣе половины, или почти весь, а онъ опредѣлительно говоритъ: весь). Слѣдовательно народонаселеніе Углича ни какъ не превышало 5,500 человѣкъ. Каково несчастное положеніе Угличанъ? Въ Іюнѣ мѣсяцѣ весь городъ сгорѣлъ, раззоренные, убитые, несчастные жители не успѣли опомниться, какъ въ Сентябрѣ Великій Кн. Московскій взялъ ихъ благодѣтельнаго Князя подъ стражу и сослалъ въ тюрьму въ заточеніе. Эта вѣсть ужаснула Угличанъ, да и кого бы не ужаснула? Братъ заточилъ безвинно роднаго брата, и родныхъ младенчествующихъ племянниковъ! Угличъ въ одно время сгорѣлъ и осиротѣлъ безъ любимаго своего Князя. Богъ, не оставляющій никогда человѣка въ несчастіи, послалъ Угличанамъ утѣшеніе. Въ княженіе Андрея Васильевича въ Угличѣ, Богъ благословилъ сей городъ нетлѣнными мощами Святаго Князя Романа; многія чудеса и исцѣленія прославили сего Святаго, однако совершенное открытіе мощей Кн. Романа совершилось уже при Царѣ Өеодорѣ Іоанновичѣ. Еще въ княженіе Андрея Васильевича, Угличъ, украшался жизнію и добродѣтелями двухъ Угличскихъ Святителей Паисія и Кассіана.

Двадцатый Угличскій Князь Димитрій Іоанновичъ съ 1493 года сынъ Іоанна III.

По заточеніи Угличскаго Князя Андрея Василіевича, Великій Князь Іоаннъ III прислалъ въ Угличъ своего Намѣстника, Московскихъ Бояръ, чиновниковъ и дѣтей боярскихъ, всѣхъ, болѣе 500 человѣкъ, чтобы захвативши Угличское Княжество, надежнѣе удержать въ полной своей власти. Между тѣмъ, прежняго Угличскаго Намѣстника и Бояръ ласково перезвалъ на службу въ Москву и другіе собственные города. Столь внезапный переворотъ и благоразумныя мѣры рѣшили участь Углича, онъ долженъ былъ покориться неизбѣжной своей судьбѣ, ибо самостоятельность Москвы того требовала. Сынъ Іоанна III-го Димитрій былъ еще молодъ, и потому не могъ быть Намѣстникомъ Углича при жизни отца, какъ это обыкновенно бываетъ съ новопріобрѣтенными Княжествами. Московскій Намѣстникъ, управляя Угличемъ 12 лѣтъ, отдавалъ отчетъ въ управленіи одному только Великому Князю.

Впрочемъ, этого недовольно было для спокойствія и счастія Угличанъ, корыстолюбивые Московскіе временные управители притѣсняли и

угнетали Угличанъ, и потому, по словамъ Угличской лѣтописи, Угличане не любили Московскихъ притѣснителей; но ропотъ былъ заглушенъ властію Москвы и Татарскимъ нашествіемъ; а послѣ опять возникъ, и до того, что добрые граждане, сострадая бѣднымъ сиротамъ Андрея Василіевича, заключеннымъ въ тюрьмѣ, составили заговоръ, сыскали участниковъ въ Боярахъ и дѣтяхъ боярскихъ, сыскали союзниковъ въ другихъ притѣсненныхъ отъ Москвы Князьяхъ, и хотѣли было вырвать несчастныхъ сыновей *своего несчастнаго Князя Андрея*, и возвратить страдальцамъ отцовское достояніе— Угличъ. Іоаннъ предупредилъ и разрушилъ заговоръ, *разселивъ по другимъ городамъ многихъ Угличскихъ гражданъ*, и тѣмъ положилъ конецъ заговору и самому намѣренію: къ счастію усердныхъ Угличанъ, что тѣмъ и кончилось. Они, пылая къ законнымъ своимъ Князьямъ Іоанну и Димитрію, не думали о единодержавіи Москвы, не видѣли цѣли къ чему стремилась власть Іоанна, они только жалѣли несчастныхъ, заточенныхъ сиротъ своего Князя. и въ добродушномъ усердіи погибли бы подъ пятою всесильной тогда Москвы.

По завѣщанію отца своего, Димитрій Іоан-

новичъ получилъ себѣ въ удѣлъ *Угличъ, Хлепель, Рогачевъ, Зубцовъ, Опоки, Мещовскъ, Мологу съ волостями и селами.* Изъ вещей, Димитрій получилъ золотой крестъ, и ларецъ за отцовскою печатью. Должно думать съ деньгами и драгоцѣнными камнями. Угличскій Князь Димитрій Іоанновичъ былъ храбрѣйшій и благоразумнѣйшій изъ Князей, былъ всегда любимъ и уважаемъ Московскимъ Княземъ и другими своими братьями; онъ во всѣхъ битвахъ, того времени предводительствовалъ войскомъ всей Россіи. Такъ Димитрій Іоанновичъ въ 1502 году водилъ огромную рать подъ Смоленскъ, здѣсь долго и жестоко гремѣла битва; однако Смоленскъ остался въ рукахъ Литовцевъ. Въ 1506 году Димитрій Іоанновичъ Угличскій предводительствовалъ всею конною и судовою силами противъ Казани, подъ командою его были Князья и Воеводы: Бѣльскій, Шеинъ, Князь Ржевскій Александръ, Полоцкій, Курбскій и многіе другіе. Димитрій Іоанновичъ ударилъ такъ дружно и нечаянно на ярмарку подъ стѣнами Казани, что въ четверть часа разбилъ Татаръ, вогналъ ихъ въ крѣпость и завладѣлъ ярмаркою и всѣми ея сокровищами. Онъ остался ночевать въ богатыхъ шатрахъ Татарскихъ. Послѣ легкой побѣды, вой-

ско Димитрія пировало до глубокой ночи; за полночь, когда всѣ спали, Махметъ Аминь съ 50,000 Татаръ ударилъ на сонную рать Димитрія, разбилъ ее и остатки прогналъ къ судамъ, стоявшимъ на Волгѣ. Здѣсь История обвиняетъ Димитрія Іоанновича, что онъ не дождался пѣхотныхъ полковъ, что разбивши Татаръ, не взялъ города, и что позволилъ своему войску грабить и пировать среди обширной ярмарки въ виду опасности. Впрочемъ Великій Князь не взыскивалъ за все это, или потому, что любилъ своего храбраго брата, а можетъ быть, и обстоятельства извиняютъ его.

Въ 1513 году 14 Іюня Димитрій Іоанновичъ Угличскій стоялъ съ войскомъ около Боровска, потомъ пошелъ къ Каширѣ, чтобы удобнѣе подстерегать непріятеля. Въ 1514 году при взятіи Смоленска Великій Князь Василій Іоанновичъ самъ командовалъ главною арміею, а брату своему Угличскому Князю велѣлъ быть въ Серпуховѣ съ запаснымъ войскомъ.

Димитрій Іоанновичъ Угличскій умеръ въ Угличѣ въ 1521 г. 14 Февраля, и по завѣщанію его, другъ его Даніилъ, Князья и Бояре, перевезли тѣло Угличскаго Князя въ Москву, и похоронили близъ родителя въ Архангельскомъ соборѣ

по правую руку у дверей, гдѣ и нынѣ гробъ и образъ его, написанный на стѣнѣ, видны. Димитрій Іоанновичъ имѣлъ отъ роду 44 года и княжилъ въ Угличѣ 18 лѣтъ. По словамъ Карамзина, братья Великаго Князя Семіонъ и Димитрій Угличскій, умерли бездѣтны и безбрачны. »Василій кажется не позволялъ имъ жениться, пока не имѣлъ собственныхъ дѣтей, чтобы отнять у братьевъ и самую мысль о наслѣдованіи Московскаго престола, и чтобы по смерти ихъ, удѣлы ихъ опять достались Великому Князю Московскому.»

Двадцать первый Угличскій Князь Ѳома Калычевъ съ 1521 года.

По смерти Угличскаго Князя Димитрія Іоанновича, Великій Князь Василій Іоанновичъ посылалъ въ Угличъ одного изъ довѣренныхъ вельможъ управлять Угличемъ въ родѣ Намѣстника, я говорю Намѣстника потому, что Ѳома Калычевъ не былъ сыномъ Великаго Князя, какъ бывшіе Угличскіе Князья, и потому еще, что уже и природные, наслѣдственные Князья въ удѣлахъ тогда значили менѣе самыхъ Намѣст-

ников. Впрочемъ Угличская лѣтопись называетъ: *нѣкто отъ Вельможныхъ Бояръ, Княжаго рода,* и потому признаетъ его совершеннымъ Княземъ Угличскимъ. При томъ же, такъ какъ Угличскій Князь Димитрій Іоанновичъ не оставилъ по себѣ наслѣдниковъ Угличу, то Князь Ѳома по довѣренности Великаго Князя и взошелъ на Угличскій престолъ, какъ дѣйствительный наслѣдственный Князь. Обстоятельства того времени поясняютъ намъ, нѣсколько силу Намѣстниковъ и власть наслѣдственныхъ Князей. Первые были вовсе неопасны Великому Князю, потому, что онъ имѣлъ право перемѣнять Намѣстниковъ, когда хотѣлъ, а удѣльныхъ наслѣдственныхъ Князей ограничивалъ потому, что они осмѣливались иногда противиться ему. При Іоаннѣ III-мъ, а особенно при сынѣ его Василіѣ удѣлы совсѣмъ прекратились, и ежели эти Князья еще давали сыновьямъ своимъ удѣлы, то потому, что они не могли еще узаконить новый порядокъ наслѣдованія единодержавнаго престола, имъ казалось страннымъ ввести такую новость и отвергнуть освященные вѣками обычаи старины. Великій Князь, умирая, раздѣлялъ собранную имъ воедино Россію, заклиналъ дѣтей своихъ жить въ мирѣ и согласіи, слѣдовательно,

они изъ собственнаго опыта уже предвидѣли необходимо долженствующія произойти ссоры между ними, а между тѣмъ давали сыновьямъ удѣлы, и можетъ быть, долго бы еще Россія подобнымъ образомъ раздѣлялась, если бы самое время и обстоятельства не разрушили этой гибельной системы.

Полевой прекрасно доказалъ въ Исторіи Русскаго народа, что премудрый промыслъ правитъ судьбами царствъ и народовъ, и что Россія должна была путемъ золъ и испытаній достигать своей силы и славы. И дѣйствительно характеръ Русскаго народа, окрѣпъ и закалился въ тяжкихъ бѣдствіяхъ, въ періодахъ Монгольскомъ и самозванцевъ. И Россія давно уже стоитъ на развалинахъ прежнихъ своихъ грабителей, является первою въ свѣтѣ державою во всѣхъ отношеніяхъ.

Кто же былъ Угличскій Князь, или Намѣстникъ? Ѳома Калычевъ! Ни родъ, ни происхожденіе его достовѣрно неизвѣстны! Если бы онъ былъ изъ Русскихъ Князей, или знаменитыхъ Бояръ, то въ родословныхъ книгахъ можно было бы отыскать его происхожденіе. Такъ какъ въ то время много переходило Татарскихъ вельможъ изъ гибнущей Орды въ Россію, то

можно полагать, что и Θома Калычевъ былъ изъ числа крестившихся Татарскихъ вельможъ, Крымскихъ, или Казанскихъ, или Савойскихъ. Ихъ тогда особенно Великіе Князья ласкали, и совершая благодѣтельное дѣло, многихъ, по собственному ихъ желанію, крестили; а когда новокрещенные поступали къ Великому Князю на службу и оправдали свое назначеніе, то имъ обыкновенно, особенно подъ старость, давались мѣста Намѣстниковъ въ упраздненныхъ Княжествахъ. (*) Потому-то у насъ въ Россіи множество и до сихъ поръ знаменитыхъ фамилій Татарскаго происхожденія.

Θома Калычевъ прибылъ въ Угличъ въ 1522 году, и желая оправдать довѣренность Великаго Князя, какъ своего благодѣтеля, управлялъ Угличемъ кротко, благоразумно и правосудно, былъ добръ, потому, что самъ вкусилъ плоды добра, былъ уменъ, потому, что былъ опытенъ, былъ милостивъ, потому, что самъ былъ облагодѣтельствованъ, былъ набоженъ, потому, что Святый Митрополитъ Алексѣй, будучи Калычеву другомъ, глубоко привилъ къ душѣ его сладостный корень вѣры и добродѣте-

(*) Для прокормленія ихъ.

ли, и потому плоды ученія Святаго цѣлую жизнь украшали Ѳому Калычева.

По смерти Василія Іоанновича, Князь Ѳома управлялъ Угличскою областію почти независимо, отъ юнаго наслѣдника Василіева, и подобно бывшимъ Угличскимъ Князьямъ, вносилъ въ Великокняжескую казну извѣстную часть Угличскихъ доходовъ и посылалъ свои дружины подъ Великокняжескія знамена, въ случаѣ войны, именовался Угличскимъ Княземъ, какъ Угличская рукопись и хроника Алексѣевскаго монастыря его называютъ.

Угличане немного отдохнули отъ изнурительныхъ войнъ Іоанна III-го и почувствовали свои силы подъ мирнымъ и благодѣтельнымъ правленіемъ Князя Ѳомы. Но между тѣмъ престарѣлый Угличскій Князь самъ понесъ величайшую потерю, какъ только можно чувствовать въ одиночествѣ и на чужбинѣ. Св. Митрополитъ Алексѣй скончался. Онъ въ теченіи своей жизни, кромѣ того, что былъ другомъ, утѣшителемъ Угличскому Князю, но былъ вмѣстѣ заступникомъ и покровителемъ ему у Московскаго Князя и его двора. Ѳома искренно оплакалъ своего друга, благодѣтеля и просвѣтителя. Когда же, по истеченіи времени, Богъ въ чуде-

сахъ прославилъ своего прославителя Митрополита Алексѣя, тогда Угличскій Князь Ѳома, истинный почитатель Митрополита Алексѣя воздвигнулъ въ честь Ангела своего благодѣтеля *дивную каменную тросверхную церковь и въ ней престолъ Успенія Пресвятыя Богородицы.* Сія дивная церковь въ Алексѣевскомъ Угличскомъ монастырѣ по справедливости должна была удивлять нашихъ предковъ своею красотою, она устояла противъ разрушительныхъ пожаровъ и злобы Поляковъ, разрушившихъ всѣ другія церкви и монастыри въ Угличѣ, она и донынѣ украшаетъ благоговѣющій Угличъ своею древностію и красотою. По словамъ Угличской лѣтописи, Князь Ѳома построилъ въ Угличѣ и многія другія церкви, которыя стояли до Польскаго раззоренія Углича.

Угличскій Князь Ѳома княжилъ въ Угличѣ 28 лѣтъ, отъ роду имѣлъ болѣе 80 лѣтъ, а скончался въ 1550 году и погребенъ въ любимомъ мѣстѣ своего богомолья въ Алексѣевскомъ монастырѣ, въ церкви Іоанна Предтечи.

Двадцать второй Угличскій Князь Георгій Василіевичъ съ 1533 года.

Великій Князь Василій Іоанновичъ, чувствуя приближеніе смерти, завѣщалъ старшему своему сыну трехъ-лѣтнему младенцу Великокняжескій престолъ. Потомъ велѣлъ супругѣ своей Еленѣ принести къ себѣ меньшаго своего сына Георгія, и благословивъ однолѣтняго младенца крестомъ Св. Паисія, примолвилъ, утѣшая плачущую супругу, что и Георгій не забытъ также въ духовномъ завѣщаніи. Но Еленѣ нельзя было не плакать, она потеряла супруга, который оставилъ ей двухъ малолѣтныхъ дѣтей, ибо наслѣдникъ престола былъ еще только по третьему году. Іоаннъ Василіевичъ IV-й, трехъ лѣтъ, младенецъ подъ опекою матери и Боярской Думы, остался строителемъ судьбы Русскаго народа. О! сколько зла испытала Россія и самъ Іоаннъ, приготовленнаго раннею кончиною Василія.

Такъ какъ завѣщаніе Василія не велѣно было открывать прежде изтеченія нѣсколькихъ недѣль по смерти Василія, то, уже по утоленіи скорьби рыдающей Елены, узнали что *Георгію Василіевичу данъ по завѣщанію Угличъ, Калуга*

и часть Москвы съ дворцами и доходами. Георгій, или по тогдашнему Юрій Василіевичъ, родился въ 1532 году 30 Октября, крещенъ въ три недѣли по рожденіи Игуменомъ Іоасафомъ и Даніиломъ Переславскимъ. Василій радовался и шумно пировалъ умноженію своего семейства. Умилительно читать въ лѣтописяхъ, какъ любилъ и заботился Великій Князь Василій о своемъ семействѣ. Онъ, будучи въ отсутствіи, писалъ къ Великой Княгинѣ въ Москву пять писемъ, они писаны уже въ послѣдніе годы его жизни и содержатъ въ себѣ заботливость примѣрнаго отца и супруга. Они послужатъ памятникомъ удивительной простоты тогдашняго разговорнаго языка. »Женѣ моей Оленѣ. Что меня не держишъ безъ вѣсти о своемъ здоровьѣ, ино то дѣлаешъ гораздо; тыбъ и впередъ не держала меня безъ вѣсти, какъ тебя Богъ милуетъ. А язъ здѣси милостію Божіею и родительскою молитвою далъ Богъ живъ до Божіей воли и поздорову есть ми со всѣмъ. Да писала есы ко мнѣ, у сына у Ивана явилось на шеѣ подъ затылкомъ мѣсто высоко, да крѣпко, а нынѣ пишешъ, что утромъ въ недѣлю на первомъ часу то мѣсто стало у него на шеѣ повыше, да и червленѣе, и гною нѣтъ, и то мѣсто у него побо-

ляетъ. И тыбъ нынѣ отписала, какъ Ивана сына Богъ милуетъ, и что у него таково на шеѣ явилось, и которымъ обычаемъ, и сколь давно, и каково нынѣ. А со Княгинями бы еси и съ Боярынями поговорила: Живетъ ли таково у дѣтей у малыхъ? и будетъ живетъ, ино съ чего, съ роду ли, или съ иного чего? объ семъ бы еси поговорила, да и мнѣ отписала, чтобъ и я вѣдалъ!» Въ другомъ письмѣ: »Да поболяетъ у тебя полголовы да ухо и сторона, и тыбъ ко мнѣ о томъ отписала, какъ тебя Богъ помиловалъ.» Въ третьемъ письмѣ. »Да писала еси ко мнѣ что Юрій сынъ . . . а въ тѣ поры его въ корытѣ парили проскурникомъ, а спускъ былъ крѣпокъ и черенъ. Да Бога ради не кручинься, о всемъ клади упованье на Бога.» Въ четвертомъ и пятомъ письмѣ то же, по родительски печется, кто изъ сыновей его, что кушалъ и прочее.

Вотъ, какъ за 300 лѣтъ изъяснялись наши Государи. Патріархальная простота и вмѣстѣ по учительныя для отцовъ заботливость. Да продлитъ Богъ дни мудраго Государя просвѣтителя нашего! Теперь сладостно Русскому сердцу сравнить прошедшее съ настоящимъ и чувствовать свое преимущество предъ ними. Сладостно человѣку образованному жить на свѣтѣ, онъ про-

ницаетъ духомъ мудрости все окружающее и чувствуетъ въ немъ присутствіе Бога Творца вселенныя, и благоговѣя предъ Нимъ, сугубо чувствуетъ свое счастіе. Постараемся же и дѣтямъ нашимъ доставить сіе не отъемлемое счастіе, состоящее въ просвѣщеніи.

Георгій Василіевичъ съ 1533 года именовался уже Княземъ Угличскимъ, но этотъ Князь былъ еще въ колыбели, а Угличемъ управлялъ еще около 17-ти лѣтъ Ѳома Калычевъ. Угличанамъ пріятно было видѣть себя подъ управленіемъ кроткаго и мудраго старца и подъ особеннымъ покровительствомъ Великой Княгини Елены, которая берегла Угличъ, какъ завѣтную собственность юнаго ея сына Георгія. И потому Угличъ пользовался нѣкоторыми исключительными правами противъ другихъ Княжествъ; ибо при Василіѣ Іоанновичѣ они потеряли совершенно и навсегда свою самобытность, будучи присоединены всѣ къ Москвѣ; между тѣмъ какъ Угличъ съизнова сдѣлался удѣломъ и до самой роковой смерти Царевича Димитрія Св., то есть: до 1591 года, ибо не только Василій, но и сынъ его Іоаннъ Грозный, умирая, отдалъ его въ удѣлъ Димитрію сыну своему. По смерти умнаго Ѳомы Калычева Георгію Угличскому Князю было около

17-ти лѣтъ, слѣдовательно, самъ онъ еще по молодости лѣтъ не въ силахъ былъ управлять своимъ Княжествомъ, и потому въ Угличъ посланъ былъ Намѣстникъ, извѣстный своею опытностію, усердіемъ и добродушіемъ; онъ въ Москвѣ еще обратилъ на себя вниманіе братьевъ-Государей, и послѣ того и въ Угличѣ оправдалъ довѣренность ихъ своею дѣятельностію и благоразуміемъ.

При томъ же и самъ юный Угличскій Князь часто пріѣзжалъ въ Угличъ и часто въ немъ жилъ, какъ въ своей отчинѣ. Угличская лѣтопись имепуетъ его ангеломъ кротости и доброты. Впрочемъ, такъ какъ Георгій Васильевичъ владѣлъ частію Москвы и Калугою, то ему невозможно было жить постоянно въ Угличѣ, тѣмъ болѣе, что мать и братъ его Іоаннъ IV любили его чрезвычайно; а по смерти матери, братъ его Іоаннъ, не смотря на разность характеровъ, очень любилъ кроткаго и добраго Юрія. Они жили въ одномъ дворцѣ, имѣли одну прислугу и лишившись нѣжной матери въ столь нѣжныхъ лѣтахъ, они имѣли своихъ Наставниковъ, или по тогдашнему Пѣстуновъ, данныхъ каждому еще заботливымъ отцомъ Въ двухъ юныхъ братьяхъ образовалось чудное различіе характеровъ: Іоаннъ

былъ характера живаго, рѣзвый, чувствительный, или лучше сказать, раздражительный, вспыльчивый, нетерпѣливый; напротивъ, братъ его Георгій былъ нрава тихаго, скромный, нѣжный, добрый, терпѣливый, и не смотря на такую противоположность, они мирно жили въ одномъ дворцѣ до самой смерти супруги Іоанна Грознаго—добродѣтельной Анастасіи.

Въ 1547 году Георгій Васиіевичъ сопровождалъ Іоанна въ церковь въ церемоніальномъ шествіи, присутствовалъ при Коронаціи и на обратномъ пути изъ Собора, ссыпалъ своего Коронованнаго брата деньгами. Въ 1549 году Угличскій Князь Георгій Васиіевичъ женился, свадьба была во дворцѣ, гдѣ онъ остался жить съ своею молодою супругою. Іоаннъ искренно любилъ своего добраго брата Юрія за его кротость, потому и жилъ съ нимъ и путешествовалъ вездѣ почти неразлучно, ласкалъ также и двоюроднаго своего брата Владиміра Андреевича, присоединялъ имена въ своихъ указахъ и государственныхъ дѣлахъ: *мы уложили съ братьями и боярами.* Въ 1550 году во время похода на Казань Юрій Васиіевичъ Угличскій, не захотѣлъ остаться правителемъ Россіи, и потому оставили въ Москвѣ двоюроднаго брата

Владиміра Андреевича, а сами юные Князья отправились съ огромнымъ войскомъ подъ Казань, но первые опыты юныхъ героевъ были не удачны. Не благопріятная погода помѣшала имъ взять враждебную Казань, но за то они лично осмотрѣли ея мѣстоположеніе, узнали средства, какъ лучше можно бы распорядиться въ слѣдующемъ походѣ, и наконецъ положили твердое намѣреніе достигнуть своей цѣли. Для сего они положили построить на устьѣ Свіяги городъ, изъ котораго можнобъ было наблюдать за всѣми движеніями Казанцовъ. Эта мысль была самая блестящая, но какъ ее выполнить въ виду самыхъ враговъ? Придумали отвратить и это неудобство. Въ 1551 году Князья поручили постройку крѣпости Ивану Григорьевичу Выродкову, а чтобы скорѣе и надежнѣе это выполнить, приказали ему идти съ лучшими мастерами, плотниками и дѣтьми Боярскими въ Юріево Угличское Княжество, и надъ самою *Волгою въ отчинѣ Гг. Ушатыхъ въ Угличскихъ лѣсахъ построить городъ.* (*) Здѣсь нѣсколько сотъ работниковъ и помогающихъ имъ стрѣльцовъ, воздвигли крѣпкія и высокія стѣны города,

---

(*) Возлѣ Углича были лѣса дремучіе въ полномъ смыслѣ.

казармы для гарнизона, запасные магазины для хлѣба и военныхъ снарядовъ, и вообще необходимыя общественныя и частныя зданія. Всѣ эти зданія разобравъ, сплотили и сплавили Волгою къ устью Свіяги. Въ нѣсколько дней на возвышенномъ мѣстѣ явился городъ Свіяжскъ, онъ своимъ внезапнымъ появленіемъ изумилъ и поразилъ Казанцовъ. Комендантомъ крѣпости пожалованъ Григорій Адашевъ, съ 5000 козаковъ, которые сторожили съ тѣхъ поръ малѣйшее движеніе Казанцовъ и могущихъ приходить къ нимъ на помощь Татаръ.

Но пріятнѣе всего читать въ Никоновской лѣтописи подтвержденіе народнаго Угличскаго преданія, освободясь отъ тяжкой болѣзни, Іоаннъ путешествовалъ въ 1553 году съ братомъ своимъ Юріемъ Угличскимъ по монастырямъ и былъ въ Угличѣ. По данному обѣту еще въ болѣзни, они отправились поклониться Св. Русскимъ заступникамъ и ходатаямъ о грѣхахъ нашихъ. Во первыхъ къ Пѣснонскому Николаю Чудотворцу, здѣсь сѣли они на суда со всѣмъ своимъ великолѣпнымъ дворомъ и по Яхромѣ рѣкѣ отправились въ Дубну, а Дубною въ Волгу. Молодые Князья молились въ Калязинѣ Макарію Чудотворцу, а потомъ приплыли въ

Угличъ, здѣсь они молились въ Покровскомъ монастырѣ у гроба Св. Паисія, Угличскій Намѣстникъ встрѣтилъ высокихъ своихъ посѣтителей на границѣ своихъ владѣній и вмѣстѣ съ Настоятелемъ Покровскаго монастыря, угощали братьевъ-Князей Московскаго и Угличскаго. У здѣшнихъ купцовъ Зиминыхъ былъ въ рукахъ не большой лоскутъ бумаги, вѣроятно вырванный листокъ изъ монастырской записной книги, въ этомъ листкѣ было записано, что Царь Іоаннъ съ братомъ своимъ Юріемъ обѣдали въ Покровскомъ монастырѣ, оба Князья сидѣли на возвышенномъ мѣстѣ за Княжескимъ столомъ, потомъ исчисляются вельможи, сидѣвшіе за прямымъ столомъ, а другіе, сидѣвшіе за кривымъ столомъ, всѣ они сидѣли лицемъ къ Князьямъ. Потомъ записаны расходы, употребленные на угощеніе высокихъ гостей. Записанные здѣсь расходы удивляютъ нынѣшнихъ гражданъ Углича своею малостію, ибо угощеніе Князей и многочисленной его свиты, стало монастырю не болѣе, какъ, что стоитъ нынѣ простому гражданину семейный его обѣдъ человѣкъ на десять. Эта дешевизна отъ двухъ причинъ зависитъ: 1-ая, что тогдашній рубль имѣлъ въ себѣ пять нынѣшнихъ серебряныхъ рублей, а 2-ая, что мона-

стырь имѣлъ почти все собственное для угощенія Князей, имѣя до 3000 душъ крестьянъ. Князья помолившись въ Покровскомъ монастырѣ, поклонясь Угличской Святынѣ, осматривали Юріеву резиденцію Угличъ; не возможно, чтобъ Іоаннъ не обратилъ особеннаго вниманія на укрѣпленія Углича и другія достопримѣчательности его. Вѣроятно, что Юрій Василіевичъ, какъ хозяинъ въ Угличѣ, принималъ и угощалъ брата своего и его дворъ въ своемъ Угличскомъ дворцѣ, какъ и въ монастырѣ. Это естествено потому, что Угличъ Юріево Княжество, собственность завѣщанная отцемъ, и что Іоаннъ и его дворъ любили до чрезвычайности пиршества и угощенія. При томъ же въ Угличскомъ дворцѣ столько жило Князей, и до того онъ былъ распространенъ пристройками, что невольно привлечетъ къ себѣ вниманіе и самаго не внимательнаго, не только Іоанново. Изъ Углича братья отправились опять Волгою въ Рыбную слободу, потомъ Шекснoю въ Кириловъ монастырѣ, потомъ на возвратномъ пути посѣтили Романовъ, Ярославль, Ростовъ, Переславль и Троицу—Сергія, а въ Іюлѣ возвратились въ Москву, слѣдовательно Князья были въ Угличѣ въ Маѣ мѣсяцѣ.

Въ 1559 году въ Февралѣ родился Угличскому Князю Юрію Василіевичу сынъ Василій, крестили его въ Чудовѣ монастырѣ Митрополитъ Макарій, за крестиннымъ столомъ были: Іоаннъ Василіевичъ, Владиміръ Андреевичъ и множество Князей, Княгинь, Бояръ, Боярынь и весь Іоанновъ дворъ. Въ томъ же году Іоаннъ IV предпринималъ походъ противъ Крымскихъ Татаръ, а Москву оставлялъ подъ управленіемъ брата своего Юрія Василіевича Князя Угличскаго.

Іоаннъ далъ Угличскому Князю любимыхъ его Бояръ и всѣхъ придворныхъ чиновниковъ и сдѣлалъ его дворъ почти также многочисленъ и великолѣпенъ, какъ и свой, денежные и другіе сборы съ Углича и другихъ владѣній Юрія прежде поступали въ общую Великокняжескую казну, потому, что они сами жили съ братомъ нераздѣльно; *а отъ того времени Царь и Великій Князь училъ ему обиходъ его строить, изъ его городовъ и волостей.*

Угличскій Князь Юрій Василіевичъ лишившись братней любви и роднаго привѣта, не долго жилъ отдѣльно, онъ скончался въ 1563 году, на 31 году.

Супруга Юрія Василіевича, бѣдная вдова, оплакавъ своего мужа, оставила блестящій свой

дворъ и Княжескія почести, отказалась отъ свѣта и заключила себя въ Новодѣвичій монастырь, постриглась въ инокини подъ именемъ Александры. Іуліана, дочь Князя Палецкаго, и потомъ Углическая Княгиня была при дворѣ Іоанна второю Анастасіею, по выраженію Карамзина. Она славилась своимъ необыкновеннымъ умомъ, прелестями красоты и добродѣтели. Царь Іоаннъ, Царица Марія, Князь Владиміръ Андреевичъ, Бояре, весь дворъ и народъ въ глубокомъ молчаніи, съ печалію въ душѣ провожали Княгиню Іуліану отъ Кремлевскихъ палатъ до самой кельи Новодѣвичьяго монастыря. Іоаннъ, исполненый къ ней братской любви и попеченія, хотѣлъ, чтобы невѣстка и въ монашествѣ имѣла Царскія почести, и потому устроилъ ей въ кельяхъ пышный дворъ: далъ ей знаменитыхъ сановниковъ въ услугу, и богатыя помѣстья своего брата далъ ей на содержаніе. Но чрезъ нѣсколько лѣтъ, послѣ ужасной смерти Владиміра Андреевича и несчастнаго его семейства, Іоаннъ велѣлъ утопить въ Шекснѣ мать Владиміра и другую инокиню добродѣтельную Александру, свою невѣстку, которая удалилась туда изъ Москвы отъ ужаснаго своего деверя, и была виновна тѣмъ, что проливала слезы о близкихъ

своихъ родныхъ, принесенныхъ въ жертву ужасному гнѣву Грознаго. Угличскій Князь Юрій Василіевичъ украшалъ Угличское Княжество своимъ высокимъ именемъ, и благодѣтельствовалъ ему своимъ непосредственнымъ покровительствомъ, могъ выпрашивать у Іоанна Грознаго многоразличныя льготы своему Княжеству, но не управлялъ Угличемъ, лично.

Намѣстникъ Углича былъ истиннымъ и всегдашнимъ правителемъ оцаго, и даже отчетъ объ управленіи своемъ, до самой смерти Анастасіи, поступалъ прямо въ Большой Приказъ, гдѣ опытные Бояре ихъ повѣряли и доводили до свѣдѣнія Угличскому Князю о благосостояніи его отчины и собираемой съ нее казны. Потомъ, когда Князья раздѣлились въ домашнемъ своемъ быту и стали жить порознь, то и доходы съ Юрьевыхъ областей поступали въ собственную его казну; тогда онъ часто сталъ ѣздить въ Угличъ и ближе заниматься дѣлами своего Княжества. По смерти же Угличскаго Князя, наслѣдникъ его сынъ также умеръ, а Княгиню въ инокиняхъ утопили въ Шекснѣ, то Угличское Княжество и всѣ другіе Юріевы области законно поступили старшему брату Великому Князю Іоанну Грозному.

Можно справедливо заключить, что Угличъ въ правленіе Князя Ѳомы Калычева и слѣдующаго по немъ Намѣстника, процвѣталъ, усиливался, обстроивался, разширялся, богатѣлъ и вообще благоденствовалъ, будучи покровительствуемъ собственными своими Князьями, живущими при лицѣ В. Князя. Угличское Княжество не было отягощаемо въ сіе время ни какими особенными налогами, но было у Великаго Князя на особенномъ щету, какъ и его Князь родный сынъ, или братъ его; оно пользовалось особенными удѣльными правами до самой смерти Димитрія Царевича и до раззоренія его Годуновымъ.

Надобно еще упомянуть, что Угличскій Князь, Угличское войско и даже Угличскій лѣсъ способствовали много Іоанну при взятіи Казани, и вообще во всѣхъ войнахъ ведомыхъ Іоанномъ Грознымъ. Угличскія дружины всегда участвовали на равнѣ съ В. Княжескими.

Въ собраніи древнихъ актовъ есть грамота Іоанна IV, данная въ 1582 году Октября 19-го Кириллову монастырю, о разрѣшеніи крестьянамъ сего монастыря, живущимъ въ Угличскомъ Княжествѣ, варить селитру по количеству пашен-

ныхъ сохъ и о доставленіи ея въ Москву въ Пушечный Приказъ.

Двадцать третій Угличскій Князь Димитрій Іоанновичъ Святый съ 1584 года.

Въ 1580 году Іоаннъ Грозный праздновалъ двѣ свадьбы вдругъ, эти обѣ свадьбы достопримѣчательны во многихъ отношеніяхъ и особенно по ихъ слѣдствіямъ. Іоаннъ женилъ втораго своего сына Өеодора на сестрѣ знаменитаго Бориса Годунова Иринѣ Өеодоровнѣ, а самъ женился на дѣвицѣ Маріи Өеодоровнѣ, дочери знаменитаго своего Сановника Өеодора Өеодоровича Нагаго. Въ 1583 году Октября 19-го Царица Марія Өеодоровна родила сына Уара (*) Димитрія, по выраженію Карамзина, столь несчастнаго для себя, для Углича и всей Россіи, невиннаго виновника долговременныхъ злодѣйствъ и бѣдствій. Одинъ только годъ Царевичъ Димитрій наслаждался ласками отца и матери.

(*) Прямое имя ему Уаръ, т. е. имя Святаго, коего память празднуется въ 19 день Октября. Тогда не перемѣняли именъ, но прибавляли только любимое.

Іоаннъ Грозный, слабѣя въ своемъ здоровьѣ, какъ будто усталъ душою и тѣломъ отъ изнурительныхъ страстей, онъ жилъ съ сего времени тише въ кругу семейства и двора; онъ надѣялся еще долго жить; но какое здоровье устоитъ противу столь бурныхъ страстей? Онъ боялся смерти, какъ и всѣ нечистые совѣстію; однажды увидѣлъ съ краснаго крыльца Комету, онъ поблѣднелъ и сказалъ окружающимъ его: »вотъ вѣстница моей смерти«! Астрологи предсказали ему, по его желанію, послѣдній его день 18-го Марта. Іоаннъ собралъ Духовенство и Бояръ и велѣлъ писать духовное завѣщаніе, распорядившись же всѣми дѣлами и даже подробностями, онъ хотѣлъ повѣсить всѣхъ Астрологовъ, предсказавшихъ ему смерть, велѣлъ имъ между тѣмъ сказать, что *уже 18-й день Марта насталъ, а мнѣ сдѣлалось легче.*" Астрологи отвѣчали: ,,*конечно насталъ, но еще не прошелъ.*" Окончивши свои распоряженія, Іоаннъ разставилъ шашки, чтобы играть съ Княземъ Бѣльскимъ . . . вдругъ упалъ и закрылъ глаза свои навѣки. Это случилось 18-го Марта 1584 года. Дума, составленная Іоанномъ Грознымъ изъ знаменитѣйшихъ Бояръ, по смерти его, приняла въ свои руки всю Верховную власть въ Государствѣ, и въ

первую ночь, послѣ погребенія Іоанна, 28 Марта, выслала изъ Столицы многихъ извѣстныхъ услужниковъ Іоанновой лютости, другихъ заключила въ темницы, и ко всей фамиліи Нагихъ, родственниковъ Царицы приставила стражу, обвиняя ихъ въ какихъ то злыхъ умыслахъ. Впрочемъ слѣдствіемъ этаго было то, что ихъ стѣснили, и вскорѣ *вдовствующую Царицу, съ ея малолѣтнымъ сыномъ, съ ея отцомъ и братьями и всѣми родственниками послали въ городъ Угличъ.* Однако Великая Земская Дума, чувствуя уваженіе къ Царицѣ, къ ея добродѣтелямъ и постигшему ее несчастію, отдала ей всю Царскую услугу, какъ то: Бояръ, Стольниковъ, Стряпчихъ, жильцовъ, дѣтей Боярскихъ и стрѣльцовъ, для охраненія юнаго Царевича. Карамзинъ говоритъ: добрый Өеодоръ нѣжно прощаясь съ младенцемъ Димитріемъ, обливаясь горькими слезами, какъбы невольно исполнялъ долгъ, болѣзненный для своего сердца. А въ Морозовской лѣтописи сказано: »И лобыза Царевича Өеодоръ, и Вельможи прослезися, и посла его на Угличъ, и посла съ нимъ 200 человѣкъ жильцовъ, для бережения и ради Царскія чести, четыре приказа Стрѣльцовъ: приказъ Московскихъ, да приказъ конныхъ, да два приказа пѣшихъ.« Сіе удаленіе Царевича,

единственнаго наслѣдника Державы послѣ слабаго и бездѣтнаго Өеодора, могло казаться блестящею ссылкою. Хотя Іоаннъ въ духовномъ завѣщаніи отдалъ Угличъ со всею его областію въ вѣчное наслѣдіе? а любимцу своему Богдану Бѣльскому завѣщалъ его воспитаніе, какъ второму отцу; но бывшій другъ Царя, Пѣстунъ Царевича-Бѣльскій не поѣхалъ съ Царицею въ Угличъ, надѣясь законодательствовать въ Думѣ; но онъ ошибся: онъ не зналъ еще скромнаго при Іоаннѣ Годунова, и погибъ въ заточеніи. Царица Марія Өеодоровна и всѣ родственники ея, съ прискорбіемъ оставили дворъ Өеодора; они были лишены занимаемыхъ ими при Дворѣ мѣстъ, выгнаны изъ службы; ихъ считали лишними уже при новомъ Правительствѣ и новомъ порядкѣ вещей; ихъ удалили изъ Москвы, и какъ будто въ утѣшеніе составили имъ новый дворъ при Царевичѣ, образовали для младшаго сына Іоаннова почти отдѣльное Угличское Княжество, гдѣ они могли первенствовать при лицѣ Царицы и юнаго наслѣдника Россійскаго престола. Такъ Царица и ея огромный дворъ отправились въ Угличъ; на пути она молилась у гроба Св. Сергія, наконецъ въ сотняхъ повозокъ всѣ они прибыли въ Угличъ; и ежели Царицу и ея родныхъ съ удо-

вольствіемъ отправили изъ Царскаго Ѳеодорова дворца, то за то, съ какою радостію и сердечнымъ умиленіемъ встрѣтили и приняли ихъ радушные Угличане! Какъ было пріятно Царицѣ видѣть тысячи лицъ, сіяющихъ искреннею радостію и любовію къ новой своей владычицѣ, кроткой и добродѣтельной! сколько восклицаній, привѣтствій и поздравленій излетѣло невольно изъ глубины сердца добрыхъ Угличанъ! Царица прибывши въ Угличъ, молилась въ соборѣ у гроба Св. Князя Угличскаго Романа, потомъ отправилась во дворецъ, которой былъ тогда обширный; она избрала для себя самыя уединенныя комнаты и возлѣ нихъ спальню для себя и для своего единственнаго сына Царевича Димитрія. И время снисходительное и Поляки истребительные и Угличане благодѣтельные оставили сію спальню для благоговѣйнаго потомства.

Водворившись въ Угличѣ, Царица, потерявшая Царя супруга, Царство, удаленная отъ двора, сосланная почти въ ссылку, предалась единственному въ такихъ случаяхъ утѣшителю милосердому Богу. Въ тишинѣ, въ Угличскомъ дворцѣ, какъ въ монастырѣ, она молилась Всевѣдущему Творцу; ходила ежедневно въ соборъ и здѣсь одному Богу и Пречистой Его Матери

открыла свою душу и изливала свои глубокія чувства. Во глубинѣ своего дворца она утѣшала себя Ангельскимъ взоромъ сына своего младенца; онъ замѣнялъ ей престолъ, Царство, всѣ почести, весь міръ; ибо все счастіе цѣлой ея жизни заключалось въ немъ одномъ. Благодѣтельствовать Угличанамъ была также единственная ея отрада, которая соединяла ее еще съ міромъ. Какъ истинная Христіанка, Марія Ѳеодоровна каждый день раздавала милостыню щедрою рукою, помогала бѣднымъ семействамъ, посѣщала больныхъ, утѣшала несчастныхъ, была матерью осиротѣлымъ; своею ласковостію и внимательностію она обворожила всѣхъ Угличанъ. Угличане благословляли свою судьбу, но, къ несчастію, недолго наслаждались своимъ счастіемъ.

Съ водвореніемъ Царицы въ Угличѣ, водворилось въ немъ и новое управленіе по всѣмъ частямъ онаго самое кроткое и благодѣтельное: ибо войны уже не изнуряли болѣе Угличанъ, какъ это было при Грозномъ; дань была разложена самая умѣренная, необходимая только для содержанія Царицы и ея небольшаго двора; но вскорѣ все это вновь перемѣнилось. Хитрый и осторожный Годуновъ нашелъ причину вмѣшаться въ дѣла Угличскаго Управленія и самой

домашней жизни изгнанной Царицы; онъ именемъ Өеодора, будто заботясь и соболѣзнуя Царицѣ и ея семейству, прислалъ въ Угличъ Царскихъ (то есть собственныхъ своихъ) надсмотрщиковъ, или повѣренныхъ, которые по данному наставленію должны были смотрѣть за всѣмъ управленіемъ, денежными сборами, за всѣми расходами, за дворомъ Царицы, словомъ за всѣмъ, что было въ Угличѣ и его области. Эти довѣренные чиновники стѣснили власть Царицы во всѣхъ отношеніяхъ. Она не могла распоряжаться безъ свѣдѣнія этихъ новыхъ баскаковъ не только доходами своего Княжества, но даже самыми мѣлочами. И Угличское Княжество сначала воображало себя независимымъ отъ Москвы, теперь вдругъ и невидимо и непримѣтно подчинилось Москвѣ въ самыхъ мѣлочныхъ предметахъ. Все это были хитрые происки Годунова, которому необходимо было знать самыя мысли Нагихъ, и который Өеодору представлялъ свои распоряженія въ самыхъ блестящихъ краскахъ заботливости, человѣколюбія и внимательности къ юному брату Өеодора, и своего также родственника по сестрѣ. И какъ не повѣрить добродушному Христіанину Өеодору? Разъ ли Годуновъ, въ глазахъ самаго Өеодора, творилъ дѣла самой высокой

добродѣтели? При томъ же, Борисъ Ѳеодоровичъ былъ родной братъ, доброй, кроткой и прелестнѣйшей изъ женщинъ его супруги Ирины Ѳеодоровны; кажется ся собственная душа ручалась въ добродѣтели Годунова. Съ появленіемъ Царскаго двора въ Угличѣ, явились также особенная дѣятельность, промышленность, торговля и нѣкоторая образованность, перенесенная изъ столицы въ провинцію. Многолюдство увеличилось; множество новыхъ построекъ въ городѣ прибавилось; войско, дворъ а особенно Царскіе чиновники роскошествовали: ибо не было ихъ въ Угличѣ богаче. Царица, предавшись Богу и воспитанію сына, кажется не обращала вниманія, что происходитъ въ прежней ся Столицѣ—въ Москвѣ; за то въ Москвѣ все знали, что дѣлается въ Угличѣ, чего можетъ быть и сама Царица не знала. Любопытно бы знать: когда Царевичъ достигъ возраста способнаго къ ученію, кто былъ наставникомъ Святому? изъ Бояръ ли кто близкихъ къ Царицѣ, или кто изъ Духовныхъ? Тогда дорожили наставникомъ, которой бы могъ хорошо развивать понятія юноши умными разговорами и толкованіемъ Священнаго писанія.

Изъ Четіи-Минеи видно, что *у Царевича*

Димитрія были приставники: Никита Чепчуговъ и Загрязскій. Но что значили эти приставники? Пѣстуны ли это, опредѣляемые древлѣ изъ Вельможъ въ родѣ опекуновъ? Наставники ли это, опредѣленные для наученія Царевича грамотѣ и благонравію? или они были присланы Годуновымъ, какъ и Битяговскій, управлявшій земскими дѣлами и дворомъ Царицы? *Только они не согласились на предложеніе Годунова, чтобы отравить, или извести Царевича, презирая всѣ награды и всѣ угрозы Бориса.*

Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ и значеніе его при дворѣ Царя Ѳеодора.

Борисъ Годуновъ происходитъ отъ Татарскаго выходца въ Россію, крестившагося и поступившаго на службу Великаго Князя, какъ прежде было сказано. Отецъ Бориса Ѳеодоровича служилъ при Грозномъ и отцѣ его Василіѣ Іоанновичѣ; впрочемъ ни одинъ изъ предковъ Бориса не занималъ слишкомъ высокихъ Государственныхъ должностей. Только въ 1580 году Борисъ Ѳеодоровичъ, возведенный на степень Боярства, приблизился къ особѣ Царя Грознаго, и то не по личнымъ своимъ заслугамъ, но

по красотѣ своей сестры, которая въ 1580 году имѣла счастіе выйти за Царевича Ѳеодора Іоанновича за мужъ. Молодой Борисъ Ѳеодоровичъ, красивый, статный собою, былъ дружкою у Маріи Ѳеодоровны Нагой, которую послѣ такъ немилосердо изгналъ изъ Царскаго двора и тѣснилъ послѣ того въ Угличѣ. Главное же, что Борисъ Годуновъ съ сего времени сталъ близокъ Царю по родству, и не смотря на свои молодые еще годы, успѣлъ обратить на себя особенное вниманіе Грознаго, такъ, что при составленіи Великой Земской Думы, Годуновъ былъ помѣщенъ четвертымъ членомъ оной между пятью старыми, заслуженными и опытными мужами. По кончинѣ Грознаго, когда Ѳеодоръ Іоанновичъ принялъ Державу въ слабыя руки, Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ, какъ родной братъ Царицѣ Иринѣ, тѣсно уже сблизился съ своимъ вѣнценосцымъ шуриномъ. Онъ въ короткое время успѣлъ снискать великую любовь, искреннюю дружбу и безпредѣльную довѣренность у добраго христіанина и друга, но слабаго Монарха; тутъ открылось обширное поле дѣятельному уму, хитрой политикѣ и безпредѣльному властолюбію Бориса Годунова. Всѣ лѣтописи согласно хвалятъ великій умъ и тонкую политику Году-

нова; но дѣла его жизни убѣдительнѣе всего удостовѣряютъ насъ, что онъ былъ величайшій политикъ того времени, которому Россія удивлялась и Европа почитала. Дѣйствительно Годуновъ упредилъ вѣкъ свой; тогда не многіе понимали его, за то онъ всѣхъ понималъ. Умный и постоянный въ характерѣ, тонкій и незамѣтно уклончивый, онъ вкрался въ душу Ѳеодора: внушилъ свой образъ мыслей, очаровалъ его своею любезностію, плѣнилъ его своими ясными сужденіями и отчетливымъ взглядомъ на образъ правленія; ласковость и предупредительность были послѣдними изъ его блестящихъ свойствъ. Таковъ онъ былъ и въ отношеніи къ Царской Думѣ; Годуновъ неизмѣнно былъ обязателенъ и незамѣтно достигалъ своей цѣли, такъ, что не смотря на то, что былъ четвертымъ между знаменитыми членами Царской Думы, *всѣ важныя Государственныя дѣла рѣшались его могущественною волею.*

Съ сихъ поръ, Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ такъ близокъ сталъ къ престолу, такъ мощно держалъ въ своихъ рукахъ кормило правленія, такъ привѣтливо былъ ласкаемъ Царемъ, Царедворцами и иностранными Монархами, что ему невольно пришла въ голову самая соблазнитель-

ная для честолюбца мысль—*быть Царемъ Россіи.* Онъ же къ тому имѣлъ всѣ способы, всѣ средства въ своихъ рукахъ, и средства эти были такъ легки въ тогдашнихъ обстоятельствахъ; для этого нужно было только устранить потомковъ Іоанна Грознаго. И многоли было ихъ у Іоанна IV отъ семи его женъ? Одинъ только Царевичъ Димитрій. Седьмый бракъ былъ признанъ Церковію, именно по необходимости наслѣдника слабому Ѳеодору; да Годуновъ и самъ призналъ его, какъ видно изъ слѣдующаго обстоятельства.

Когда Митрополитъ и вообще знатнѣйшее Духовенство, (*) склонившись на убѣжденіе народа, предложили Царю Ѳеодору развестись съ безплодною Ириною, чтобы вступить въ бракъ съ другою и имѣть наслѣдника престолу; тогда Борисъ Годуновъ, разрушая сей заговоръ недовольнаго Духовенства, утвердительно доказалъ предъ всею Царскою думою, что его сестра *Царица Ирина еще такъ молода, цвѣтетъ здоровьемъ, красотою и добродѣтелями, что еще можетъ имѣть дѣтей;* а главнѣе всего, что *Тронъ во всякомъ случаѣ не будетъ безъ наслѣд-*

(*) Это тогда еще, когда Духовенство сердилось на Іоанна за его беззаконные браки.

ника; ибо Царевичъ Димитрій Іоанновичъ живетъ въ Угличѣ и здравствуетъ. Это слова Годунова: но Годуновъ иную участь готовилъ уже Царевичу.

Для чего Царю Ѳеодору и Борису Годунову было удалять изъ Москвы Царицу Марію Ѳеодоровну? Она была такая добрая христіанка, такая скромная Царица и такъ глубоко была поражена горестію по смерти Царя-супруга, что не захотѣла бы, да и не могла мѣшаться въ дѣла придворныя и государственныя? Напротивъ, ей было пріятно жить въ Столицѣ, воспоминать о своемъ счастіи, оплакивать супруга и прилично воспитывать сына. При томъ Царевичъ Димитрій былъ въ такомъ возрастѣ, когда дѣти бываютъ особенно милы и занимательны своимъ дѣтскимъ лепетомъ; онъ былъ цвѣтущаго здоровья, красивъ собою, съ острыми способностями, а Царь Ѳеодоръ былъ бездѣтенъ, велъ уединенную, семейную жизнь, былъ добръ душею, сострадателенъ сердцемъ: почему же онъ не оставилъ при себѣ малолѣтнаго роднаго, осиротѣвшаго и единственнаго своего брата? *Ему бы такъ естественно заступить брату мѣсто отца, воспитывать его по Царски, и утѣшаться имъ, какъ сыномъ и единственнымъ наслѣдникомъ,*

котораго онъ могъ даровать послѣ себя унывающей Россіи? Все это такъ и должнобъ быть, еслибъ Өеодоръ болѣе распоряжался своею властію; но извѣстно, что Годуновъ управлялъ Государствомъ и всѣми даже поступками Царя Шурина своего. А Борисъ, нося глубоко въ душѣ свой замыслъ, *не могъ равнодушно видѣть наслѣдника Өеодору при дворѣ его;* не хотѣлъ раздѣлять Царскую любовь и приверженность съ кѣмъ бы то ни было. По этому изгнали Царевича и всѣхъ Нагихъ отъ лица Өеодора и заточили ихъ въ Угличъ подъ благовидною причиною удѣла, завѣщаннаго Грознымъ, а въ самомъ дѣлѣ вмѣсто ссылки. Удаленіе малолѣтняго Царевича и бѣдной вдовствующей Царицы матери его, доказываетъ уже обдуманные замыслы Годунова, вліяніе его на душу Өеодора, силу и могущество его при дворѣ и наконецъ слабость Царя. Удаливши Царевича и всю фамилію Нагихъ и многихъ также знаменитыхъ Вельможъ изъ Столицы, Годуновъ тѣмъ ближе сталъ у престола, тѣмъ самовластнѣе господствовалъ надъ Россіею; онъ сталъ между Царемъ и народомъ, и какъ колосъ заслонилъ собою слабаго Монарха.

Годуновъ, имѣя въ своихъ рукахъ всю

Ѳеодорову власть, всю государственную казну, да и собственные его доходы были столь безмѣрно велики, что ему легко было сдѣлать по своему желанію все, что ему на мысль могло придти: однихъ онъ плѣнялъ своею ласковостію, другихъ ослѣплялъ золотомъ, третьихъ славою и почестями, четвертыхъ оковывалъ ужасомъ оковъ и темницъ; и потому, стоя на первой ступени Трона, онъ казался кумиромъ, предъ которымъ все благоговѣло, преклонялось и трепетало. Годуновъ уже мысленно касался короны Мономаха и только Царевичъ Димитрій, казалось грозилъ ему издали: *дерзновенный не тронь не даннаго тебѣ Богомъ!*

Дальновидный Годуновъ началъ издалека и непримѣтно для современниковъ. Во первыхъ, онъ отнялъ у малолѣтнаго Царевича охранителя и защитника, завѣщаннаго Грознымъ, Князя Богдана Яковлевича Бѣльскаго. Можно думать, что Бѣльскій, видя угнѣтеніе и униженіе отъ временщика Царевичу и Царицѣ и всѣмъ Нагимъ, вѣроятно вымолвилъ истину, и его потребовали на судъ. Здѣсь обвинили его въ смерти Грознаго, и что онъ замышляетъ и Ѳеодору тоже. Клевета очернила невиннаго Бѣльскаго; его осудили и сослали въ Нижній Новгородъ.

Во вторыхъ Годуновъ пригласилъ въ Москву племянницу Грознаго Герцогиню Курляндскую, бѣдную вдову Магнуса Марію Владиміровну; сначала Годуновъ обласкалъ ее предъ всѣми, какъ нельзя больше, а потомъ заточилъ ее съ дочерью Евдокіею въ монастырь. Бѣдная Герцогиня Монахиня по неволѣ не пережила своего заточенія и смерти милой дочери. Она умерла, какъ нѣкоторыя лѣтописи говорятъ, не естественною смертію.

Убіеніе Димитрія Царевича.

Между тѣмъ, какъ Годуновъ прокладывалъ себѣ тайный путь къ престолу, возвышался до недоступной степени, возвышалъ своихъ приверженцевъ и удалялъ противниковъ, Царевичъ Димитрій возрасталъ и укрѣплялся въ силахъ тѣлесныхъ и душевныхъ. Царевичъ Димитрій жилъ въ Угличѣ уже около 7-ми лѣтъ, учился читать, писать, по словамъ лѣтописей, также Реторикѣ и Богословіи (*) съ такимъ успѣхомъ, что удивлялъ своихъ Наставниковъ. Царевичъ

(*) То есть: началамъ Русскаго языка и Катихизису.

былъ характера живаго, рѣзваго, дарованія имѣлъ отъ природы отличныя, остроуміе, въ его лѣта, необыкновенное, и вообще способности самыя блестящія; за то былъ ненаглядымъ утѣшеніемъ для матери и всѣхъ Нагихъ: онъ былъ для нихъ блестящею звѣздою на далекомъ горизонтѣ, которая взойдетъ нѣкогда надъ ними благотворнымъ солнцемъ и согрѣетъ ихъ изгнаніе. Царевичу было уже 8-мь лѣтъ, когда Годуновъ чрезъ своего повѣреннаго Андрея Клешнина, нашелъ *Михайла Битяговскаго*, и послалъ его въ Угличъ управлять земскими дѣлами *и смотрѣть за хозяйствомъ Царицы*. Битяговскій отправляясь въ Угличъ, взялъ съ собою сына своего Данила и племянника Качалова. Прибывши въ Угличъ, они вскорѣ обнаружили всю свою низость грубою спесью, хвастовствомъ, наглостію и нахальствомъ; они вслухъ говорили, что имъ нѣтъ въ Угличѣ ничего завѣтнаго, и доказывали свои слова наглыми поступками съ Царицею и всѣми ея родственниками. Царица глубоко чувствовала всю тягость такого униженія, ясно видѣла притѣсненія и оскорбленія, но должна была покориться горькой своей судьбѣ. Тѣмъ болѣе усугубила попеченіе о своемъ будущемъ избавителѣ Царевичѣ Димитріѣ.

Легко можете себѣ представить, что терпѣли Нагіе и вообще Угличане отъ подобныхъ извергов? Они понимали силу пославшаго ихъ, неменѣе того понимали и свое ужасное назначеніе. *Имъ тайно поручилъ Годуновъ истребить ненавистнаго ему Царевича*, какъ Бѣда истребилъ нѣкогда Угличскаго Князя Шемяку; они это хорошо понимали, и потому при всей ихъ осторожности они невольно обнаружили себя, такъ, что Угличане давно уже подозрѣвали ихъ въ зломъ умыслѣ, но не предвидѣли всей великости злаго ихъ намѣренія. Посланные Годуновымъ явные повелители Углича и тайные убійцы, съ утра и до ночи были во дворцѣ Царицы, распоряжались ея хозяйствомъ, ея слугами, казалось, заботились объ ея спокойствіи, а между тѣмъ высматривали удобный случай для совершенія злодѣйскаго своего замысла. Битяговскій прежде всего свелъ пріязнь и дружбу съ нянькою Царевича, Бояринею Василисою Волоховою и сыномъ ея Осипомъ Волоховымъ. Онъ подкупилъ эту низкую и гнусную старуху, которая за золото и почести продала злодѣямъ своего питомца, и какъ ближайшая къ Царевичу, помогала убійцамъ совѣтомъ и самымъ дѣломъ. Все было наконецъ готово, назначили ро-

ковой день и часъ (15 Мая.) Это было въ субботу, послѣ обѣдни, когда всѣ изъ дворца разошлись по домамъ обѣдать и отдохнуть послѣ обѣда. Изъ братьевъ и родственниковъ Царицы также никого не было во дворцѣ, немногіе слуги суетились приготовляя обѣдъ Царицѣ, а Царица, возвратившись изъ Церкви, также чѣмъ-то занялась. Въ эту минуту нянька Волохова вызвала Царевича на крыльцо и пошла съ нимъ гулять по двору. Тутъ явился сынъ няньки Осипъ Волоховъ и началъ играть съ Царевичемъ, потомъ, взявшись за ожерелье, висящее у Царевича на шеѣ, спросилъ его: *Это новое ожерелье?* Царевичъ, какъ Исаакъ, протянулъ голову, говоря, *что оно тоже самое, которое онъ и прежде видѣлъ.* При сихъ словахъ *Волоховъ вонзилъ въ горло Царевича скрытый въ рукавѣ ножъ,* и бросился бѣжать, оставя ножъ на мѣстѣ злодѣянія. Царевичъ упалъ, обливаясь кровію. Кормилица Ирина Жданова съ воплемъ бросилась къ Царевичу спасать его, въ тоже мгновеніе явились изъ за угла *Битяговскій и Качаловъ, вырвали Царевича изъ рукъ кормилицы и довершили злодѣяніе: ибо Царевичъ трепеталъ еще какъ голубь,* по словамъ лѣтописи. Отчаянный крикъ кормилицы, какъ громъ

поразилъ бѣдную Царицу. Она выбѣжала на дворъ, и, видя сына плавающаго въ крови, бросилась на трупъ его безъ чувствъ. Въ эту страшную минуту шелъ изъ церкви Соборной пономарь; онъ видѣлъ убійство и бросился къ первому дому, крича: *что вы сидите? У насъ Царевича не стало! Потомъ взбѣжалъ на колокольню, заперъ за собою дверь* (*) и ударилъ въ набатъ. Угличане, пораженные необыкновеннымъ звономъ, въ минуту наполнили собою Царскій дворъ; толпа за толпою быстро приливала. Братья Царицы явились изъ первыхъ. Крикъ, стонъ и вопль наполнили воздухъ. Одни изъ убійцъ въ ужасѣ, въ смятеніи бросились въ разрядную избу и заперлись въ ней. Предводитель же ихъ Битяговскій, не успѣвши удержать пономаря, бросился въ толпу народа, чтобы остановить волненіе. Онъ кричалъ между тѣмъ, что *онъ самъ видѣлъ, какъ Царевичъ въ припадкѣ чернаго недуга, упалъ на ножъ и прокололъ себѣ горло.* Но кормилица и пономарь уже открыли народу звѣрообразнаго убійцу. Народъ

(*) Убійцы замѣтили движеніе пономаря, и отгадывая его намѣреніе, хотѣли было остановить его.

бросился на Битяговскаго и тысячи камней полетѣли на голову злодѣя. Потомъ ожесточенный народъ бросился къ разрядной избѣ, выломалъ дверь и растерзалъ сообщниковъ Битяговскаго. Братья и родственники Царицы между тѣмъ помогали безчувственной своей сестрѣ, поднимали Царевича на воздухъ, закрывали его глубокую рану, пытались вдохнуть ему свою жизнь, плакали, кричали, рвали на себѣ волосы, въ изступленіи били себя въ грудь. Но... все было поздно и напрасно: Царевича нельзя было воскресить. Стонъ и вопль раздавался надъ тѣломъ несчастной жертвы и во всемъ городѣ отъ Царицы и до послѣдняго изъ Угличанъ, отъ одра мертваго во дворцѣ и до послѣдней хижины. Всѣ съ Царицей чувствовали, что съ ангельской душой Царевича отлетѣло все счастіе, всѣ надежды Нагихъ и Угличанъ. Возможно ли описать, или, хотя вообразить состояніе души материнской—Царицы Маріи Ѳеодоровны? Одно только удивительно, какъ она за пять дней не умерла надъ трупомъ Царевича. О! мать! какъ велико твое призваніе въ мірѣ!

Между тѣмъ, прежде всего въ Москву отправили гонца съ извѣстіемъ о страшной кончинѣ наслѣднаго Отрока. Въ этомъ донесеніи

было подробно описано, какъ роковое произшествіе, такъ виновники онаго; но истина не достигла ушей Өеодора; *Годуновъ стерегъ ее паче своего ока* по выраженію лѣтописи. Лазутчики схватили гонца. Доносчикъ не возвращался болѣе въ Угличъ и доносъ не дошелъ къ Царю.

Перехваченный доносъ переписали, истину замѣнила коварная ложь, и Годуновъ предсталъ съ нимъ къ Царю, проливая слезы. Онъ запинаясь, какъ бы не смѣлъ вымолвить страшнаго произшествія, наконецъ доложилъ Өеодору, что *возлюбленный братъ его Царевичъ Димитрій, будучи одержимъ падучею болѣзнію, въ припадкѣ самъ себѣ прокололъ ножемъ горло.* Царь, пораженный страшною вѣстью, не вѣрилъ словамъ Годунова; читалъ доносъ и не хотѣлъ вѣрить собственнымъ своимъ глазамъ; плакалъ въ иступленіи, призывалъ Небо языкомъ отчаянія и хотѣлъ было самъ скорѣе ѣхать въ Угличъ. Тутъ-то Борисъ разсыпался въ краснорѣчіи утѣшительныхъ словъ; онъ плакалъ съ Өеодоромъ и умолялъ его не ѣхать къ закланному брату въ Угличъ. Онъ говоритъ: »*Царь! ты не воскресишь намъ любезнаго твоего брата; а самъ убьешь себя печалью надъ его трупомъ! Береги свое здоровье столь драгоцѣнное для Россіи! Сейчасъ*

пошлю въ Угличъ людей достойныхъ: они подробно узнаютъ все на мѣстѣ и донесутъ тебѣ обо всемъ.»

Ввечеру 19-го Мая прибыли въ Угличъ слѣдователи, посланные Годуновымъ и прошли прямо въ Соборъ, гдѣ лежало тѣло Царевича. Это были Сановники и друзья (*) Годунова: Митрополитъ Крутицкій Гелисій, Князь Василій Ивановичъ Шуйскій, Бояринъ Андрей Клешнинъ, и Дьякъ Вылузгинъ. Они увидѣли окровавленнаго Царевича; увидѣли глубокую его рану, вѣроятно вспомнили и свой послѣдній день, и горько всѣ плакали, не могли вымолвить ни слова. *Перерѣзанное горло Царевича ясно свидѣтельствовало, что не младенческая, но сильная рука убійцы, и съ умысломъ, а не случайно тутъ дѣйствовала.* На другой день, со всѣми Царскими почестями погребли тѣло Царевича въ Угличскомъ Соборѣ Преображенія. Преобра-

---

(*) Извѣстно, что Годуновъ удалилъ всѣхъ своихъ недруговъ отъ двора Ѳеодорова, всѣ же окружавшіе тронъ его и занимавшіе высокія Государственныя должности, были уже новое твореніе власти Годунова и слѣдовательно усердные поклонники его.

зился и Святый Димитрій въ жизнь небесную, чтобы предъ лицемъ Всевѣдущаго Бога указать на своего убійцу и притеснителя своихъ родственниковъ.

Казни, ссылки и награды Годунова.

Сознавая слабое человѣческое естество говоримъ: *Кто Богу не грѣшенъ?* За чемъ же Борисъ Годуновъ обременялъ свою душу такими ужасными и при томъ вольными грѣхами? Ежели онъ не былъ причастенъ убійству Царевича: то какая другая необходимость заставляла его казнить и мучить такъ жестоко, такъ безчеловѣчно родъ Нагихъ и Угличанъ? Неужели изъ жалости къ Царевичу? Царица, мать наслѣдника Россійскаго трона, и всѣ Нагіе и безъ того понесли потерю, стоившую имъ болѣе собственной жизни: они были убиты, уничтожены смертію *своей надежды*—Димитрія, а ихъ казнятъ за недосмотръ Царевича, за жизнь котораго они бы отдали всѣ свои жизни вмѣстѣ. Да! Въ такомъ случаѣ, почему они выслали Царевича изъ Москвы, съ глазъ Ѳеодора? Почему они сами не лелѣяли его въ отцовскомъ дворѣ, въ виду Царя, двора, Москвы и слѣдовательно почти всей

Россіи? О! нѣтъ, не за то. . . . А *Годунову надобно было убить Царевича и уничтожить Нагихъ, чтобъ они не убили послѣ его самаго.* Вотъ причина. Несчастнѣйшая изъ матерей Марія Ѳеодоровна лишилась супруга, Царя, Царства, Царскихъ почестей, заточена въ ссылку, угнетена, оскорблена до униженія, наконецъ лишилась сына, а съ нимъ всего, чѣмъ можно было утѣшать себя въ сей жизни. И можно ли быть несчастнѣе ея? А Годуновъ даже не позволилъ ей проливать слезы надъ гробомъ милаго своего сына, съ которымъ она погребла всѣ свои надежды. За что ее насильно постригли въ Инокини, заключили въ тѣсную келію, и наконецъ заточили въ отдаленную, глухую и бѣдную пустынь Св. Николая, что на Выксѣ въ Бѣлозерской области? Братьевъ Царицы, а особливо Михаила Нагаго, мучили въ пыткахъ, чтобы вымучить сознаніе, что Царевичь самъ закололся. Но еслибъ это была правда, то за чемъ бы Нагимъ и всѣмъ слугамъ Царевича обвинять Битяговскаго и подвергаться мученію пытокъ, стыду и уничиженію? А они всѣ отвѣчали въ пыткѣ: *не мы сгубили Царевича, Годуновъ убилъ его*! . . .

Послѣ страшныхъ мукъ и истязаній, всѣхъ Нагихъ разослали въ разные отдаленные города

и заточили въ мрачныя темницы. За что же Годуновъ такъ безчеловѣчно тиранилъ Нагихъ? Неужели за Битяговскаго?

Угличскихъ гражданъ обвинили въ измѣнѣ Царю, въ сообществѣ съ Нагими и въ убійствѣ Царскихъ чиновниковъ Битяговскаго и прочихъ. Кто же былъ тогда Царь и его подданные? Ежели Годуновъ, то разумѣется Угличане виновны; и бѣдныхъ невинныхъ гражданъ, казнили на мѣстѣ около 200 человѣкъ, за убіеніе убійцъ Царевича, подосланныхъ Годуновымъ. Знатнѣйшимъ изъ гражданъ отрѣзали языки и заточили во глубину темницъ, гдѣ истина должна была погребстись на вѣчно съ ними; большая же часть народонаселенія Углича была исторгнута изъ роднаго города и переселена въ Сибирь на рѣку Пелымъ, гдѣ цѣлый городъ сего имени населился Угличанами. Народное преданіе Пелыма и нѣкоторыя лѣтописи его свидѣтельствуютъ объ истинномъ убійцѣ Царевича и о виновникѣ ихъ переселенія даже до сего времени. Гнѣвъ Годунова на Угличанъ былъ такъ великъ, что обширный Угличъ, вмѣщавшій въ себѣ, по свидѣтельству Угличскихъ лѣтописей до 150-ти церквей и до 30,000 жителей, опустѣлъ съ тѣхъ поръ и потерялъ уже на всегда свою

историческую значительность. Эта ужасная казнь, это страшное мщеніе вопіетъ вѣкамъ грядущимъ, объ истинѣ, которая, чѣмъ грознѣе Годуновъ истреблялъ ее, тѣмъ явственнѣе обнаруживаетъ тайнаго убійцу.

Годуновъ еще яснѣе обвиняетъ себя, осыпая своихъ наушниковъ золотомъ и богатыми дарами: онъ далъ богатыя земли и помѣстья нянькѣ Царевича, Боярынѣ Василисѣ Волоховой; осыпалъ также благодѣяніями семейство Битяговскаго и всѣхъ другихъ участниковъ и прикосновенныхъ къ этому страшному злодѣйству. Ужасная казнь, пытка, темница, заточеніе, ссылки и золото затемнили на нѣкоторое время истину. Но согласноли съ здравымъ разсудкомъ, чтобъ истребляя тысячи Угличскихъ гражданъ и награждая няньку, *которая особенно виновна, что не сберегла своего Царственнаго питомца*, и такъ согласно ли съ разсудкомъ, чтобы Годуновъ не имѣлъ тутъ собственнаго тайнаго умысла? Не ужели благополучіе Государства требовало, чтобы Угличъ былъ истребленъ? Нѣтъ, Исторія не представляетъ такой ужасной необходимости. Неужели тѣнь Битяговскаго была достойна такой ужасной жертвы, какую принесъ Годуновъ, отмщая Угличанамъ за смерть его?

Народная увѣренность и изустное преданіе.

Гласъ народа есть гласъ Божій; покрайней мѣрѣ, въ этомъ случаѣ онъ есть отзывъ истины въ сердцахъ людей. Ужасныя казни Угличанъ приковали на время языки говорившіе объ убійцѣ Царевича явно; за то шопотъ друзей и ближнихъ не умолкалъ ни въ Угличѣ, ни въ Пелымѣ, ни въ самой Москвѣ. Это была гидра, которую Годуновъ не истреблялъ, а напротивъ возраждалъ и увеличивалъ страшными казнями. Убійство совершилось среди дня, среди Царскаго двора, въ глазахъ пономаря и кормилицы, а на звукъ набата сбѣжался весь городъ; слухъ о страшномъ происшествіи въ минуту разнесся по всѣмъ уголкамъ Углича; и потомъ отозвался въ Пелымѣ и въ Москвѣ; голосъ истины вопіялъ изъ глубины темницъ, и отъ родителей перешелъ къ дѣтямъ, отъ предковъ къ потомству и не умолкаетъ и доднесь въ сердцахъ и устахъ Угличанъ. *Народъ свято увѣренъ, что Царевичъ убитъ по наущенію Годунова.* По чему же народъ не увѣровалъ въ торжественное свидѣтельство Шуйскаго, признанное соборомъ Духовенства и утвержденное Боярскою Думою? Почему народъ не повѣрилъ, что Годуновъ казнитъ Ца-

гихъ, изъ крайняго сожаленія къ убитому Царевичу? *За что же нянька получила награду, не умѣвши сберечь ввѣреннаго ей Царевича?* Еслибъ и теперь кто вздумалъ спорить съ Угличанами, что Годуновъ не былъ виновникомъ смерти Царевича Димитрія, они бы сочли его невѣждою, отступникомъ, или насмѣшникомъ. Итакъ гласъ народа и гласъ лѣтописцовъ, восходящихъ своею древностію ко времени самаго произшествія, именно говорятъ, что Димитрій Царевичъ Углицкій убитъ по наущенію Бориса Годунова.

Обстоятельства самаго убійства.

Изъ дѣйствій убійцъ, описанныхъ подробно древними Лѣтописцами, ясно замѣтить можно, что заговоръ, давно уже былъ обдуманъ, какъ прежде въ Москвѣ, такъ и послѣ въ Угличѣ; злодѣяніе было умышлено, назначенъ день и часъ (6-й часъ по тогдашнему исчисленію отъ восхода солнца) подкупленъ убійца—Осипъ Волоховъ, сынъ няньки, молодой, безнравственный, избалованный матерью. Главные убійцы за угломъ выжидали роковаго мгновенія, чтобы броситься, будьто бы спасать, если убійство удачно совершится, въ

противномъ случаѣ довершить оное, и во всякомъ случаѣ явиться первыми на мѣстѣ злодѣянія, чтобы тѣмъ удобнѣе доказать свою невинность, и быть обвинителями Нагихъ въ ихъ небрежности; а няньку они не обвиняли. Они не могли не быть тутъ въ эту страшную минуту; ибо не могли совершенно положиться на Осипа Волохова, и не могли бы вполнѣ оправдать довѣренность пославшаго ихъ Годунова; иначе бы, они должны быть на своей квартирѣ, какъ и всѣ. А между тѣмъ Битяговскій и Качаловъ явились первые и довершили убійство, вырвавши Царевича изъ рукъ кормилицы, а сами кричали, сбѣгавшемуся народу, что Царевичъ въ черномъ недугѣ *покололъ себя ножемъ.* Эту клевету они изобрѣли еще въ Москвѣ, и можетъ быть, умомъ самаго Годунова.

Но посмотримъ происшествіе съ другой стороны. Допустимъ эту странную болѣзнь въ Царевичѣ: она бываетъ или врожденная или отъ какого нибудь испуга, и надобно замѣтить, что она бываетъ чрезвычайно рѣдко въ дѣтскомъ возрастѣ. Мы въ свой вѣкъ видимъ множество людей, но часто ли случается встрѣчать дѣтей и отроковъ одержимыхъ надучею болѣзнію? Еслижъ она была въ Царевичѣ: то почему мать,

имѣя въ немъ всю свою надежду, всю свою будущность, не приняла никакихъ мѣръ къ излѣченію, или хотя къ предохраненію его драгоцѣнной жизни? И почему всѣ Русскіе и иностранные лѣтописцы, говоря такъ подробно обо всѣхъ происшествіяхъ, случившихся при дворѣ Грознаго и Ѳеодора, ни одинъ не упоминаетъ объ этой столь страшной и столь важной болѣзни въ наслѣдникѣ Ѳеодорова трона, между тѣмъ многіе говорятъ о цвѣтущемъ его здоровьѣ? Притомъ же, откуда взялся роковой ножъ въ рукахъ Царевича, когда съ него глазъ не . . . сводили —заботливая мать, нянька, кормилица, постельница и всѣ окружавшіе его? Почему на Царевича пришелъ припадокъ, когда онъ держалъ ножъ остріемъ въ верхъ, почему же онъ держалъ не въ низъ, не въ сторону, когда падалъ на ножъ? И почему, упавши онъ *не укололъ,* а именно перерѣзалъ себѣ горло? Естественно ли это? Почему онъ прокололь не грудь, не ногу, не руку, не животъ, не лицо, но непремѣнно горло, защищенное ожерельемъ, и такъ сильно, что тутъ же въ двѣ минуты и духъ свой испустилъ? По какому случаю *въ это страшное мгновеніе* явились возлѣ Царевича Битяговскій, сынъ его Данило и племянникъ его

Качаловъ, именно только всѣ тѣ, которыхъ Годуновъ прислалъ въ Угличъ, и въ которыхъ Царица не имѣла никакой нужды, ни прежде, ни теперь, особенно собираясь обѣдать. Развѣ Царевичъ увѣдомлялъ ихъ, что въ такую то минуту умретъ? Возможно ли всѣ эти обстоятельства согласить съ здравымъ разсудкомъ? Есть ли тутъ, хотя чтонибудь правдоподобное?...

Естественная материнская любовь и блестящія надежды всѣхъ Нагихъ.

Представимъ себѣ Царицу мать, лелѣемую Царемъ, Царедворцами и всею Россіею, и вдругъ лишенную супруга Царя, царства, престола, свѣтскаго почтенія, словомъ, всего, кромѣ единственнаго сына—Царевича и наслѣдника Русскаго трона. Ее изгнали изъ Царскаго двора, сослали въ Угличъ въ заточеніе, отняли у нее богатство, стѣснили, отняли свободу располагать средствами своего существованія, и въ замѣнъ всего этого дали власть надъ дворомъ ея и надъ имуществомъ извергу Битяговскому, который звѣрски притѣснялъ и оскорблялъ бѣдную, и безъ того убитую сиротствующую Царицу. На комъ она должна была, въ этомъ несчастіи

основывать будущее свое счастіе и всѣ надежды? На какой надеждѣ могла она остановиться и отдохнуть, или успокоить свою убитую душу и растерзанное сердце? Естественная материнская любовь, необходимый священный долгъ матери, настоящее угнѣтеніе и блестящее будущее, не должны ли естественно сосредоточить ея любовь, ея крайнее и всевозможное попеченіе о единственномъ своемъ сынѣ и наслѣдникѣ Россійскаго трона?... Она могла и должна была воображать, что Димитрій, имѣющій цвѣтущее здоровье и блестящія способности, взойдетъ нѣкогда послѣ больнаго своего брата на престолъ отца своего, прославитъ себя, успокоитъ мать, возвыситъ весь родъ Нагихъ: и какъ сладостно ей будетъ видѣть своего сына на блистательномъ Русскомъ тронѣ! По крайней мѣрѣ ей сладко было воображать все это въ очаровательной будущности, и вся эта будущность для ней заключалась въ одномъ ненаглядномъ Димитріѣ. *И при всемъ этомъ, она дозволила наслѣднику трона въ черной немочи играть ножемъ въ тычку?* Естественно ли все это?...

Мощи Святаго Царевича Димитрія.

Въ 1606 году Царь Василій Іоанновичъ Шуйскій, которому Годуновъ поручилъ прежде ѣхать съ Геласіемъ въ Угличъ и на мѣстѣ узнать причину смерти Царевича Димитрія, и который донесъ Царю и Думѣ, что Царевичъ *въ черной немочи самъ себя закололъ;* теперь же, будучи казнимъ Богомъ за выдуманную клевету на Святаго Страстотерпца, онъ наконецъ самъ сознался предъ цѣлымъ свѣтомъ и предъ Исторіею, что онъ принужденъ былъ оставить ложное свидѣтельство о самоубійствѣ Царевича.

Теперь *онъ признаетъ мощи страдальца Святыми, нетлѣнными и чудотворными.* Слѣдовательно Царевичъ Димитрій и въ жизни былъ чистъ, какъ Ангелъ, не былъ одержимъ черною немочью, и не самъ себя закололъ; но пострадалъ и умеръ отъ руки злодѣя, какъ мученикъ: ибо *Православная церковь не можетъ причислить самоубійцу къ лику святыхъ,* не можетъ прославлять его страданія, бывшія отъ падучей болѣзни.

Итакъ бывшій угодникъ Годунова, изслѣдователь причины Царевичевой смерти, истребитель самозванцевъ, а теперь Царь Россіи,

Шуйскій молилъ Патріарха Ермогена перенести Святыя мощи Царевича Димитрія изъ Углича въ Москву, *для обличенія невѣрующихъ и для посрамленія самозванцевъ, и для утѣшенія вѣрующимъ въ страдальческую кончину Димитрія Святаго.*

По повелѣнію Царя и Патріарха, въ Угличъ прибыли для перенесенія мощей Святаго Царевича, Ростовскій Митрополитъ Филаретъ, и Астраханскій Митрополитъ, Бояринъ Князь Воротынскій, Петръ Шереметевъ, дяди Святаго: Андрей и Григорій Нагіе. Когда блистательное посольство объявило Угличанамъ волю Царя и Патріарха, то Угличане горько зарыдали и долго не соглашались отпустить изъ города своего Святаго Покровителя и ходатая у престола Всевышняго о благоденствіи роднаго города. Они, рыдая, вопіяли предъ посольствомъ: *Мы его любили живаго, страдали за мертваго, и лишившись живаго, неужели лишимся и мертваго?* Когда же вынули гробъ Царевича изъ земли, и открыли его, то увидѣли Святаго Царевича и все бывшее на немъ совершенно нетлѣннымъ и неповрежденнымъ въ теченіе *пятнадцати-лѣтняго пребыванія въ землѣ.* Восторгъ всѣхъ присутствовавшихъ при открытіи мощей былъ

невыразимый. Всѣ болящіе, прикасаясь съ вѣрою, мгновенно исцѣлялись. Обрадованные Угличане должны были уступить своего Святаго Покровителя, страдавшей тогда отъ самозванцевъ Москвѣ; у себя оставили памятникомъ нетлѣнный покровъ Царевича и одръ, на которомъ вынесли мощи его. Главнѣйшимъ же памятникомъ усердія Угличанъ къ Св. Царевичу служатъ двѣ каменныя церкви, воздвигнутыя тогда же Угличанами во имя Царевича Димитрія: одна въ городѣ называемая *Царевича Димитрія на крови*; она стоитъ на мѣстѣ самаго убійства, гдѣ кровь невиннаго обагрила землю; другую воздвигнули въ память своей неутѣшной разлуки за городомъ на старой Московской дорогѣ (*), которая называется *Царевича Димитрія на полѣ.* Предъ Москвою Святыя мощи были встрѣчены Царемъ, Патріархомъ, матерью Святаго Димитрія, Духовенствомъ и безчисленнымъ стеченіемъ народа. Царь взялъ Святыя мощи на рамена и несъ ихъ до самой церкви Архангела Михаила. *Что тогда помышлялъ Шуйскій, чувствуя на себѣ Святаго, котораго онъ оклеветалъ?* Мощи были открыты для всѣхъ; народъ молился, прикладывался, и всѣ болящіе

(*) Нынѣ новая Ростовская.

исцѣлялись. Здѣсь предъ мощами Святаго, Царь Василій Іоанновичъ Шуйскій и мать Царевича Инокиня Мароа, каялись всенародно въ своихъ поступкахъ противъ Царевича и противъ истины: Царь—въ ложномъ свидѣтельствѣ, составленномъ *въ угоду* Годунову, а мать Святаго сына, что признала самозванца за сына *единственно изъ страха новыхъ мукъ*. Она молила Царя, Патріарха, и Духовенство, чтобы простили ей невольное молчаніе и горько сѣтовала, что немогла прежде обнародовать истины. Итакъ, съ 1606 года Угличъ, Москва и вся Россія молятся Царевичу Димитрію Угличскому Страстотерпцу и благодарятъ Бога, дарованнаго людямъ своимъ источникъ утѣшенія. Здѣсь можно бы помѣстить подлинныя слова изъ четіи-Минеи Митрополитовъ Филарета и Димитрія Ростовскихъ; но ихъ можно читать всякому въ сей книгѣ.

Древнія лѣтописи.

Во первыхъ мѣстныя Угличскія лѣтописи. Въ Угличѣ можно насчитать собственно древнихъ лѣтописей до пяти, кои своею древностію восходятъ ко времени самаго происшествія; есть

также множество списковъ изъ оныхъ: всѣ онѣ говорятъ о смерти Царевича совершенно согласно, и, если случаются слова и выраженія другія, за то смыслъ во всѣхъ одинъ. Во вторыхъ Ростовская: она также близка къ Угличу потому, что Угличъ былъ въ то время еще подъ управленіемъ Ростовской Митрополіи. Филаретъ, отецъ Михаила Өеодоровича, свидѣтельствовалъ и переносилъ мощи Царевича изъ Углича въ Москву; онъ составилъ Ростовскую лѣтопись, а также многіе каноны, молитвы и прославленія Страстотерпца Димитрія Углическаго, что видно изъ четіи-Минеи. Также Димитрій Митрополитъ Ростовскій. (*) Въ третьихъ Сибирская лѣтопись, какъ памятникъ и отголосокъ несчастныхъ Угличскихъ изгнанниковъ. Далѣе Никоновская, Авраамія Палицына, Морозовская и множество другихъ. Также записки иностранцевъ Флетчера, Б ра и проч. почти всѣ эти лѣтописи говорятъ, что Димитрій Царевичъ убитъ въ Угличѣ по наущенію Годунова, напротивъ того ни одна не свидѣтельствуетъ, (кромѣ нелѣпаго донесенія представленнаго Царю Өеодору

(*) Онъ составилъ большую книгу о смерти Царевича Димитрія, что въ церкви Царев. на крови хранится подлинникомъ.

Василіемъ Шуйскимъ), что Царевичъ въ черной немощи самъ себѣ перерѣзалъ горло, или что убитъ не Царевичъ, а какой-то другой мальчикъ, какъ доказывалъ самозванецъ, наученный Іезуитами. Итакъ, соединенный гласъ всѣхъ современныхъ происшествію и послѣдовавшихъ за тѣмъ лѣтописцевъ, вопіетъ къ намъ, что Царевичъ Димитрій убитъ по волѣ Бориса Годунова.

Свидѣтельство самой Царицы.

Господинъ Миктевичъ недавно нашелъ лѣтопись о временахъ самозванцевъ въ Россіи; она напечатана въ Библіотекѣ для чтенія и составлена Полякомъ, когда они бродили по Россіи вмѣстѣ съ самозванцами. Въ этой лѣтописи, между прочимъ, сказано, что Царица Марія Ѳеодоровна посылала къ Польскому Королю Сигизмунду тайнаго гонца, какого-то Шведа, чрезъ плѣнную Ливонку дѣвицу Розенъ, жившую у доброй Царицы. Въ грамотѣ Царица объявила Сигизмунду, что *сынъ ея Царевичъ Димитрій убитъ въ Угличѣ по повелѣнію Годунова, и скончался на ея рукахъ,* и что самозванецъ, явившійся къ Королю, не можетъ быть ея сыномъ. Но вотъ важнѣе свидѣтельство: когда

Шуйскій взволновалъ Москву и открылъ ей глаза, что Царь у нихъ самозванецъ, и когда народъ вломился въ Кремлевскій дворецъ, чтобы схватить самозванца; то онъ, спасая себя выскочилъ въ окно и очутился въ рукахъ стрѣльцовъ, которые сторожили его. Тутъ сбѣжавшійся народъ хотѣлъ было растерзать самозванца какъ еретика, но стрѣльцы не допустили до этого и требовали доказательства. Привели Царицу Инокиню! »*Скажи намъ одно слово*« спрашивали ее стрѣльцы» *и если онъ сынъ твой, то мы умремъ за него!*». Тогда Царица призналась, что *она принуждена была признать самозванца за сына, единственно страхомъ и лестію, и—что сынъ ея скончался въ Угличѣ въ ея объятіяхъ.* Родственники Царицы Нагіе, также бывъ призваны и спрошены, отвѣчали тоже, что: *возвращая ихъ изъ темницы въ Москву, принудили молчать объ истинномъ Царевичѣ.* Царица, чтобы разсѣять сомнѣніе присутствовавшихъ, вынула портретъ своего сына, носимый ею на шеѣ и доказала, что онъ нисколько не похожъ на лежащаго предъ ними Лжедимитрія. *Могла ли мать отказаться отъ роднаго сына и выдать его черни на растерзаніе?* А что это былъ Лжедимитрій, созданный

Іезуитами, то самозванецъ самъ это доказалъ своими поступками. Естественно ли Рускому изгнаннику Царевичу наслѣднику любить болѣе Поляковъ, чѣмъ Русскихъ? А онъ презиралъ Русскихъ и все, что Свято для Русскаго сердца. Иные увѣряютъ, что его перевоспитали въ Польшѣ. Это противъ природы Лапландецъ промѣняетъ вашу столицу и пуховики на свои снѣга и звѣриныя кожи? Возможно ли, у девятилѣтняго ребенка изгладить всѣ восьмилѣтнія впечатлѣнія? Да еслибъ онъ во все не зналъ своего рожденія, и вдругъ ему объяснили, что онъ сынъ Русскаго Царя, наслѣдникъ Русскаго Трона и народа, то въ его душѣ родились бы такія чувства къ Россіи, что онъ бы лобызалъ землю Русскую стократно, прославилъ бы Бога, чудесно сохранившаго въ столь долгомъ изгнаніи и возведшаго его на престолъ прародительскій. Царица-Инокиня Марѳа писала неоднократно ко всѣмъ Россіянамъ грамоты, въ которыхъ съ клятвою отреклась отъ самозванца, пришедшаго въ Россію, и съ клятвою увѣряла, что сынъ ея убитъ въ Угличѣ," и мощи объ немъ сами свидѣтельствуютъ. Помните одно это, что *Самозванецъ, вступивши въ Москву, завладѣвши Русскимъ трономъ и Царствомъ, онъ болѣе мѣсяца не*

видалъ съ глаза своей матери и родныхъ. Почему же это? а потому, что онъ договаривался съ ними чрезъ тайныхъ гонцовъ! А прежде, писавши грамоты искусительныя ко всѣмъ Россіянамъ, а къ матери ни строчки? Да какое ожесточенное сердце вытерпитъ пятнадцать лѣтъ не видавшись съ матерью, чтобъ оно еще изъ Польши не провѣдало про ту, которая жизнь ему даровала? Гдѣжъ тогда были бы законы природы, сильнѣйшіе изъ всѣхъ возможныхъ законовъ? эти законы начертаны въ нашемъ сердцѣ кровавыми письменами, и ничто въ мірѣ не можетъ имъ противустоять, да еслибъ это былъ извергъ Гришка Отрепьевъ, то и тотъ долженъ бы былъ любить Россію и все Русское болѣе самозванца иначе не возможно. Это мы видимъ на Курбскомъ и тысячѣ другихъ.

Обстоятельства, приготовленныя отчасти самимъ Годуновымъ.

Кто вѣритъ въ невинность Годунова? Посмотрите, какъ онъ близокъ былъ уже къ коронѣ Мономаха. Давно, начертавши планы своихъ поступковъ, ближайшій родственникъ къ дому Рюрика, послѣ Царевича Димитрія, онъ по-

степенно возвышался къ престолу, и Царевичъ Димитрій былъ уже последнею ступенью, чрезъ которую онъ шагнулъ на престолъ Россіи. Онъ заблаговременно и постепенно приготовлялъ все, что способствовало ему возвышаться до короны Өеодора, устраняя все, что препятствовало и останавливало его на пути къ оной.

Такъ онъ старался пріобрѣсти народную любовь, разсыпая золото, раздавая Царскія милости и льготы, покровительствуя купцовъ, поощряя земледѣліе, промышленность и торговлю, дѣятельно выполняя всякія прошенія, словомъ, разливалъ всѣ возможныя благодѣянія, имѣя предъ глазами единственную цѣль; а гдѣ касалось до него близко, тамъ онъ вовсе былъ не таковъ, тамъ уже милосердіе не существовало. За то не было ни одного Боярина, ни одного Царедворца, который бы не былъ чѣмъ нибудь обязанъ Годунову. Онъ собственными руками раздавалъ всѣ Царскія милости. Всякой, кто хотѣлъ чего-нибудь искать при дворѣ, долженъ былъ искать только въ одномъ Годуновѣ. Онъ давалъ боярство, должности, чины, помѣстья, разныя выгоды, словомъ, все давалъ и все отнималъ. Выбравъ изъ всѣхъ Святителей Россійскихъ въ Патріархи Іова Рязанскаго, Годуновъ вручилъ

ему неограниченную власть надъ Духовенствомъ вообще и въ лицѣ Патріарха преклонилъ на свою сторону все Россійское Духовенство, а Духовенство всегда имѣло ближайшее вліяніе на Русскій народъ. Іовъ оправдалъ свой выборъ, говоря къ народу: *Святители, Бояре и всей Россіи людіе! Кого выберете въ Цари Россіи? Мы же думаемъ, что намъ мимо Бориса Өеодоровича не должно искать другаго Самодержца!*... Стоитъ только внимательно прочитать Исторію Годунова времени, выразумѣть его глубокую политику, сообразить всѣ его дѣйствія, тогда понятно будетъ, къ чему онъ такъ неутомимо стрѣмился цѣлую свою жизнь, для чего онъ *заточалъ и истреблялъ родъ Нагихъ, Романовыхъ и всѣхъ кто имѣлъ родственную связь съ домомъ Рюрика, и близокъ былъ къ Царевичу.*

Кромѣ всего вышесказаннаго, Борисъ Өеодоровичъ Годуновъ, имѣя неограниченую власть надъ Россіею, управляя Государствомъ при слабомъ Өеодорѣ столько лѣтъ, и зашедши, въ тогдашнихъ обстоятельствахъ, такъ далеко, могъ ли не убить осьмилѣтнаго, беззащитнаго въ изгнаніи Царевича? Карамзинъ говоритъ: »если бы Годуновъ не захотѣлъ ничего болѣе, кромѣ удер-

жаться на той высотѣ, до которой онъ достигъ, то и тогда, могъ ли онъ спокойно наслаждаться своею славою и величіемъ, помышляя о близкой кончинѣ Ѳеодора и о законномъ его наслѣдникѣ, воспитываемомъ матерію и родными въ явной ссылкѣ и въ ненависти къ Правителю? Они невольно могли внушать ему чувство злобы и мести къ своему притѣснителю. Итогда, что ожидало Царицу Ирину? монастырь! *Что ожидало самаго Годунова? вѣчная темница, или позорная плаха!* И кому же плаха? Тому, кто однимъ мановеніемъ двигалъ царствомъ, кого Цари Востока и Запада страшились и превозносили! Этого одного доказательства достаточно, чтобы убѣдить всякаго, что Царевичъ Димитрій дѣйствительно убитъ по наущенію Годунова; ибо Годуновъ дѣйствительно поставилъ себя въ такихъ обстоятельствахъ, что, не говоря уже о его властолюбіи, ни о сладостной мысли утвердить свою династію на Русскомъ тронѣ, *самая уже необходимость заставляла его выбирать, или тронъ Россіи, или позорную и мучительную смерть.* А милые его дѣти—сынъ и дочь, которымъ онъ обоимъ хотѣлъ доставить вѣнцы двухъ славныхъ Европейскихъ Государствъ? О! это уже почти было, уже онъ достигалъ своей цѣли, когда

Божіе правосудіе постигло его. Итакъ Годунову, стоящему между трономъ и плахою, не трудно было рѣшиться и выбрать: онъ воспитанъ при дворѣ Грознаго и съ давнихъ поръ уже кровь его не ужасала, въ глазахъ его тысячи падали отъ мановенія Грознаго, отъ отцовской руки палъ собственный сынъ его (*), и вотъ наконецъ пала и Годунова жертва, невинная, какъ агнецъ и паденіемъ своимъ поколебала Россію въ самомъ ся основаніи!

Невозможно помѣстить здѣсь всего, что оставило время и лѣтописи намъ о страшной судьбѣ, постигшей юнаго отрока, Св. Царевича Димитрія Углическаго; но рѣшаюсь еще помѣстить нѣкоторыя извѣстія, которыя должны пояснить обстоятельства, касающіяся Димитрія Царевича.

Въ 1587-мъ году Борисъ Ѳеодоровичъ, отправляя пословъ въ Польшу, по случаю избранія тамъ новаго Короля, говоритъ въ наставле-

(*) Борисъ Годуновъ, удерживая руку Грознаго, когда тотъ занесъ ее на пораженіе роднаго сына, былъ тяжело израненъ тѣмъ же жезломъ и долго лѣчился, не являясь ко двору Іоанна; Грозный въ раскаяніи самъ навѣстилъ Годунова, и видя его раны изцѣляющимися, пожаловалъ Лекаря его Строганова въ вельможи.

ѣiю посольству, »ежели Паны, выбирая Θеодора »на Польскій престолъ, *упомянутъ и о юномъ »братѣ Государевомъ*, то изъяснить имъ, *что »онъ еще младенецъ, и не можетъ быть у нихъ »на престолѣ и долженъ воспитываться въ сво-емъ отечествѣ.«*

Въ собраніи Государственныхъ грамотъ есть показаніе Царицыныхъ истопниковъ: »Да-нилъ Битяговскій да Качаловъ» начаша кор-»милицу бити, и едва живу оставиша, Царевича у ней отняша (самъ Битяговскій) и заклаша, »Мати же его, видя пагубу сына своего, бѣгаша и кричаша надъ нимъ. Въ то же время на дво-рѣ Государевѣ небѣ никого, братія же и дядья разыдошася по домамъ, что время бяше полу-денное. Единъ же Соборный пономарь, видяпа-губу таку заперся на колокольницѣ и нача би-ти въ колоколъ, окаяніи же убійцы къ нему приступаху, хотяще его убити и не можаху.« А въ допросахъ сказано: »Царя Константиновскій пономарь, вдовой Попъ Θедотъ Огурецъ въ ра-спросахъ сказалъ: какъ Царевича не стало, а онъ въ тѣ поры былъ дома и зазвонили у Спаса сторожъ Максимъ Димитріевъ сынъ Кузнецовъ, а онъ Попъ Θедотъ Огурецъ побѣже въ городъ къ церкви Спаса, къ нему бѣжатъ на встрѣчу

Кормоваго двора Стряпчій Субота Протопоповъ, и велѣлъ ему у Спаса въ колоколъ звонить, а прибѣжалъ къ нему Михайло Битяговскій, а онъ ся заперъ и въ колокольню его невпустилъ.» Пономарь ли онъ? сторожъ ли увидѣлъ убійство и зазвонилъ, все равно, за чемъ Битяговскій тутъ былъ и въ колокольню ломался? Значитъ Максимъ Кузнецовъ собственными глазами видѣлъ убійство и расказалъ сбѣжавшимся на звонъ.

Въ показаніяхъ же нянькн Василисы Волоховой слѣдующее: „И какъ Царевичъ въ болѣзни черной покололся и Царица Марья сбѣжала на дворъ и начала ее (Василису) бити сама полѣномъ и голову ей пробила во многихъ мѣстахъ. И Царица еще велѣла ее бити тѣмъ же полѣномъ Григорію Нагому . . . и почали звонити у Спаса, и Царица велѣла ее Василису взяти мужикомъ, а мужики ее взяли и ободрали, и простоволосу держали предъ Царицею . . . и прибѣжалъ на дворъ Битяговскій и *почалъ былъ разговаривать посадскимъ людемъ, и Михайлу Нагому и Царицѣ де* . . . а Михайло Нагой велѣлъ убити Битяговскаго . . . поймали и сына ея Осипа Волохова и привели посадскіе люди его еще жива предъ Царицу. И жену Битягов-

скаго съ дочерьми привели такъ же предъ Царицу. И Царица дей міру молвила: *той дей убійца Царевичи!* и сына ея Осипа тутъ до смерти убили, а убивъ и прохолкали, что надъ зайцемъ, симъ убили и человѣка Осипова, и другаго человѣка Василисина убили, за то, что онъ увидѣлъ Василису простоволосу и надѣлъ на нее свою шапку."

Вотъ какія нелѣпости въ показаніяхъ были представлены Думѣ и Собору Святителей. Это клевета на Ангела младенца и на несчастную его мать доказываетъ яснѣе всѣхъ документовъ, что въ показаніяхъ и во всѣхъ случаяхъ старались Нагихъ очернить, а усилія ихъ доказываютъ только несбыточность того, что они старались высказать. Напримѣръ здѣсь: возможное ли дѣло, чтобы мать, услышавъ отчаянный крикъ мамки Ирины Ждановой и видя убѣгающаго убійцу и сына плавающаго въ крови, бросилась бы не къ сыну умирающему, а искать по двору полѣна и потомъ бить изъ своихъ рукъ Волохову?... Стоитъ только вообразить материнское сердце и сына, какъ голубя, трепещущаго въ судорогахъ смерти?... Есть ли тутъ возможность матери думать не только о полѣнѣ, а чемъ бы то ни было? Для нея со свѣтомъ потухающимъ въ

въ глазахъ сына ея надежды, погибалъ, изчезалъ весь міръ и вся вселенна. . . .

Приканщикъ же Русиновъ доносилъ будто бы Митрополиту Геласію такъ: „Язъ прибѣжалъ на дворъ, а жно въ городѣ многіе люди и на дворѣ Царевичевѣ, а Михаилъ Битяговскій да Данило Третяковъ, да Данило сынъ Битяговскаго, да Осипъ Волоховъ, да ихъ люде лежать побиты. И меня Михайло да Григорій Нагіе взимали, а Михайло Нагой мертво пьянъ, и велѣли мнѣ одного дня шесть разъ крестъ цѣловати." Буди ты съ нами! уже зналъ отъ чего, что произошло, а онъ прибѣжалъ послѣдній, какъ самъ объ этомъ говоритъ.

Дьякъ Вылузгинъ и дьякъ Молчановъ, какъ опытные составители лживыхъ допросовъ и доносовъ еще говорятъ въ составленномъ ими показаніи: »И вдова Василиса Волохова въ разспросѣ сказала, что разболѣся Царевичъ въ среду падучею болѣзнію и въ пятницу де ему маленько стало полегче и Царица Марья взяла его къ обѣдни, а на завтрѣе въ суботу велѣла Царевичу на дворъ итти гулять, а съ Царевичемъ была она Василиса, да кормилица Орина, да маленькія ребятки жильцы, да постельница Марья Самойлова, а игралъ Царевичъ ножомъ

(даютъ ли дѣтямъ играть ножемъ? Замѣчаетъ Карамзинъ) и тутъ на Царевича пришла тажъ черная болѣзнь, и бросило его о землю и тутъ Царевичъ самъ себя покололъ ножемъ въ горло, и било его долго, да туто его не стало.“ Прибавляетъ Карамзинъ: такъ и во всѣхъ мнимыхъ показаніяхъ, а въ иныхъ—тѣшился съ жильцами ножемъ въ тычку.“ еще въ иныхъ: „А прежъ того, сего году въ великое говѣнье тажъ надъ нимъ болѣзнь была и онъ покололъ своею (свойкою) и матерь свою; а въ другой рядъ предъ Великимъ днемъ Царевичъ объѣлъ руки Ондреевой дочкѣ Нагово, едва дочь у него отняли.“ Каждое слово доказываетъ вымышленную клевету и несообразность, и эту клевету заставили подписать духовника Григорія Нагаго, Царя Константиновскаго, *Попа Богдана, Игумена Покровскаго монастыря Давида, Игумена Алексѣевскаго монастыря Савватія. Это все дѣйствовалъ Митрополитъ Геласій, которому Годуновъ обѣщалъ послѣ Іова Патріаршую тіару.*

По Государеву Указу и Боярскому приговору посланъ на Угличъ по кормилицу Орину да по мужа ея по Ждана Тучкова, Михайло Молчановъ, а по вѣдуна по Ондрюшку Мочалова посланъ Федоръ Жеребцовъ. Везти ихъ

бережно, чтобъ съ дороги не утекли и дурнаго надъ собою не учинили. Вѣдуна Ондрюшку везти оковавъ въ ручныхъ и ножныхъ желѣзахъ накрѣпко, а ѣхати на спѣхъ.“ Въ другомъ мѣстѣ сказано: „Михаилъ Битяговскій съ Михаиломъ Нагимъ бранился по часту за Государя, что онъ Нагой держитъ у себя вѣдуна Ондрюшку, и иныхъ многихъ вѣдуновъ.“ Ктожъ это распоряжался? Годуновъ! чего ему хотѣлось? Вѣдь Шуйскій заставилъ кормилицу показать, что Царевичъ покололся ножемъ? А! вѣроятно она друзьямъ говорила другое и потому ихъ потребовали въ Москву, чтобъ заточить ихъ и скрыть истину; а вѣдунъ долженъ быть кто-нибудь изъ приверженцевъ Нагаго, и его оклеветали въ знахорствѣ, чтобы истребить обоихъ слугу и Господина. Въ лѣтописяхъ Никонов. и Ростов. „Борисъ же съ Бояры пойдоша къ пыткѣ Михайла, Ондрея и иныхъ Нагихъ, и пыташа накрѣпко, чтобъ они сказали, что Царевичъ самъ себя закололь, они же никако того не сказаша.“ Въ Морозов. лѣтописи: „Повелѣ Борисъ Царицу Марію съ нуждою и безчестіемъ во Иноческій образъ облещи, и нареченно бысть имя ей Маргоа, и заточи ю въ мѣсто бѣдное, и дати ей въ послуженіе только два человѣка, лежи-може то

мѣсто въ Бѣлозерскихъ предѣлѣхъ въ Судинѣ монастырѣ на Выксѣ, и пристави къ ней сторожей и пищу повелѣ давати въ урокъ."

Въ лѣтописяхъ Ник. Рост. и соб. Г. грамотъ находится *челобитная женѣ Битяговскаго*: „Государю Царю бьетъ челомъ и плачется горькая вдовица Овдотьица съ своими дочеришками съ Дунькою да съ Машкою. Жалоба Государь мнѣ на Михайла да на Григорья Нагихъ. Велѣли убити мужа моего конюху Царицыну Михайлу Григорьеву да сыну его Данилку и прислали ихъ по меня и дѣтишокъ моихъ, и они взявъ меня и ободравъ нагу, а простоволосу поволокли на дворъ и животишки пограбили. Православный Государь вели отдать животишки." Умѣли же и тогда стряпать челобитные; одно только непонятно, что въ прошеніи она говоритъ, что конюхъ съ сыномъ убили ея мужа, да эдакой звѣрообразный злодѣй, какимъ описываютъ Битяговскаго, и пяти человѣкамъ такъ не поддается. Да неужели конюхъ съ сыномъ всѣхъ троихъ съ Машкою да съ Дунькою вели и животишки ихъ на площадь несли? нѣтъ! все это не такъ: разъяренная чернь знала, кто правъ и кто виноватъ; она убила Битяговскаго и его сообщниковъ, но жену и дочерей не тронули, хотя естественно

жена должна бы пасть изъ первыхъ, какъ ближайшая къ злодѣю Битяговскому. Но напротивъ пали единственно убійцы Царевича.

Авраамій Палицынъ говоритъ: „Паче всего разумныхъ ослѣпи Годуновъ, имѣніемъ многимъ, трапезами сладко-питательными.“ Въ другомъ мѣстѣ: „и приводилъ къ себѣ Годуновъ всякихъ Вельможъ, овыхъ лестію, овыхъ дары, а иныхъ угрозами.“ Еще: „Егда же Борисъ прослыша про себя въ народѣ ропотъ о убіеніи Царевича Димитрія, прискорбенъ бысть.“

Въ 1591 году вспыхнулъ въ Москвѣ въ Колымажномъ ряду ужасный пожаръ, и еще въ иныхъ трехъ мѣстахъ, и при томъ въ самыхъ бѣдныхъ. Исторіографъ Карамзинъ, представляя судъ потомству, говоритъ: „случайно ли Годуновъ воспользовался несчастіемъ столицы для пріобрѣтенія народной любви, или былъ тайнымъ виновникомъ пожара, какъ утверждаетъ лѣтописецъ (*), и какъ думали тогда многіе изъ современниковъ. Даже въ самыхъ разрядныхъ книгахъ сказано, что Москву зажигали злодѣи, но Борисъ обратилъ вину на своихъ ненавистниковъ; взяли подъ стражу людей Аѳанасія Нагаго и братьевъ его, допрашивали ихъ и разсказывали,

(*) Авраамій Палицынъ.

что будто они и сознались въ преступленіи, однакожъ не казнили никого? У Авраамія Палицына и въ степенной книгѣ сказано: „въ субботу Великія Пятидесятницы въ половину дне возгорѣся напрасно въ Чертольской улицѣ пожаръ: *глаголютъ же, яко повелѣніемъ Годунова бысть оный пожаръ: тѣмъ онъ умыслилъ Царя къ Москвѣ возвратити, егоже Государево изволѣніе было во градъ Угличъ идти и про убіеніе брата истинно увѣдати.* Многіе современные лѣтописцы говорятъ, догадываясь, что Годуновъ былъ причиною пожара; но яснѣе всего говоритъ о пожарѣ самъ Годуновъ въ письменномъ наставленіи, данномъ посланнику Данилу Исленьеву. „А нѣчто учнутъ спрашивати про пожари Московскіе, а Данилу говорить: Мнѣ въ то время на Москвѣ быти не случилось, а то поворовали мужики воры люди Нагихъ съ братьею, то на Москвѣ сыскано, да еще приговоръ не учиненъ. *А будетъ хто молвитъ, что у нихъ тѣ слухи, будто зажигали Годуновыхъ люди,* и Данилу говорити, то нехто воръ бездѣльникъ сказывалъ, затѣявъ напрасно; *Годуновы Бояреименитые великіе.* Лихому человѣку воля, что затѣвать да только Богъ имъ не попуститъ.“ Во первыхъ Годуновъ въ своемъ наказѣ пояс-

няютъ, что молва въ Москвѣ и по всей Россіи носилась всенародно и могла дойти въ Польшу и помрачать тѣмъ его славу именемъ зажигателя; эту молву и лѣтописцы записали неясно для потомства; ибо хитрый Годуновъ, чтобъ отвратить отъ себя подозрѣніе, велѣлъ взять подъ стражу людей своихъ непріятелей Нагихъ. Во вторыхъ, если Годуновъ былъ непричастенъ въ пожарѣ: то за чѣмъ онъ заботился оправдывать себя прежде, чемъ кто будетъ спрашивать изъ Поляковъ? Въ третьихъ, за чѣмъ онъ велѣлъ Исленьеву выхвалять себя именитымъ и великимъ? Значитъ, что именитость предохраняла его отъ подозрѣнія, и что онъ подъ личиною своего величія и блеска не разъ уже скрывалъ дѣла низкія и предосудительныя. Годуновъ могъ обманывать современниковъ; онъ имѣлъ хитрый умъ и тысячи средствъ, но потомство судитъ строже. И такъ, *хоть по суду и не докажешь*, но какъ не согрѣшишъ, не скажешъ, что пухъ къ нему прильнулъ?

Въ 1598 году Годуновъ избранъ въ Цари Россіи. Карам. говоритъ: „совершилось желаніе честолюбца! Но онъ умѣлъ лицемѣрить,- онъ не забылся въ радости сердца, и за семь лѣтъ предъ тѣмъ смѣло вонзилъ убійственный ножъ въ гортань Святаго младенца Царевича Димитрія, чтобъ

похитить корону; теперь съ ужасомъ отвергнулъ ее предлагаемую торжественно. Годуновъ и Патріархъ Іовъ заблаговременно условились: одинъ отказывался искусно, а другой умолялъ неотступно, чтобъ не оставить въ народѣ и слѣда подозрѣнія, что Борисъ былъ похитителемъ престола.

Итакъ 15-й день Мая 1591-го года былъ несчастнѣйшій для Угличанъ, и на-вѣчно остался памятникомъ ужаснаго злодѣянія, слѣдствіемъ коего было неизмѣримое зло для всей Россіи. Угличане съ жизнію Царевича могли соединять многія для себя надежды въ будущемъ. Царь взлелѣянный, взрощенный въ стѣнахъ Углича, никогда бы не забылъ мѣста своей колыбели, мѣста своей юности, гдѣ онъ съ младенческимъ восторгомъ встрѣчалъ восходящее солнце, преклонялся съ своею родительницею предъ Святыми угодниками Угличскими; онъ вспоминалъ бы свою юность и нераздѣльно съ нею Угличъ, и простиралъ бы милостивый взоръ съ Россійскаго трона на свою отчину, осчастливилъ бы своихъ подданныхъ, среди которыхъ выросъ, и, можетъ быть, поставилъ бы и своихъ потомковъ княжить въ Угличѣ, какъ въ собственной своей вотчинѣ, какъ и самъ

былъ поставленъ отцомъ своимъ. Но совершились судьбы непостижимыя для смертныхъ, и Угличанъ вмѣсто всѣхъ сладостныхъ надеждъ постигла участь плачевная, жестокая, ужасная. Но Царевичъ—кровавая жертва, принесенная властолюбію Годунова, испустилъ духъ въ руки Творца Правосуднаго,- и стрѣлы небесной кары изощрялись на главу злодѣя. Наконецъ прилагаю рѣшеніе Святительскаго Собора. Донесенія Князя Шуйскаго о смерти Царевича въ Угличѣ Царь Ѳеодоръ отдалъ на судъ Патріарха Іова совокупно съ Соборомъ Святителей. Соборъ Святителей, горестное воспоминаніе для церкви нашей! (по словамъ Карамзина) составилъ слѣдующее рѣшеніе: »Мы несомнѣнно удостовѣрились, что жизнь Царевича прекращена судомъ Божіимъ, что Михайло Нагой, будучи пьяной, и дѣйствуя по внушенію личной злобы, взволновалъ Угличанъ и велѣлъ убить невинныхъ— дьяка Битяговскаго съ товарищами. Нагой еще имѣетъ сношеніе съ злыми вѣщунами съ Андреемъ Мочаловымъ и другими, а Углическіе граждане, какъ пособники Нагому и измѣнники, достойны казни за свои беззаконія вмѣстѣ съ Нагими.« Вотъ какъ рѣшались тогда уголовныя дѣла! А чтобъ больше придать рѣшенію важно-

сти, силы и вѣроятія; то это рѣшеніе поручилъ Собору Святителей, изъ которыхъ зналъ истинное дѣло, можетъ быть, только одинъ Геласій. Они оправдали Годунова на время предъ народомъ, но не передъ Богомъ и совѣстію. Геласій, желая вполнѣ заслужить довѣренность Годунова и митру Іова, объявилъ еще Собору, что вдовствующая Царица въ день моего отъѣзда изъ Углича призывала меня къ себѣ и слезно убѣждала смягчить гнѣвъ Государевъ на тѣхъ, которые умертвили дьяка Битяговскаго и товарищей его, молила смиренно, да не погубитъ Государь бѣдныхъ ея родственниковъ.« Лукавый Геласій исказилъ слова несчастной Царицы, если только она о чемъ нибудь просила его; разумѣется, что Царица своимъ этимъ прошеніемъ обнаруживала, какъ виновность ея братьевъ, такъ и невинность Битяговскаго и его убитыхъ товарищей. Да вѣдь *его просили умягчить гнѣвъ Государя и приговоръ Нагимъ*, а онъ разсказалъ это предъ Соборомъ, чтобъ увеличить ихъ вину, что будто сама Царица сознается въ виновности своихъ братьевъ. Изъ этого выходитъ, что и Царевичъ умеръ въ черномъ недугѣ. Для чего же тогда Нагимъ волновать Угличъ и убивать Битяговскаго съ товарищами? Какую бы тогда связь имѣли они

со смертію Царевича? Они скорѣе должны были взыскать съ *няньки*, кормилицы, постельницы, которыя должны были отвѣчать не только за жизнь, но за всякій шагъ Царевича, Годуновъ сослалъ въ Пелымь пять тысячъ Угличанъ; что же за цѣль имѣлъ Годуновъ, истребляя обширный и многолюдный городъ, и награждая няньку и жену Битяговскаго? Не ужели всѣ эти тысячи жертвъ были принесены въ память Битяговскому? Ежели Годуновъ не былъ убійцею Царевича: то естественно ли, особенно Годунову, такому хитрому политику, мстить такъ жестоко, безчеловѣчно? Онъ долженъ былъ снискивать народную любовь и довѣренность, а онъ истребилъ сотни гражданъ на плахѣ. Для чего онъ разрушилъ столько семейнаго счастія? Для чего онъ убилъ столько душевныхъ и сердечныхъ радостей? Не ужели все это принесено тѣни Битяговскаго? О! нѣтъ это неестественно, это невозможно! Годуновъ заглушалъ, убивалъ и истреблялъ голосъ, свидѣтельствующій о его злодѣяніи. И чемъ болѣе и злѣе онъ казнилъ, тѣмъ болѣе и яснѣе онъ самъ свидѣтельствовалъ о своемъ злодѣйствѣ. Истина, какъ дщерь неба, легкая, эфирная, всегда, по пословицѣ, всплыветъ на верхъ, и потому, чѣмъ дальше Годуновъ

заточалъ ее, тѣмъ ближе она являлась,—чѣмъ глубже онъ повергалъ ее въ темницы, тѣмъ явственнѣе она являлась предъ глазами свѣта, и голосъ несчастныхъ жертвъ изъ глубины могилъ возопилъ къ небу и вызвалъ казнь на голову Царсубійцы. И кто не ужаснется послѣдствій Царсубійства, послѣдствій ужасныхъ, кровавыхъ? Не было отъ начала Россіи и не будетъ до скончанія міра ужаснѣе бѣдствій, какія навлекъ Годуновъ на себя и на все наше отечество. Восемъ человѣкъ одниxъ гнусныхъ самозванцевъ были именно Божіимъ попущеніемъ въ казнь Годунову и сообщнику его Шуйскому за кровь Святаго Царевича. Потомъ Поляки, Литовцы, Шведы, татары, козаки, Русскіе измѣнники наводнили всю Россію. Не было ни одного уголка въ нашемъ отечествѣ, ни одной области, ни одного городка, гдѣ бы грабители не разорили, не опустошили и не поругались надъ всѣмъ, что мило сердцу и свято душѣ Россіянина. Россія и все достояніе ея были въ рукахъ иноплеменниковъ. И тѣмъ явственнѣе казнь Божія совершилась, что тотъ самый Годуновъ, который, *чтобы заглушить ропотъ въ народѣ о смерти Царевича и его убійцъ,* выдумалъ нашествіе Крымцовъ на Россію, собралъ полмиліона

отличнаго войска, одарилъ ихъ щедро и распустилъ по домамъ прославлять свое имя. Теперь же, когда дѣйствительно самозванецъ шелъ уже къ Столицѣ, *грозя Годунову сорвать вѣнецъ и голову*, тотъ самый Годуновъ, хитрый, мудрый, дѣятельный, предпріимчивый, трепеталъ на окровавленномъ имъ тронѣ, не умѣлъ побѣдить самозванца, не могъ выдумать, что предпринять, не могъ разстаться съ семействомъ, чтобы спасти его, кланялся униженно Басманову и просилъ со слезами у него спасенія! . . .

Наконецъ Годуновъ погибъ на окровавленномъ имъ тронѣ отъ ужаса и угрызенія совѣсти, погибъ смертію, достойною Цареубійцы, и повлекъ за собою во гробъ милое, невинное и жалкое свое семейство.

Годуновъ, его сынъ и дочь погибли отъ самозванца поруганные, обезславленные. О, страшна казнь небеснаго Судіи! Самозванецъ погибъ отъ Шуйскаго, поруганный Россіею и проклятый церковію. Шуйскій погибъ безславно въ Польской тюрьмѣ, куда заточили его не казни Сигизмунда, не измѣна Русскихъ, но собственные грѣхи его. Другіе самозванцы погибли одинъ отъ другаго, истребляя сами себя взаимно. А между тѣмъ Русская кровь лилась рѣками.

И такъ, *кто ни посягалъ на корону, не данную ему Богомъ, всѣ погибли и погибель ихъ ужаснетъ еще и вѣка грядущіе.* Россія казалось совершенно опустѣла: нѣкому было повелѣвать, нѣкому было и повиноваться; друзья другъ другу не вѣрили, всѣ казались измѣнниками и самозванцами. Россія гибла, гибло наше отечество безъ Царя, гибло неизбѣжно и невозвратно. Только Творцу Всемогущему, попустившему ее испытать всѣ ужасы безначалія и многоначалія, Творцу только можно было спасти наше отечество, наше имя. . . О! еслибы Годуновъ всталъ изъ гроба и посмотрѣлъ на жертву, принесенную имъ для омытія окровавленнаго трона! Тогда бы и самыя кости его содрогнулись кровавыхъ послѣдствій его злодѣянія!

Въ собраніи древнихъ актовъ есть *грамота* (стр. 390) *Углицкаго Царевича Димитрія Іоанновича, данная въ* 1585 *году Углицкаго Покровскаго монастыря Игумену Өеодосію и кто по немъ будетъ*, до тѣхъ поръ, пока Богъ благословитъ и Государь Царь Великій Князь Өеодоръ Іоанновичъ благоволилъ намъ на Угличскомъ удѣлѣ быти. Покровскій Игуменъ Өеодосій подалъ прошеніе на имя юнаго Царевича, что

монастырь отъ великихъ податей совсѣмъ обнищалъ, монахи отъ бѣдности разбѣжались, и потому Игуменъ Ѳеодосій въ челобитной проситъ помощи и заступленія Царевича. Въ челобитной были подробно описаны всѣ помѣстья, села, деревни и пустоши, принадлежащія Покровскому монастырю, а въ грамотѣ упоминаются только слѣдующія: Угличскаго Княжества въ городскомъ стану: село Спасское съ деревнями, деревня Турково, сельцо Ермолово съ деревнями, сельцо Новоселки, Новое съ деревнями, сельцо Ильинское съ деревнями, сельцо Савинское съ деревнями, сельцо Онелино съ деревнями, сельцо Поповское съ деревнями, село Архангельское съ деревнями. Въ другомъ стану: село Ильинское—Ордино съ деревнями, село Балторово съ деревнями, село Марково, село Ортемьево, село Ивашково. Пустоша: Черное, Гречево, деревня Большое, шесть починковъ. Въ Конскомъ стану: деревня Клочково, да треть земли подъ Ильинской починокъ Заполье, деревня Лысково, пол-сельца Ясецкаго съ деревнями. Починокъ Раменецъ, да въ Ясенѣ четыре деревни. Въ Бѣжецкомъ верху, въ Сулецкомъ стану: село Тезешево съ деревнями, село Гвоздия съ деревнями, въ городскомъ стану село Ивашково, *да въ Угли-*

съ слободка при рѣкѣ Волгѣ отъ Рожественскаго оврага, да на Угличѣ же на посадѣ дворъ. Всѣ эти монастырскія деревни имѣли только 200 сохъ безъ чети и до того обѣднѣли, что монастырь платилъ оброкъ за всѣ 200 сохъ, но теперь и монастырь обнищалъ и не можетъ уже оплачивать своихъ крестьянъ; то по сему Игуменъ Ѳеодосій и просилъ облегчить участь бѣдныхъ крестьянъ, не отягощать ихъ оброкомъ и избавить ихъ отъ всѣхъ другихъ повинностей и предоставить надъ крестьянами всю власть собственно Игумену, кромѣ одного смертоубійства.

Угличскій Приказъ именемъ юнаго Царевича Димитрія постановилъ: оброкъ взимаемый съ монастырскихъ крестьянъ уменьшить, всѣ другія пошлины и повинности прекратить, предоставить монастырю полную власть и судопроизводство, кромѣ душегубства. Внимая челобитной Игумена, Угличскимъ крестьянамъ запрещено было даже входить въ домы монастырскихъ крестьянъ, а если кто придетъ незванный на пиръ къ монастырскимъ крестьянамъ; то сею грамотою велѣно выводить таковыхъ со стыдомъ. Отъ Царевичева двора былъ назначенъ особенный Чиновникъ Михайло Меньшиковъ, который вмѣстѣ съ Ростовскимъ Архіепископомъ, или его

повѣреннымъ долженъ былъ участвовать въ нѣкоторыхъ дѣлахъ монастырскихъ крестьянъ и собирать умѣренную дань.

Эта драгоцѣнная грамота Димитрія Іоанновича найдена въ Покровскомъ Угличскомъ монастырѣ. Она показываетъ, что Покровскій монастырь имѣлъ множество жертвованныхъ крестьянъ, въ одномъ только Угличскомъ Княжествѣ, а вѣроятно, что онъ имѣлъ ихъ и въ другихъ Княжествахъ. Ежели Игуменъ справедливо описываетъ бѣдность своихъ крестьянъ; то должно думать, что въ 1585 году былъ неурожай хлѣба. Эта грамота поясняетъ также, что не всѣ монастырскіе крестьяне пользовались одинакими правами; ибо другіе монастыри владѣли ими совершенно какъ собственностію. (*) Послѣ заточенія Василія Темнаго и Царевича Димитрія былъ въ Угличѣ еще одинъ вѣнценосный изгнанникъ, сынъ Шведскаго Короля Эрика Принцъ Густавъ, изгнанный братомъ изъ Швеціи. Онъ ласково былъ приглашенъ въ Россію Борисомъ Годуновымъ; онъ далъ ему въ удѣлъ Калугу,

---

(*) Ежели Покровскій монастырь только имѣлъ 200 тяголъ; то должно считать 1500 душъ.

осыпалъ его благодѣяніями, и хотѣлъ было выдать за Густава дочь свою Царевну Ксенію, хотѣлъ было отнять для своего зятя, если не престолъ Шведскій, то покрайней мѣрѣ, Ливонію. Но Густавъ, влюбленный прежде въ кого-то, не хотѣлъ жениться на Ксеніи; тогда Годуновъ въ гнѣвѣ отнялъ у него Калугу и заточилъ Принца въ Угличскую крѣпость подъ крѣпкую стражу; это было въ 1601 году. Густавъ долго жилъ въ Угличѣ, занимался отъ скуки въ заточеніи утѣшительными науками, а особенно Химіею, за что Угличане провозгласили его чародѣемъ и чернокнижникомъ. Вѣроятно Густавъ дѣлалъ чудные для непросвѣщенныхъ Угличанъ химическіе опыты. Изъ Углича Густава перевели въ Ярославль, а потомъ въ Кашинъ, гдѣ онъ и умеръ съ тоски по своей любезной и по милому отечеству. Шведскій Полководецъ Дела-Гарди и посланникъ Петрей посѣщали могилу своего бѣднаго изгнанника на берегу рѣки Кашенки въ прекрасной березовой рощѣ.

РАЗЗОРЕНІЕ УГЛИЧА ПОЛЯКАМИ.

Обстоятельства, предшествовавшія осадѣ Углича и его тогдашнее состояніе.
(1611 *году.*)

Угличъ, древнѣйшій изъ Русскихъ городовъ, построенъ Яномъ братомъ В. Княгини Ольги на правомъ берегу Волги. Послѣ раззоренія его Годуновымъ прошло еще только 19-ть лѣтъ, но онъ уже могъ долго и сильно противиться Полякамъ, какъ нѣкогда Козельскъ Батыю; слѣдовательно онъ имѣлъ уже довольно жителей и войска. Годуновъ истребивши послѣднюю вѣтвь Рюрикова дома, старался истребить и свидѣтелей своего злодѣянія. Онъ въ 1591-мъ году опустошилъ Угличъ жестокими казнями, ссылками и заточеніями; но истребляя противниковъ, онъ благодѣтельствовалъ своимъ приверженцамъ, и вообще кому только могъ сдѣлать какое-нибудь добро. И потому Угличъ вскорѣ опять населился, особенно послѣ того, какъ молва произвела въ народѣ ропотъ, что Димитрій Царевичъ убитъ въ Угличѣ по волѣ Годунова, послѣ Московскаго пожара и послѣ уничтоженія

права переходить крестьянамъ отъ одного владѣльца къ другому. Все это и тысячи другихъ честолюбивыхъ его поступковъ, заставили Россію содрогнуться и ненавидѣть Годунова. Но, слыша ропотъ народа, Годуновъ и самъ содрогнулся и—благодѣянія его полились на всѣхъ рѣкою,-такъ онъ постепенно присылалъ въ Угличъ то новыхъ Бояръ и Воеводъ, то купцевъ и граждaнъ вообще, и особенно благодѣтельствовалъ онъ стрѣльцамъ и дѣтямъ Боярскимъ, давалъ имъ въ Угличѣ и въ окрестностяхъ его земли, деньги и все, чѣмъ можно привлечь къ себѣ любовь и благодарность.

По смерти Царевича Димитрія, Угличъ уже не имѣлъ болѣе собственныхъ Князей, но принадлежалъ Московскимъ Государямъ и управлялся съ тѣхъ поръ ихъ Намѣстниками. Одинъ изъ таковыхъ Намѣстниковъ управлялъ Угличемъ въ 1611 году, въ самое несчастное для Россіи время, когда Царь Русскій Василій Іоанновичъ Шуйскій былъ Русскими измѣнниками выданъ Польскому Королю, столица Россіи Москва была отдана Полякамъ, какъ бы ихъ собственность, когда Ангелъ-спаситель Россіи Скопинъ-Шуйскій былъ отравленъ низкими чес-

толюбивыми его завистниками, и вся Россія подпала подъ власть многихъ разнородныхъ и разноплеменныхъ бродягъ, честолюбцевъ и корыстолюбцевъ. . . . Гдѣ же Русская храбрость? Гдѣ ея сила, гдѣ полмиліона Годунова войска, которое такъ быстро собиралось къ нему на пиръ и за полученіемъ милостей? Гдѣ дѣвался Русскій непреклонный духъ? . . . Гдѣ все это? Увы! . . . Годуновъ все повергъ въ одну могилу съ Царевичемъ Димитріемъ Угличскимъ. Но изъ могилы Святаго Страстотерпца возсталъ духъ мститель въ видѣ демона-Лжедимитрія, чтобы поразить ужасомъ царсубійцу, обезумить умнѣйшаго и возмутить всю Россію и всякое Русское сердце порознь. Настало время Небесной кары, затрепеталъ Годуновъ на похищенномъ тронѣ, застонала Россія отъ бича Небеснаго и въ безпамятствѣ не знала кого слушать. Ужасъ и вспомнить! Святому Димитрію Угличскому Страстотерпцу поютъ молебны, Лжедимитрію гремитъ анаѳема; Царица-Инокиня пишетъ грамоты ко всей Россіи, клянется предъ нею небомъ и адомъ, что сынъ ея Димитрій скончался на рукахъ ея въ Угличѣ; а Лжедимитрій въ то же время пишетъ безтолковыя грамоты къ Россіянамъ: и Россія имъ вѣритъ . . . Не явная ли это казнь Божія?

Послушаемъ ту и другую грамоты. (изъ Собран. древ. актовъ.)

„Мы Димитрій (*) Іоанновичъ Царь Московскій, Владимірскій, Угличскій и прочая, посылаемъ къ вамъ людіе мои сію грамоту: когда по смерти нашего родителя Царя и Великаго Князя послали насъ измѣнники наши въ Угличь, и толикое угнѣтеніе намъ дѣлали, чего и рабамъ дѣлать негодно; прислали много воровъ и велѣли насъ портити и губити; но Богъ избавилъ насъ отъ злодѣйскихъ умысловъ и укрылъ до возрастныхъ лѣтъ: а васъ, Бояре и всѣ людіе мои, увѣрили, будто насъ Великаго Государя не стало, и что насъ похоронили въ Угличѣ; а вы людіе мои, не знали, что мы живы, и присягнули Борису, не вѣдая его злодѣйскаго нрава, и боясь его владычества и силы; ибо онъ жаловалъ и казнилъ кого хотѣлъ. Мы же васъ не казнимъ, что вы противустали законному Государю; ибо вы не вѣдали и боялись даже говорить объ насъ, что мы живы.«

Эта грамота чрезвычайно длинна, и стократно повторяетъ одни и тѣ же нелѣпости. Лесть и красносплетенная ложь господствуютъ

(*) Лжедимитрій.

во всякомъ словѣ. А между тѣмъ, Лжедимитрій ни слова не говоритъ, и въ цѣлую жизнь не сказалъ самаго необходимаго т. е. *кто именно увезъ его изъ Углича; кто этотъ безцѣнный его спаситель;* какимъ образомъ все это было? Ежелибы онъ указалъ на благодѣтельныя лица, спасшія его,—на время,—на обстоятельства сопровождавшія его чудное и занимательное бѣгство: то онъ нѣсколькими словами голой истины скорѣе бы увѣрилъ Россію и Исторію, нежели длиннымъ наборомъ словъ, которыя обнаруживаютъ яснѣе его ложь, чѣмъ доказываютъ истину. И при всемъ этомъ казнимая Богомъ Россія вѣрила больше самозванцу, чѣмъ словамъ Царицы-матери, отказавшейся съ клятвою отъ сего бродяги. Вотъ ея грамота: (*) „Почто, православная Русь, вѣрите и слушаете враговъ нашихъ Литовцовъ? Нынѣ послала язъ къ вамъ брата своего Боярина Григорія Федоровича Нагово, и съ нимъ послала къ вамъ образъ сына моего благовѣрнаго Царевича Димитрія Іоанновича, чтобъ ваши глаза видѣли и сердца просвѣтилися и на истинный путь обратилися! А мнѣ то заподлинно вѣдомо, что Великій Государь Царь Василій

(*) Собраніе грамотъ Государственныхъ, т. IV. стр. 318.

Іоанновичъ всея Руси васъ пощадитъ и вины ваши покроетъ своимъ Царскимъ милосердіемъ: мнѣ онъ то свое Царское слово молвилъ, а я васъ на то благословляю и прошу у Бога, чтобъ сердца ваши на истинный путь обратилъ, и тогдабъ вы жили въ домахъ своихъ спокойно и безмятежно. И тому истинно вѣрьте, что и тотъ первый богоотступникъ былъ не сынъ, а воръ рострига Гришка Отрепьевъ, и убитъ на Москвѣ: мои очи его мертва видѣли; а истинный Государь мой сынъ Царевичь Димитрій Іоанновичъ убитъ на Угличѣ въ 1591 году, скончался на рукахъ моихъ. А нынѣ его Святыя мощи сами о себѣ свидѣтельствуютъ неизреченными чудесы.« Ни словамъ Царицы, ни чудесамъ мощей Россія не повѣрила, пока не выстрадала всѣ грѣхи свои: около девяти лѣтъ она лила усердно или по неволѣ, кровь свою въ заблужденіи, покуда Мининъ не пробудилъ Рускую душу и не показалъ Россіи, чѣмъ и какъ должно спасать свое отечество. Богъ и Россія избрала избранника Божія Михаила Ѳеодоровича для блага ея, и съ тѣхъ поръ Россія счастлива и счастлива навсегда до скончанія вѣковъ; ибо вѣчепъ избравшій его Богъ.

Яснѣе всего самозванецъ самъ доказалъ;

онъ не любилъ Россіянъ; и при возшествіи на престолъ, служили ему не старые друзья и благодѣтели, а новые измѣнники и жадные къ Русскимъ сокровищамъ Поляки, которымъ онъ обѣщалъ чуть не пол-Царства Русскаго. Въ собраніи Государственныхъ грамотъ и договоровъ въ статьѣ объ избраніи на престолъ Михаила Өеодоровича всѣ Государственные чины клятвенно утвердили, что *Царица Инокиня Марөа, когда ее спрашивали, почему она признала самозванца за сына? говорятъ: Неволя, муки, и муки всей православной Руси подвигли ее, яко немощную и сердобольную жену.* Далѣе на страницѣ 605-й, т. 1-го. „Егдаже всеобще обличиша проклятою въ прелест: вражіей; и Царицу Великую Княгиню Инокиню Марөу всенароднымъ множествомъ вопрошаше. Онажъ всеявно исповѣда, яко сынъ ся Царевичь Димитрій на Угличѣ, повелѣніемъ Бориса Годунова, яко незлобивое агня, закланъ бысть, и своима рукама она многострадальное его тѣло погрѣбе, и образъ лица его изъ своихъ сокровищъ изнесе, паченъ много Бояръ и многолюдство при смерти и погребеніи быша, и тіи самовидцы свидѣтельствоваху, а нынѣ лежатъ его мощи на Угличѣ, чудеса дѣюще безчисленны. Сего же злокозненнаго еретика не вѣмы

и отрекаемся яко отъ сатанинскаго рождения.« Царица Инокиня Маѳа могла однимъ словомъ остановить взволновавшуюся и устремившуюся на самозванца Москву, могла сказать: *стойте! это сынъ мой!* Но и тогда, когда ее спрашивали, она отреклась отъ него. Когда самозванецъ узналъ, что чудеса отъ мощей Царевича Димитрія происходящія прославили страстотерпца и привлекли со всѣхъ сторонъ поклонниковъ въ Угличъ; то онъ хотѣлъ было выбросить его Святыя мощи, увѣряя, что это какой-то *Поповичъ.* Почемужъ онъ не выбросилъ? Царица мать Святаго не дозволила ему. Это было уже свыше материнскихъ чувствъ, чтобы дозволить поругать могилу ея сына. И самозванецъ съ опасностію своей жизни долженъ былъ покориться необходимости, и допустить, чтобы прославляли истиннаго Царевича и проклинали въ послѣдствіи его самаго, какъ Лжедимитрія. Но всего лучше свидѣтельствуетъ Нѣмецкій *Пасторъ Берръ,* служившій Лжедимитрію. Вотъ его слова: 1.) *Голландецъ Клаузендъ служившій придворнымъ аптекаремъ* въ Россіи 40 лѣтъ: Іоанну, Ѳеодору, Годунову, самозванцу и видѣвшій младенца—Царевича ежедневно, сказывалъ мнѣ утвердительно, что мнимый Царь вовсе непохожъ

на Царевича, котораго онъ коротко зналъ: у Царевича было смуглое лице и всѣ черты имѣлъ матери своей. 2.) Ливонская плѣнница дворянка Тизенгавзенъ, (освобожденная въ 1611 году) была повивальною бабкою у Царицы Маріи Ѳеодоровны; она принима Царевича Димитрія, жила у ней въ Москвѣ и въ Угличѣ, служила ей днемъ и ночью, видѣла Димитрія живаго и мертваго; она увѣрила меня, что Димитрій Царевичь зарѣзанъ въ Угличѣ. 3.) Скоро по убіеніи Лжедимитрія въ Москвѣ, я удалился изъ Москвы въ Угличъ. Тамъ разговаривая съ однимъ маститымъ старцемъ, бывшимъ слугою Царицы Маріи, я заклиналъ его открыть мнѣ истину объ убитомъ въ Москвѣ Царѣ. Онъ перекрестясь такъ отвѣчалъ мнѣ: *Москвитяне клялись ему въ вѣрности и нарушили клятву; не хвалю ихъ за душегубство; ибо убитъ человѣкъ умный и храбрый, однако не сынъ Іоанна; тотъ, дѣйствительно, зарѣзанъ здѣсь въ Угличѣ: я видѣлъ его и живаго и мертваго ежедневно; онъ зарѣзанъ подосланными злодѣями на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ всегда игралъ. Богъ Судія нашимъ Князьямъ и Боярамъ: время покажетъ, будемъ ли мы счастливѣе!*

Угличанинъ и слуга Царицы говоритъ о

самозванцѣ съ нѣкоторымъ сожалѣніемъ, можетъ быть, потому, что самозванецъ улучшилъ его судьбу, лаская вообще Угличанъ, чтобъ они не свидѣтельствовали о его самозванствѣ, вѣрнѣеже потому, что дознаяъ на опытѣ, что убійства никогда къ добру не ведутъ. Петрей говоритъ, что „самозванцу было уже лѣтъ за тридцать, а Царевичу было бы всего только около 25-хъ лѣтъ." Итакъ ежели Годуновъ и успѣлъ бы заглушить молву о смерти Царевича въ Россіи: то иностранцы, видѣвшіе все происходившее въ Москвѣ и въ Угличѣ, все записали для насъ.

Война пылала во всей Россіи; грабители и огонь, оставляемый ими, пожиралъ труды, достояніе и счастіе бѣдныхъ нашихъ предковъ. Семь лѣтъ всякій Россіянинъ *не могъ быть увѣренъ, что онъ доживетъ до завтра.* Поляки, Литовцы, Казаки, Нѣмцы и Шведы бродили по всей Россіи и дѣлали каждая толпа, что хотѣла; а въ Россіи не было ни войска, ни полководца. Въ это ужасное для Россіи время надобно было бы явиться генію, который бы могъ вдругъ пробудить упывшій Россійскій духъ и долженъ бы на каждомъ шагу обширной Россіи поражать непріятелей, враговъ и измѣнниковъ. Одного самозванца убили и сожгли; вдругъ

явилось ихъ три. *Это была казнь грѣхъ нашихъ ради!* Какъ, изъ милліоновъ Россіянъ не нашлось умнаго человѣка, который бы освободилъ отечество отъ этой бродящей сволочи! Скопинъ-Шуйскій и Ляпуновъ нашлися и, кажется, способны были спасти отечество; но видно, что еще казнь Божія не кончилась, и потому спасители Россіи сами не спаслись отъ рукъ злодѣевъ. Наполеонъ погасилъ цѣлый адъ безконечной Французской революціи; а у насъ не нашлось ума, чтобы сладить съ грабителями и бродягами!...

Въ собраніи древнихъ актовъ есть *отписка Ярославцевъ къ Пермичанамъ, Чердынцамъ и Кайгородцамъ*: »Объ уходѣ Лисовскаго изъ подъ Ярославля; о присылкѣ ратныхъ людей на помощь Угличу, и о пособіи раззореннымъ городамъ 1609. Отъ 15 Іюня писали къ намъ Угличане: Елизаръ Карсаковъ, Богданъ Невѣдревъ, Богданъ Нагинъ, Иванъ Лаптевъ, что подъ Угличъ пришли многіе Литовскіе люди съ Паномъ Островскимъ, и стоятъ подъ Угличемъ во многихъ мѣстахъ за 6 и 7 верстъ отъ города, и собираютъ силу, и хотятъ приступить къ Угличу со всѣхъ сторонъ. Угличане просятъ отъ насъ помощи, но мы и сами обѣднѣли, отбивая Пана Лисовскаго отъ Ярославля. Намъ бы послать, господа, подъ

Угличъ ратныхъ людей, зелья и свинцу, и велѣть людямъ спѣшить и день и ночь.» Этими словами Ярославцы умоляютъ Великой Пермiи Посадниковъ, уѣздныхъ старостъ и цѣловальниковъ и всѣхъ Пермичанъ, заклинаютъ ихъ именемъ Бога и вѣчною наградою, чтобъ они поспѣшили подать необходимую помощь осажденному Угличу; описываютъ далѣе: Городецъ, Кашинъ, Калязинъ и Тверь съ своими областями повинуются Государю Василiю Iоанновичу Шуйскому; и что бояринъ Воевода Князь Скопинъ-Шуйскiй съ великимъ войскомъ Нѣмцевъ и Россiянъ идетъ отъ Новгорода къ Москвѣ. Они прибавляютъ: „Мы, господа, посылали Угличу часть ратныхъ людей и зелья и свинцу, когда и сами нуждались въ оныхъ.—А въ тѣ поры, когда прiѣзжалъ къ намъ Угличскiй гонецъ, прислалъ къ намъ такъ-же гонца съ письмомъ Давидъ Жеребцовъ изъ Костромы; онъ пишетъ къ намъ, что Лисовскiй приступилъ къ Костромѣ и нападаетъ на Ипатьевскiй монастырь.

Эта драгоцѣнная по древности своей грамота многое поясняетъ въ Исторiи Углича: 1-е) Она доказываетъ, что Угличане никогда не измѣняли своему Царю и своей клятвѣ. Напротивъ когда Угличане просили помощи отъ

другихъ: то значитъ, что они сами рѣшились и поклялись защищаться до послѣдней возможности; ибо въ тогдашнее гибельное время нельзя было положиться ни на чью помощь; тогда всякій городъ и всякій Россіянинъ долженъ былъ защищать собственные имущество,—честь и жизнь. 2-е) Называетъ драгоцѣнныя имена дѣйствователей Угличской чести и славы; жаль, что званіе ихъ не записано для потомковъ, но естественно можно полагать, что сіи четыре мужа играли важныя роли въ спасеніи Углича: они могли быть главными предводителями Угличскихъ дружинъ, героями въ битвахъ и совѣтниками въ Угличской Думѣ.—За недостаткомъ историческихъ свѣденій, можно полагать, что *Елизаръ Карсаковъ* былъ Намѣстникъ Угличской области, *Богданъ Невѣдревъ* Стрѣлецкій Воевода, а *Богданъ Нагинъ* и *Иванъ Лаптевъ*, или выборные изъ Угличскихъ гражданъ, или Стрѣлецкіе Головы. Во всякомъ случаѣ, имена этихъ мужей должны быть священны для потомства; ибо они жили и дѣйствовали въ такую ужасную эпоху, когда Угличъ и вся Россія должна была рѣзаться за свою честь и свободу со множествомъ враговъ, наводнявшихъ Россію, и, не смотря на все это, они вдохнули въ Уг-

личанъ духъ геройскій и многократно отражали бродящихъ грабителей, пока сами не обагрили стогны Углича своею геройскою кровію: 3-е) Эта переписка Угличанъ, Ярославцевъ и Пермичанъ именуетъ, хотя одного изъ Польскихъ предводителей—*Островскаго*, который долго осаждалъ и часто приступалъ къ Угличу. Неизвѣстно только, успѣлъ ли онъ покорить Угличъ. 4-е) Островскій осаждалъ Угличъ до пораженія Шуйскимъ Поляковъ близъ Колязина, не болѣе какъ за полгода. 5-е) Указываетъ время осады Углича именно 1609 годъ. Карамзинъ говоритъ, что въ 1609 году Ростовъ взятъ Поляками, ограбленъ и разоренъ; а Митрополитъ Филаретъ взятъ въ плѣнъ и въ рубищѣ отвезенъ къ Тушинскому самозванцу. Ярославль выдержалъ жестокую и долговременную осаду и купилъ свою цѣлость и свободу у Поляковъ *тридцатью тысячами рублей*. Впрочемъ тогда золотомъ нельзя было спастися отъ множества грабителей, а только привлечь болѣе ихъ жадность.

Послѣ того Карамзинъ пишетъ, что *вся Сѣверная Россія, отъ Углича и до Бѣлаго моря, опять повинуется законному Царю Василію;*—а въ 60-ти верстахъ отъ Ярославля, въ селѣ Даниловскомъ, собрались нѣсколько тысячъ

крестьянъ, долго разили Поляковъ и измѣнниковъ, и наконецъ сами всѣ пали отъ мстительнаго меча ихъ. Въ Ярославлѣ сварили одного измѣнника въ котлѣ, за то, что онъ, будучи измѣнникомъ, пришелъ отъ Поляковъ уговаривать ихъ сдать городъ.—Всѣ этѣ столь быстрыя перемѣны доказываютъ, что многіе Польскіе завоеватели и многократно приходили въ Сѣверную Россію и покаряли тѣ или другіе города, или уходили со стыдомъ отъ храбрыхъ защитниковъ родины, какъ отъ Углича. Вотъ еще примѣръ этому. Въ концѣ 1608-го года Поляки и Переславскіе измѣнники осаждали Ростовъ, и въ тоже время угрожали Угличу. Это отрядъ Сапеги, отправленный для покоренія Сѣверной Россіи. Еще Ростовъ держался, еще Митрополитъ Филаретъ зажигалъ сердца и души вѣрою въ Бога и вѣрностію къ Царю. Ревностный Пастырь своего стада, будучи уже осажденнымъ въ Ростовѣ, не забылъ и Угличанъ, и нашелъ случай и возможность прислать съ Угличскимъ Протопопомъ умилительное поученіе Угличанамъ. Вотъ его содержаніе: Христіане! заклинаю васъ живымъ Богомъ и Пречистою Его Матерію, возложите упованіе ваше на Промыслителя—Бога, не страшитеся Ляховъ; но съ вѣрою въ душѣ, муже-

ствомъ въ сердцѣ и съ любовію къ родинѣ станьте твердо и единодушно противъ враговъ и грабителей! Спасите имя свое отъ стыда, городъ отъ раззоренія, и гробы отцевъ отъ поруганія! Эта проповѣдь была уже послѣдняя Угличской его паствѣ; но она долго воодушевляла Угличанъ вѣрою, и вѣрностію.

Изъ всего вышесказаннаго видно, что Угличъ былъ осажденъ въ первый разъ еще въ 1609 году, а не въ 10, какъ нѣкоторыя Угличскія рукописи говорятъ, что Филаретъ въ 1610 году не могъ писать къ Угличанамъ посланій, потому что былъ въ плѣну.

Выписка изъ Писцовыхъ книгъ, писанныхъ Стольникомъ Михайломъ Ѳеодоровичемъ Самаринымъ и подьячимъ Михайломъ Русиновымъ въ 1674, 5 *и* 6 *годахъ, за скрѣпою руки Русинова* (*). Это подробное состояніе Углича въ 1674 году, *объясняетъ* намъ, каковъ онъ былъ и во время его осады, и раззоренія его въ 1611 году.

Городъ Угличъ на правомъ углу Волги, крѣпость его, рубленная въ двѣ стѣны изъ тесаннаго сосноваго лѣсу, покрыта тесомъ, около

(*) Рукопись купца Кожевникова; здѣсь она сокращена изъ Славянскаго языка.

стѣны ровъ глубиною въ 8-мь саженъ и шириною также, чрезъ ровъ сосновый мостъ въ 18-ть саженъ и поперегъ 3 сажени. Надъ мостомъ Никольскіе ворота, состоящіе изъ двухъ башенъ о шести углахъ. Ворота на пятахъ съ желѣзными затворами, на воротахъ образъ Живоначальныя Троицы, рѣшетка въ воротахъ деревянная, запускная. Ворота шириною въ 5-ть саженъ, а съ городской стороны на воротахъ образъ Царевича Димитрія и Князя Романа. Отъ Никольскихъ воротъ на лѣво идетъ городовая стѣна до *наугольной башни*, что возлѣ торгу, длиною 31 сажень. Эта башня мѣрою, внутри города, отъ одной стѣны и до другой, имѣетъ пол-девяти сажени. Отъ наугольной башни и до *Спасской, что надъ Спасскими воротами* считается городовой стѣны мѣрою 34 сажени безъ чети. Надъ Спасскими воротами извнѣ образъ Спасителя. Ворота створчатые на пятахъ, всѣ запоры, замки и кольца желѣзные; внутрь города на воротахъ образъ Успенія Богородицы. Вокругъ Спасскихъ воротъ 12 саженъ;—изъ воротъ простирается чрезъ ровъ деревянный съ перилами мостъ, длиною въ 19 саженъ, а шириною въ $3\frac{1}{2}$ сажени; внутренность башни шириною въ 5-ть саженъ, рѣшетка деревянная за-

пускная. Отъ Спасскихъ воротъ къ Волгѣ стѣна длиною до *наугольной башни*, что на обрубѣ 30 сажень, вокругъ угольной башни $9\frac{1}{2}$ саж.; обрубъ насыпанъ землею внизъ по Волгѣ во всю длину стѣны; а вышина тому обрубу 4 саж. и болѣе. Отъ наугольной башни по обрубу городовой стѣны, по теченію Волги до *глухой середней башни*, 52 саж., а около башни 10 саж. Отъ глухой середней башни по обрубу до *наугольной башни*, что у церкви Ц. Димитрія на крови, городовой стѣны $40\frac{1}{2}$ саж., башня въ окружности 8 саж. Отъ угольной башни до *выходной башни* $8\frac{1}{2}$ саж. Башня рублена о 4-хъ углахъ въ лапу, за стѣну башни выпущено на сажень, гдѣ устроена калитка къ Волгѣ съ желѣзнымъ засовомъ; а около той башни внутри города отъ одной стѣны до другой $5\frac{1}{2}$ саж. Отъ проходной башни вверхъ по каменному ручью до глухой башни городовой стѣны $26\frac{1}{2}$ саж., а осыпи возлѣ той стѣны къ каменному ручью $12\frac{1}{2}$ саж., а около глухой башни внутри города отъ одной стѣны до другой $5\frac{1}{4}$ саж. Отъ этой башни до другой *глухой же башни* городовой стѣны 27 саж., а около башни 8 саж. Отъ этой башни до *наугольной башни* городовой стѣны 25 саж., а около башни болѣе 8 саж. Отъ наугольной башни до

проѣзжихъ Никольскихъ воротъ городовой стѣны 25 саж., а около Никольскихъ воротъ 10 с.: а всего крѣпостная стѣна простирается вокругъ на $366\frac{1}{2}$ саженъ. Всѣ башни рублены въ лапу о 6-ти углахъ, числомъ ихъ всего одиннадцать; вышиною башни въ 5-ть, 7-мь и болѣе саж.; вышина городовой стѣны до 2-хъ саж., а въ иномъ мѣстѣ болѣе 5-ти саж.; ширина городовой стѣны во всѣхъ мѣстахъ двѣ саж., а противъ обломовъ $2\frac{1}{4}$. Всѣ башни и стѣны крыты тесомъ подъ кровлею, по всей стѣнѣ стоятъ сосновыя *катки*; а во всѣ башни и на стѣны сдѣланы изъ внутри города потаенныя лѣстницы и проходы съ дверями. На стѣнахъ противъ обломовъ и внутри оныхъ дощатые перила, забранные въ балки. На стѣнахъ и въ башняхъ *въ три ряда стоятъ бойницы*; въ стѣнѣ на всякомъ перерубѣ дверцы, которыми входятъ къ *нижнимъ бойницамъ*.

Отъ Никольскихъ воротъ къ Каменному ручью *надолобъ* на 30 саж., а къ торгу надолобъ на $21\frac{1}{2}$ саж., а отъ Спасскихъ воротъ къ Волгѣ надолобъ въ 25 саж, а тѣ всѣ надолобы во многихъ мѣстахъ отгнили и развалилися. Надъ Никольскими воротами стоитъ мѣдная пушка длиною въ саж. съ верш., (по кружалу) т. е. зарядное ядро, вѣсомъ *гривенка* безъ чети; возлѣ пуш-

ки 40 ядеръ. Другая желѣзная пушка и 30 ядеръ въ полторы гривенки. Далѣе описывается, что и на всѣхъ другихъ башняхъ по двѣ, по три и болѣе пушекъ, и возлѣ каждой не менѣе 20 ядеръ, которые бываютъ и по десяти гривенокъ вѣсомъ. Всѣхъ же пушекъ по стѣнамъ и башнямъ *двадцать шесть*, *а къ тѣмъ пушкамъ ядеръ разнаго вѣсу* 800, самопальныхъ стволовъ 35, заржавленныхъ и негодныхъ замковъ 31, *усичковъ дробовыхъ* желѣзныхъ хранится 118, тонкихъ желѣзныхъ усичковъ (*) 200, свинцу, на таможенномъ дворѣ вѣсомъ 46 пудъ, годнаго зелья (пороху) къ стрѣльбѣ 35 пудъ, да стараго негоднаго пороху 50 пудовъ: кромѣ тѣхъ пушекъ и ядеръ, что на стѣнахъ крѣпости и за Соборомъ лежатъ, всѣ другіе снаряды хранятся въ погребахъ, коихъ въ крѣпости два, и два также казенные анбара.

Городъ Угличъ раздѣлялся на три части: на *крѣпость или Княжій городъ*, на *земляной или собственно городъ*, и на *стрѣлецкія слободы*.

Крѣпость состояла изъ широкаго рва глубиною въ 10, а шириною въ 8 саженъ; за рвомъ огромный валъ; на валу двойная деревянная крытая стѣна; на стѣнѣ башни съ бойницами и

(*) Названіе оружія.

пушками; во рвахъ протекали—въ сѣверномъ каменный ручей, а южномъ Шелковка. Земляной городъ имѣлъ также свои укрѣпленія: онъ окруженъ былъ также рвомъ и валомъ, только гораздо меньше крѣпостныхъ; этотъ ровъ, кажется, наскоро былъ вырытъ предъ нашествіемъ Татаръ. Крѣпость была застроена Княжескими дворцами, кои были и каменные и деревянные; разрядная изба, посольская изба, Угличскій Приказъ; пушечный Приказъ, также Княжескія службы; словомъ: въ крѣпости помѣщалось все Княжеское, казенное,—а въ земляномъ городѣ все частное, обывательское. Стрѣлецкія слободы были разсѣяны вокругъ земляного города со всѣхъ сторонъ, и особенно по дорогамъ простирались онѣ на большое разстояніе, даже до Грѣхова ручья съ одной стороны, и до Золоторучья съ другой; сію-то окружность города считали въ 24-е версты. По свидѣтельству всѣхъ Угличскихъ лѣтописей, Угличъ до Польскаго раззоренія имѣлъ 150 церквей, въ томъ числѣ три Собора: Преображенскій, Успенскій и Благовѣщенскій; десять церквей содержалися прежде отъ Князей и Бояръ на ругѣ. Двѣнадцать Монастырей, три дѣвичьихъ и девять мужескихъ, пятнадцать церквей находились по ту сторону Волги. Еслибъ

это не было преувеличено; то такое множество церквей должно служить памятникомъ, свидѣтельствующимъ о набожности нашихъ предковъ, о красотѣ и обширности Углича. По тѣмъ же лѣтописямъ въ Угличѣ считалось 17,000 *тяглыхъ домовъ*, несущихъ всѣ повинности и оброки. Всѣхъ же жителей было въ Угличѣ 40,000 обоего пола и всѣхъ сословій вообще. Дьяковъ, Подьячихъ, Писцовъ, Стрѣльцовъ, или вообще всѣхъ и Военныхъ и Гражданскихъ чиновъ высшихъ и низшихъ, которые служили въ Угличѣ, считалось 9,000 человѣкъ.

Трудно повѣрить, знавши Исторію, чтобы Угличъ былъ такъ обширенъ и многолюденъ предъ раззореніемъ его Поляками; ибо девятнадцать лѣтъ еще только прошло отъ раззоренія его Годуновымъ, а самозванцу и Шуйскому нѣкогда было населять Угличъ.

ПЕРВАЯ БИТВА УГЛИЧАНЪ СЪ ПОЛЯКАМИ.

Поляки, Литовцы и Казаки пришли къ Угличу двумя дорогами—Московскою и Ростовскою; они остановились по ту сторону Грѣхова ручья въ шести верстахъ отъ Углича; выгнали

изъ окрестныхъ деревень жителей и заняли для себя квартиры; послѣ того главная квартира ихъ была *въ Селунскомъ бору*, на правой сторонѣ Ростовской дороги, въ семи верстахъ отъ Углича. Выгнанные Поляками изъ деревень, жители прибѣжали толпами въ городъ и возвѣстили ему о пришествіи Поляковъ. Весь Угличъ пришелъ въ движеніе: Намѣстникъ, Воевода, Духовенство и знатнѣйшіе граждане составили *Вѣче*: здѣсь разсуждали они о средствахъ спасти городъ, честь, жизнь и гробы отцевъ отъ поруганія, какъ заповѣдывалъ имъ Митрополитъ Филаретъ въ своемъ посланіи. Они точно рѣшились и поклялись—или умереть правыми, или побѣдить непріятелей. И потому взяли всѣ возможныя мѣры къ защитѣ города: они собрали наскоро ратныхъ людей въ городъ со всей области, свозили съѣстные запасы, укрѣпляли городъ, обучали ратниковъ, и между тѣмъ разставили вездѣ стражу и собирали свѣдѣнія о числѣ и движеніи Поляковъ.

Но Поляки еще не являлись къ стѣнамъ города; они долго собирали разбрѣвшіяся свои толпы, грабили окрестныя села и деревни, добывали себѣ провизію и стѣсняли, облегая постепенно, городъ. Всѣ эти приготовленія Поля-

ковъ предвѣщали Угличу сильную и долговременную осаду.

Угличане не имѣя сообщенія съ Москвою и видя Ростовъ въ осадѣ, обратились съ прошеніемъ помощи къ Ярославлю, сильному и богатому торговлею съ Англичанами. Ярославцы, откупившись отъ Лисовскаго, и желая предупредить другаго грабителя, прислали въ Угличъ часть своего войска, свинцу и пороху, какъ они сами писали объ этомъ Начальникамъ Великой Перміи, прося ихъ помощи для Углича. Пермичане не приходили, кажется, помогать Угличу, да и нѣкогда было; ибо съ 4-го Сентября нельзя уже было проѣхать безопасно ни въ городъ, ни изъ города. Окрестныя волости всѣ были опустошены, ближайшія къ городу деревни были заняты Поляками, и городъ постепенно былъ стѣсняемъ. Въ праздникъ Покрова, Поляки овладѣли Никольскимъ монастыремъ на Волгѣ при Устьѣ Грѣхова ручья, (*) Настоятель монастыря Даніилъ съ 30 братіями и до 200 окрестныхъ крестьянъ, затворился въ монастырѣ, долго сопротивлялся и до того ожесточилъ Поляковъ, что, когда наконецъ они ворвались въ стѣны

(*) Остатки сего монастыря и теперь еще замѣтны; онъ послѣ уже не возобновлялся.

монастыря, то изрубили всѣхъ монаховъ и крестьянъ, а которые хотѣли убѣжать чрезъ Волгу, тѣхъ безчеловѣчно перетопили въ водѣ. Не можетъ быть, чтобъ Угличане не знали о приступѣ Поляковъ къ монастырю; а между тѣмъ лѣтописи не говорятъ, чтобъ они помогали осажденнымъ монахамъ. Не можетъ быть также, чтобъ Угличане, рѣшившись защищаться, и не выходили изъ города противъ бродящихъ вокругъ Ляховъ.

Взятый монастырь Поляки обратили въ крѣпостцу, которая служила имъ важною защитою и хранилищемъ провизіи, оружія и награбленныхъ вещей. Поляки собирая свои силы приготовлялись къ приступу, а между тѣмъ успѣли захватить нѣкоторыя мѣста за Волгою, чтобъ и оттуда стеречь и стѣснять Угличъ. Прежде всего они старались *добыть языка*, то есть захватить кого-нибудь изъ Угличанъ, чтобы выпытать о силѣ Углича, о числѣ войска и о средствахъ защиты онаго.

Угличане между тѣмъ сожгли близкія строенія къ валу землянаго города, могшія служить Полякамъ защитою при нападеніи ихъ. Итакъ какъ Угличъ раздѣлялся на крѣпость и земляной городъ; то и войско было раздѣле-

но—на внутреннюю стражу—или охранное, и на передовое—или отряды. Стрѣлецкія слободы, гдѣ жили стрѣльцы еще отъ временъ Шемяки, были предмѣстіемъ Углича и служили ему защитою.—Войско Угличское состояло изъ трехъ отдѣленій; 100 человѣкъ было Царскихъ стрѣльцовъ подъ командою особеннаго Начальника; оно получало жалованье изъ Царской казны. Угличскихъ стрѣльцовъ считалось до 1,000 человѣкъ, которые въ военное время получали жалованье изъ Угличскаго Приказа, а въ мирное время обработывали землю подобно другимъ крестьянамъ и сами себя тогда продовольствовали; они-то населяли окрестныя Угличу слободы. Сверхъ того, при наступленіи опасности Угличу, Намѣстникъ Угличскій собралъ наскоро людей изъ Угличской области, присоединилъ къ нимъ дѣтей Боярскихъ, чиновниковъ Гражданскихъ, купцовъ и мѣщанъ, кто только могъ сражаться; такимъ образомъ составился гарнизонъ *тысячъ до четырехъ.*

Между тѣмъ Поляки прислали въ Угличъ грамоту отъ имени какого-то Яна. Кто этотъ Янъ? Лѣтописи не упоминаютъ его прозванія.—Неужели Островскій назывался Яномъ? Или онъ писалъ отъ имени Яна Сапѣги? Или Сапѣга самъ

пріѣзжалъ на время къ Угличу? „Преименитому и Богоспасаемому граду Угличу и господину Стрѣлецкому Полководцу Іоанну и всему его воинству здравствуемъ! Пишу къ вамъ, какъ христіанинъ, что пришелъ сюда не грады разорять, не кровь христіанскую проливать, но единственно хочу, чтобы вы признали Короля нашего Сигизмунда вашимъ Царемъ! Покоритесь ему, дайте вѣрную присягу и благоденствуйте въ мирѣ и покоѣ! Еслижъ воспротивитесь, то городъ вашъ будетъ кучею пепла и кровь пролитая падетъ на ваши головы.“

Угличскій Воевода Иванъ (какъ жаль что Исторія не записала для потомства прозванія и сего славнаго мужа)! созвалъ въ Соборъ Духовенство, Бояръ и гражданъ, прочиталъ имъ предложеніе Яна и спросилъ ихъ: что они намѣрены дѣлать? Угличане, выслушавъ предложеніе Яна, рѣшились всѣ единодушно отвергнуть оное, и лучше пасть съ оружіемъ въ рукахъ на развалинахъ роднаго города, на гробы своихъ отцевъ, чѣмъ предаться Полякамъ. Послали краткій, но ясный отвѣтъ Яну. *Милостей вашихъ не хотимъ, угрозъ вашихъ не боимся: мы вѣрными родились, вѣрными и умремъ за Царевича Димитрія, Князя Романа, за святые храмы и*

православную вѣру.—Поляки думали, что Угличъ имъ также легко достанется, какъ другіе города; но жестоко ошиблись, и потому приготовились къ страшной битвѣ. Они надѣялись однимъ быстрымъ ударомъ смять Угличанъ, взять городъ и жестоко наказать за такое рѣшительное сопротивленіе.

Угличане предвидѣли послѣдствія отказа, и потому, помолясь Богу, приготовились встрѣтить своихъ враговъ.—Съ разсвѣтомъ дня Поляки въ числѣ 5,000 густыми толпами быстро бросились къ Угличу. Угличане встрѣтили ихъ за городомъ дружно, ударили сильно, и стояли долго и крѣпко. Битва кипѣла, кровь лилася, мечи и копья блистали молніею при восходѣ солнца; воины падали, и смерть долго пировала. Тутъ бились всѣ сословія Углича; тутъ падалъ братъ возлѣ брата, сынъ подлѣ отца; каждаго оплакиваетъ мать, жена, сестра и дѣти, лишенные отца. Угличане! надобно представить себя на мѣстѣ сихъ умирающихъ героевъ, надобно почувствовать ихъ муки, чтобы достойно благословлять ихъ память. —Но они поклялись умереть, или спасти Угличъ. Любовь къ отечеству и духъ геройства услаждали ихъ смерть за вѣру и родину. Полководцы своимъ примѣромъ поощряли воиновъ;

они мужественно бились, и, отступивши въ Стрѣлецкія слободы, завлекли туда Поляковъ, и тутъ, будучи сами защищены строеніями, разили Ляховъ въ тѣснотѣ изъ за стѣнъ, перегородокъ и рогатокъ. Наконецъ утомленные Поляки не устояли; они въ быстрыхъ нападеніяхъ изнурились и начали отступать; тогда Угличане ударили наступательно, смѣшали Польскія дружины и обратили ихъ въ бѣгство. Угличане преслѣдовали ихъ до самыхъ укрѣпленій; но будучи и сами утомлены, не могли напасть на Польскія укрѣпленія. Герои—Угличане, прогнавъ непріятеля, подняли тѣла своихъ собратій и возвратились въ городъ, чтобы прославить Бога, даровавшаго побѣду. На другой день Угличане отпѣли своихъ братьевъ, родственниковъ и друзей, павшихъ на полѣ чести, защищая свою милую родину. Какая трогательная, умилительная картина! Сколько молитвъ, сколько слезъ и благословеній сопутствовало въ вѣчность павшимъ защитникамъ своей родины и свободы милыхъ сердцу! А Поляки, посрамившіе себя бѣгствомъ и озлобленные мужествомъ Угличанъ, старались искупить свой стыдъ новыми усиліями: они ежедневно въ теченіи двухъ недѣль нападали на Угличъ, употребляя всѣ свои усилія, всѣ воинскія хитрости,

но всегда были отражаемы съ новою славою, съ новымъ мужествомъ.

Наконецъ Поляки увидѣли, что силою трудно взять Углича и потому предводитель ихъ хитрый Янъ, обратился къ Угличанамъ со вторичнымъ воззваніемъ, самымъ льстивымъ и самымъ убѣдительнымъ. Угличане единодушно отвѣчали Полякамъ, что не сдадутъ города, покуда хоть одинъ человѣкъ останется на стѣнахъ онаго.

ВТОРАЯ БИТВА УГЛИЧАНЪ СЪ ПОЛЯКАМИ.

Гордые Поляки чрезвычайно были озлоблены вторичнымъ отказомъ Угличанъ, и тѣмъ ревностнѣе и настойчивѣе хотѣли взять городъ. Настала глубокая тишина въ ихъ лагерѣ, долго Поляки не выходили изъ онаго, только замѣтно было ихъ дѣятельное приготовленіе къ новому приступу; наконецъ, *на второй недѣлѣ великаго поста,* собрали всѣ свои силы и быстро ударили на Угличъ. Но Угличане были готовы; они давно уже ждали ихъ въ засадахъ. Поляки нахлынули какъ туча, и вдругъ загорѣлась сѣча въ Земляномъ городѣ на всѣхъ улицахъ, проулкахъ, и

перекресткахъ (*). Угличане били Поляковъ, стоя стѣною въ тѣсныхъ улицахъ и не допуская ихъ къ крѣпости; крыши, окна домовъ и заборы метали смерть въ дружины Поляковъ; когда же сѣча притупила уже мечи и копья, и истощила силы сражающихся: вдругъ является изъ вратъ крѣпости 500 воиновъ, сильныхъ, бодрыхъ, съ твердою надеждою на Бога и на успѣхъ. Въ то время засѣвшіе въ слободѣ ударили въ тылъ Ляхамъ. Поляки изумились появленію новыхъ силъ, думали, что новая рать больше прежней двинулась на нихъ и такъ оробѣли, что не знали куда бѣжать, и потому много изъ Поляковъ было взято въ плѣнъ, остальные бѣжали въ свои укрѣпленія. Эта битва была приготовлена Поляками рѣшительною для Угличанъ; были взяты всѣ мѣры, всѣ усилія, всѣ хитрости; Поляки сражаясь съ одной стороны хотѣли было обмануть Угличанъ, привлекая ихъ на одну сторону, а между тѣмъ съ другой стороны зашло болѣе 1,000 Поляковъ, чтобъ ворваться въ крѣпость; однако граждане и запасное

(*) Лѣтописи не поясняютъ: силою ли Поляки ворвались въ городъ, или Угличане нарочно ихъ заманили въ тѣсноту, чтобы съ меньшимъ для себя вредомъ бить Ляховъ изъ засадъ?

войско отстояли и тамъ крѣпость. Эта битва, по словамъ лѣтописи, была самая страшная и самая кровопролитная, и продолжалась болѣе 4-хъ часовъ,—что воины съ обѣихъ сторонъ бились *съ неизреченною храбростію и мужествомъ;* что изломавши мечи и копья, схватились въ ручной бой и въ бешенствѣ грызли другъ друга зубами. Поляковъ почти въ двое болѣе было убито. Выгода позиціи, хорошее распоряженіе начальниковъ, великое мужество воиновъ и наконецъ заступленіе Угличскихъ Святыхъ; даровало побѣду Угличу самую блестящую. Угличане вторично торжествовали побѣдѣ, вторично ликовали отъ радости, пѣли молебны и благодарили Бога и Святыхъ своихъ заступниковъ, и вторично переходили отъ радости къ плачевному обряду: они со слезами любви, благодарности и умиленія проводили въ вѣчность павшихъ своихъ героевъ.

Янъ бѣсновался отъ злобы, по словамъ лѣтописи; ибо онъ потерялъ множество лучшихъ своихъ воиновъ, уже отчаялся взять когда нибудь городъ, и потому мстилъ области, жегъ, грабилъ и опустошалъ слободы, села и деревни. А между тѣмъ, пользуясь тишиною, Поляки сблизились съ стрѣльцами. Хитрые лазутчики

подкупили какого—то Стрѣлецкаго ничтожнаго начальника—сотника, или пятидесятскаго Ивана Пашина. Вотъ—древній лѣтописецъ сохранилъ для проклятія потомству полное имя этого изверга, а не потрудился записать фамилію героя-спасителя Углича *Ивана*, который вполнѣ заслужилъ признательность потомства и благословеніе современниковъ.

Иванъ Пашинъ, измѣнивши клятвѣ, чести, Богу и Угличу, извѣстилъ Яна, что онъ съ Вторника на Середу страстной недѣли будетъ на стражѣ Углича, и вполночь, тайными путями проведетъ Поляковъ въ городъ. Янъ чрезвычайно обрадовался, что вмѣсто всѣхъ усилій, крови и невѣрнаго успѣха, онъ за нѣсколько сотъ злотыхъ возметъ, и—возметъ на—вѣрное сильный и богатый городъ.

Къ несчастію Воеводы и Начальники Углича, упоенные славою побѣдъ, ослабили свою бдительность и воинскую дисциплину; ибо уже не страшились болѣе Поляковъ. Но бѣда со всѣми своими ужасами висѣла уже надъ главами Угличанъ. Янъ трепеталъ отъ радости, что искупитъ кровь своихъ Поляковъ богатствами Углича и пожнетъ славу завоевателя крѣпости.

Несчастный Угличъ не зналъ и не подозрѣвалъ, что его одинъ извергъ-Іуда продалъ за горсть золота со всѣми жителями его и со всѣми сокровищами. Бѣдные граждане не знали, что жизнь женъ, дѣтей, старцевъ и матерей уже оцѣнена горстью золота, не знали и между тѣмъ молились Богу, исповѣдывались, пріобщались Святыхъ Таинъ и готовились въ радости встрѣтить Св. Пасху. Но вдругъ поражены страшною вѣстью. Николо-Пѣсоцкаго монастыря молящемуся Иноку явился Ангелъ и велѣлъ ему объявить Угличанамъ, *чтобъ они готовились къ мученической смерти.* Эта страшная вѣсть молніей пронеслась по Угличу и громомъ поразила жителей. Тогда отъ всей души еще вѣрили подобнымъ чудесамъ, и потому эта вѣсть обезоружила ихъ мужество и повергла весь городъ въ отчаяніе. Они вѣрили этому страшному вѣстнику, плакали о грѣхахъ своихъ, молились, ждали смерти съ трепетомъ, и не знали откуда ждать ее; ибо про Поляковъ уже и не думали: они всѣ разбрелись отъ Углича.

ТРЕТІЯ БИТВА УГЛИЧАНЪ СЪ ПОЛЯКАМИ.

Между тѣмъ, какъ Угличане, встревоженные страшнымъ пророчествомъ унывали духомъ, го-

вѣли, или молились въ церквахъ, Поляки тайно дѣйствовали; они тайно собирались въ мѣсто, получили новое подкрѣпленіе и готовы уже были идти на Угличъ. А Иванъ Папинъ, по словамъ лѣтописей, получивши отъ Поляковъ задатокъ за свою измѣну и за проданную свою душу, въ ту роковую ночь, когда ему пришла очередь содержать караулъ въ крѣпости, напоилъ своихъ подчиненныхъ мертво пьяными, а самъ между тѣмъ провелъ отрядъ Поляковъ тайкыми путями, и сдалъ имъ крѣпость; пьяная и спящая стража была изрублена и отъ сна перешла прямо въ вѣчность. Поляки заняли всѣ важнѣйшіе пункты города; а такъ какъ ворота крѣпости были заперты и ключи отъ нихъ были у Воеводы: то они подкатили къ воротамъ боченокъ съ порохомъ, и другой подъ главную башню, чтобы взорвавши стѣну на воздухъ, открыть вдругъ дорогу въ крѣпость цѣлому войску. Когда же все было готово къ начатію битвы; то вдругъ два взрыва были роковымъ сигналомъ къ нападенію Яна со всѣми Поляками на городъ; онъ уже у самыхъ вратъ землянаго города дожидалъ сигнала. Вдругъ ворота и башня крѣпости взлетѣли на воздухъ; ворота землянаго города отворились и Поляки хлынули въ городъ; пожаръ запылалъ

во всѣхъ концахъ города. При свѣтѣ зарева Поляки бросились въ проломы и наполнили собою крѣпость, и ставши въ проломахъ и воротахъ они истребляли, кто въ невѣденіи бросался въ крѣпость, или изъ оной. Такъ какъ Поляки заняли всѣ улицы, переулки, ворота и перекрестки; то имъ оставалось, стоя на мѣстѣ только рубить бѣгающихъ Угличанъ. Возможно ли представить весь ужасъ пробужденія Угличанъ? Громовый взрывъ крѣпости, страшный пожаръ во всѣхъ концахъ города, трескъ оружія, звонъ колоколовъ, неистовый крикъ Поляковъ, отчаянный вопль Угличанъ! Пораженные ужасомъ стрѣльцы, въ отчаяніи, безпамятствѣ и безпорядкѣ бросились на Поляковъ. Вдругъ произошла сѣча во всемъ городѣ, рѣзались въ улицахъ, въ переулкахъ, на площадяхъ, въ крѣпости, въ домахъ, рѣзались и умирали. Въ слѣдъ за стрѣльцами Угличане всякаго пола, возраста и званія, въ ужасѣ и отчаяніи бросились съ воплемъ на Поляковъ съ саблями, съ копьями, съ топорами, съ ножами, съ косами, съ клюками, съ кольями; вездѣ кипѣла битва, во всемъ городѣ лилася кровь, во всѣхъ мѣстахъ бились отчаянно и умирали неизбѣжно на остріи пикъ и сабель Польскихъ. Иные выбѣгали изъ домовъ и падая на

колени, просили въ безпамятствѣ пощады; но въ иступленномъ сердцѣ Поляковъ не было мѣста для пощады и жалости; иные бѣжали вонъ изъ города, чтобъ укрыться въ лѣсахъ, но не многимъ удалось выбраться изъ разставленныхъ вездѣ Поляковъ; иные прятались въ подвалы, погреба, на чердаки и были добычею пламени. Стонъ матерей, вопль дѣтей отчаянныхъ, крикъ сражающихся! Послѣдній день міра не будетъ такъ ужасенъ, какъ это неистовое побоище. Не было пощады ни дряхлой старости, ни отчаянной матери, ни беззащитной дѣвицѣ, ни даже брошеннымъ плачущимъ дѣтямъ.

Малочисленная толпа Стрѣльцевъ съ своимъ Воеводою пали до единаго въ безплодной битвѣ. Жестокая и долговременная война истребила ихъ большую часть еще гораздо прежде, а остальные, застигнутые внезапно Поляками, умирали, такъ сказать, по—одиначкѣ. О жителяхъ Углича и говорить безъ ужаса невозможно; они тысячами падали на каждомъ шагу. Это убійство было до того страшно, что улицы и площади были совершенно загромождены трупами несчастныхъ жертвъ. Кровь смѣшанная съ грязью дождевой воды казалось затопила всѣ улицы и площади; страшный пожаръ ист-

ребляющій городъ багровилъ все это во тьмѣ ночной и придавалъ страшный видъ ада.

Наконецъ и солнце освѣтило сію ужасную картину; но кровь не переставала литься. Еще Соборъ, дворецъ Царевича Димитрія и другія каменныя церкви и зданія оставались въ рукахъ Угличанъ; или точнѣе сказать, весь Угличъ съ церквами, дворцами и со всѣми укрывающимися въ нихъ былъ въ рукахъ мстительныхъ Поляковъ. Поляки приступили къ Собору, но долго не могли выломать дверей его. Въ Соборѣ Священники пѣли послѣдній гимнъ Богу и всѣ запершіеся въ немъ молящиеся; когда же услышали стукъ бойницъ и трескъ дверей, то уже не вѣрили больше въ свое спасеніе; они въ ужасѣ забывали не доконченныя молитвы, ибо каждый ударъ бойницъ въ двери болѣзненно отзывался въ ихъ сердцѣ; страхъ и отчаяніе отнимали разсудокъ; они оцепенѣли отъ ужаса, и вѣрнобъ захотѣли лучше съ Соборомъ взлетѣть на воздухъ, какъ Смоленцы, чѣмъ дожидаться всякую секунду вторженія Поляковъ.

Вдругъ церковныя двери съ трескомъ упали на полъ. . . . Крикъ, вопль и отчаянный стонъ наполняли и потрясали своды Священнаго храма; которые хотѣли бѣжать изъ храма, тѣхъ

мечъ встрѣтилъ на порогѣ; которые остались въ храмѣ, всѣ были изрублены; мать, прижимая къ груди младенца съ видомъ отчаянія, умоляла на колѣняхъ звѣрообразныхъ убійцъ, цѣловала окровавленныя ихъ руки и заклинала оставить ей жизнь для плачущаго младенца,—но тщетно умоляла; другіе искупали золотомъ свою жизнь, давали Полякамъ жемчугъ и драгоцѣнные камни и тѣмъ болѣе привлекали жадность убійцъ; но, тщетно моленіе и слезы: всѣ пали, и полъ храма, по словамъ лѣтописей, затопленъ былъ кровію; трупы плавали въ немъ какъ въ лужѣ. Духовенство, наполнявшее олтарь, во всемъ облаченіи съ Крестами и Евангеліемъ въ рукахъ окружали престолъ Всевышняго и послѣдній разъ взывали къ Небу о спасеніи; ибо они всѣ пали мертвыми и облили престолъ своею кровію; гдѣ прежде приносили безкровную жертву, теперь же сами пали жертвами Польской мстительности; ибо Поляки истребляли учителей—иновѣрцевъ и особенно мстили духовенству, за то, что оно поощряло Угличанъ стоять за вѣру своихъ предковъ, истреблять Поляковъ и не сдавать города. Поляки срывали серебряныя ризы съ иконъ, рвали священныя одежды, взяли златые сосуды, Евангелія, вѣнцы и драгоцѣнныя камни,

ограбили всѣ безчисленныя сокровища Собора. Теперь въ ракѣ Князя Романа хранятся одиѣ только сожженныя кости. Во Дворцѣ Царевича Димитрія успѣли спрятаться многія знатныя боярыни и богатыя гражданки съ своими дочерями и сокровищами; они укрылись сюда надѣясь на твердость стѣнъ и заступленіе Св. Царевича Димитрія; но ихъ постигла участь ужаснѣе другихъ; ибо красота и богатство воспламеняли нѣсколькихъ Поляковъ на самыя ужасныя мучительства. Въ Царскихъ Палатахъ были также выломаны двери; всѣ находившіеся въ палатахъ погибли; здѣсь, по выраженію древняго лѣтописца, столько было порублено женщинъ, что даже Царскіе погреба наполнились кровію. Такъ были взяты всѣ храмы, всѣ зданія, всѣ домы: взяты, ограблены, опустошены и сожжены. Болѣе 20,000 несчастныхъ жертвъ пало отъ ожесточенныхъ и мстительныхъ Поляковъ.

Древній лѣтописецъ (вѣроятно монахъ), который описываетъ сіи страшныя событія, сравниваетъ паденіе Углича съ паденіемъ славныхъ въ Исторіи городовъ—Вавилона, Трои, Іерусалима, Царь-града, и что ужасъ истребленія Углича, если не превосходитъ, то по крайней мѣрѣ не уступаетъ имъ страшнымъ своимъ жребіемъ.

На другой день послѣ кровавой сѣчи, Поляки торжествовали свою побѣду на трупахъ падшихъ защитниковъ своей родины; а въ Великую Пятницу, Поляки составили огромные костры, положили на нихъ тѣла убитыхъ, также наполнили ими уцѣлевшіе домы и сожгли ихъ: „*Костры пылали и жертва обильная приносилась для очищенія грѣховъ нашихъ.*“

Трудно опредѣлить время осады и опустошенія Углича; ибо эпоха, въ которую палъ Угличь, была самая бѣдственная и долговременная для всей Россіи. Нѣсколько самозванцевъ вдругъ брали города, завоевывали области, приближались къ Москвѣ и истребляли другъ друга. Множество Полководцевъ Польскихъ съ толпами буйныхъ грабителей, Литовцевъ, казаковъ, брали города и области: кто для Короля Сигизмунда, кто для сына его Владислава, кто для Маринки, кто для самозванца, и во всякомъ случаѣ всѣ хотѣли грабить богатые города Россіи. Князь Михаилъ Скопинъ-Шуйскій молніею пролетѣлъ съ Сѣвера къ Москвѣ, и громомъ побѣдъ поразилъ Сапѣгу при Колязинѣ, и разсѣялъ какъ прахъ всѣхъ враговъ Россіи около Москвы: *онъ очистилъ Россію отъ Углича и до Бѣлаго моря, отъ Новгорода и до Нижняго Новгорода, все по-*

клонялось Царю Василію Шуйскому; но, когда Шуйскіе позавидовали славѣ 23-хъ лѣтняго безпримѣрнаго Героя и отравили его ядомъ, надѣясь, что уже главное все сдѣлано, тогда-то вся ничтожность, называвшая себя разными священными именами, не страшась Ангела—истребителя, бросилась сама истреблять все, что носило имя вѣры и вѣрности; и чѣмъ болѣе встрѣчали сопротивленія въ вѣрныхъ Царю и клятвѣ; тѣмъ болѣе они мстили имъ, за свой срамъ и безпрестанныя побѣды Скопина-Шуйскаго.

Въ 1610-мъ году на время затмились всѣ побѣды Шуйскаго; ибо Россіяне, вѣря Москвѣ, признали изъ худшаго лучшее, то есть Владислава Королевича Польскаго Царемъ Россіи, и, по словамъ Исторіографа Карамзина, началося безпрекословное царствованіе его: въ Москвѣ, въ Коломнѣ, Тулѣ, Рязани, Твери, Владимірѣ, Ярославлѣ и далѣе; ужъ молились во храмахъ за Владислава. Но это думала такъ добродушная Россія, а не Сигизмундъ: онъ хотѣлъ покорить Россію себѣ, а не сыну, которому она отдавалась даромъ; и потому множество Поляковъ, бродя по Россіи, требовали сдачи Русскихъ вѣрныхъ городовъ именемъ Сигизмунда.

Все это было по смерти Скопина-Шуй-

скаго въ концѣ 1610 года, а въ началѣ 1611 года уже, по словамъ того же Карамзина, Рязань, Владиміръ, Нижній, Суздаль, Романовъ, Ярославль, Кострома, Вологда, ополчились усердно для избавленія Москвы отъ Ляховъ, по призыву Патріота Ляпунова и по благословенію Патріарха Ермогена. Почти тогда же настойчивый Сапѣга, какъ и Сигизмундъ, не успѣвши обольстить Ляпунова и Россіи, встревоживши станъ Русскихъ подъ Москвою и взявши отъ Гонсѣвскаго совѣтъ и 1,500 Ляховъ, удалился къ Переславлю, чтобы грабить внутри вѣрной Сѣверной Россіи; онъ жегъ и злодѣйствовалъ, по слову Карамзина, гдѣ хотѣлъ; а чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ Сапѣга возвратился въ Москву съ награбленными сокровищами и съѣстными запасами и поддержалъ Гонсѣвскаго въ Москвѣ.

Судитежъ теперь изъ обстоятельствъ, когда взятъ Угличъ Поляками? Прежде уже доказано, что Угличъ могъ быть взятъ вмѣстѣ съ Ростовомъ въ 1609 году, а въ 1610 году господствовалъ Скопинъ-Шуйскій; послѣжъ смерти его: Владиміръ, Тверь, Ярославль признали власть Владислава; а объ Угличѣ не говорятъ этого лѣтописи; потомъ всѣ эти города, и да-

же Романовъ, вооружились на спасеніе Москвы, а объ Угличѣ опять ни слова. Слѣдовательно Угличъ и Ростовъ, были уже разграблены и сожжены, что объ нихъ не упоминаетъ Исторія въ минуты столь великихъ переворотовъ. Между тѣмъ Угличскія лѣтописи говорятъ, что Янъ требовалъ покорности Углича Сигизмунду?

Изъ всего вышесказаннаго можно вывести слѣдующее рѣшеніе: 1-е что Угличъ въ теченіе трехъ лѣтъ неоднократно былъ осажденъ; 2-е что Угличскій лѣтописецъ свелъ всѣ этѣ осады въ одну долговременную; (что быть могло) 3-е что этѣ битвы случались не скоро одна послѣ другой, начиная съ 1609 года, когда приступалъ къ Угличу Островскій, и потомъ *окончательно Угличъ былъ взятъ Сапѣгою въ началѣ 1611 года*, когда онъ взялъ Переславль-Залѣскій и сражался уже именемъ Сигизмунда; слѣдовательно, лѣтописецъ смѣшалъ всѣ битвы въ одну осаду и всѣ три бурные годы означилъ однимъ 1610 годомъ. Итакъ Угличъ взятъ и разоренъ Яномъ Сапѣгою, въ началѣ 1611 года, весною на страстной недѣлѣ, съ Вторника на Середу.

РАЗЗОРЕНІЕ УГЛИЧСКИХЪ МОНАСТЫРЕЙ ПОЛЯКАМИ.

Поляки, отдохнувши послѣ ужаснаго кровопролитія и ограбивши городъ, устремились съ жадностію на монастыри; ибо храмы Господни всегда были обогащены усердіемъ набожныхъ Угличанъ; золото, серебро, жемчугъ и драгоцѣнные камни блистали во храмахъ вмѣстѣ съ усердіемъ Угличанъ. Поляки удивлялись Русской набожности, измѣряя ее цѣною сокровищъ, увезенныхъ ими изъ церквей и монастырей. Тогдашняя глубокая набожность, и незнаніе нынѣшней роскоши подтверждаютъ мнѣніе Поляковъ объ усердіи Россіянъ къ святынѣ Божіей. Поляки, во первыхъ осадили богатѣйшій изъ Угличскихъ монастырей: 1) *Алексѣя Митрополита*, что на Востокъ отъ крѣпости. Этотъ монастырь былъ огражденъ высокою деревянною стѣною: въ немъ заключался Архимандритъ Арсеній съ 60 братіями и до 500 гражданъ, избѣгшихъ мѣча въ нощное побоище. Они дали всеобщую и единодушную клятву умереть за святыню монастыря, по примѣру Троицко-Сергіевской Лавры; и потому дружно и мужественно отбивались, и до того озлобили Поляковъ

своимъ сопротивленіемъ, что когда наконецъ Поляки ворвались въ монастырь, то въ иступленіи всѣхъ предали смерти. Архимандритъ же Арсеній болѣе всѣхъ пострадалъ, во первыхъ потому, что вооружалъ заключившихся въ монастырѣ къ отпору, и много убилъ Поляковъ при осадѣ монастыря; а во вторыхъ потому, что скрылъ и не сознался въ мучительной пыткѣ, гдѣ находятся монастырскія сокровища. Когда Поляки ворвались уже въ монастырскую ограду, то оставшіеся въ живыхъ нѣсколько монаховъ, заключились въ потаенный каменный подвалъ; однако Поляки ища сокровищъ по всему монастырю, нашли ихъ, и не могши будто взять подвала съ монахами завалили, по словамъ лѣтописей, двери желѣзныя и окна того подвала и задушили тамъ несчастныхъ монаховъ. Вѣроятнѣе впрочемъ, что они отбили подвалъ и не нашедши въ немъ сокровищъ монастырскихъ, какъ они ожидали, а только монаховъ, тогда-то уже озлобились своею неудачею и не исторгши признанія у монаховъ, гдѣ богатство монастыря, заперли ихъ въ подвалѣ и завалили ихъ тамъ каменьями. Неизвѣстно, нашли ли Поляки скрытыя сокровища монастыря; но они твердо знали, что богатства всей Россіи тогда заключа-

лись единственно въ монастыряхъ; ибо набожные Россіяне всегда въ несчастныхъ случаяхъ искали защиты себѣ и своему имуществу въ стѣнахъ монастыря подъ покровомъ святыхъ, и— если ужъ сами погибли, то утѣшались тѣмъ, что ихъ имущество не достанется грабителямъ, а пойдетъ на поминъ ихъ душѣ.

Каменные храмы Алексѣевскаго монастыря, сооруженные Княземъ Ѳомою Калычевымъ и другими, остались цѣлы и донынѣ, а все въ немъ бывшее деревяннымъ, какъ то стѣны и церкви преданы огню.

2) Другой монастырь, то же мужеской, не далеко отъ Алексѣевскаго, назывался *Вознесенскимъ*. Здѣсь, »окаянная Литва Игумена Іосифа, 40 братьевъ и 300 гражданъ всѣхъ мечемъ посѣкоша, монастырь сожгоша, и мѣсто опустошиша.» Послѣ на томъ мѣстѣ была церковь деревянная, послѣ и та развалилась, а потомъ была часовня, но теперь мѣсто ея застроено Кожевникова заводами. По другимъ лѣтописямъ, монастырь Вознесенскій стоялъ на полдень отъ Алексѣевскаго, на полверсты и разграбленъ въ ночи на Понедѣльникъ на канунѣ Преподобнаго Макарія Египтянина.

3) Потомъ Поляки ограбили *малый дѣвичій монастырь Богоявленскій*, который былъ въ крѣпости; здѣсь Игуменья Анастасія, 35 сестръ и до 200 дѣвицъ и до 60 женщинъ были варварски, по словамъ лѣтописей, умерщвлены. Этотъ монастырь былъ возобновленъ, и потомъ сгорѣлъ, а послѣ изъ тѣсноты крѣпости перенесенъ на новую Ростовскую дорогу, гдѣ и нынѣ красуется великолѣпно.

4) *Живоначальныя Троицы, что у Николая Чудотворца на пѣскахъ*. Тутъ Игуменъ Макарій и съ нимъ до 50 иноковъ и мірскихъ людей до 500 укрывались. Вѣроятно, что монахи и граждане долго не сдавались Полякамъ; потому, что озлобленные »Ляхи монастырь взяша и всѣхъ мечи посѣкоша, а монастырь разграбиша и огнемъ сожгоша.» Образъ же Николая чудотворца невидимою рукою восхищенъ на воздухъ и потому одинъ только уцѣлѣлъ отъ всего монастыря, его сокровищъ и святыни.

5) *Монастырь Іоанна Богослова, что у Николая чудотворца на Сухомъ Прудѣ*,- здѣсь Поляки, по словамъ лѣтописей, также монастырь взяли, а въ немъ Игумена Мартиніана и до 40 монаховъ и 300 гражданъ истребили, а монастырь разграбивши сожгли.

6) *Монастырь Воскресенія Христова,*—»также боемъ взяша, Архимандрита Лаврентія, съ нимъ братію до 60, и мірскихъ до 500: овыхъ мечи посѣкоша, другихъ заколаху, иныхъ вѣшаху, инымъ камни на шею привѣшаху и потопляху, а монастырь весь опустошиша и огнемъ все зданіе и церкви сожгоша.» Лѣтописи, при описаніи раззоренія Воскресенскаго монастыря, прямо говорятъ *»также боемъ взяша.»* Слѣдовательно при взятіи каждаго монастыря, Поляки должны были биться съ покаявшимися на смерть монахами и заключившимися въ монастыряхъ, какъ въ крѣпостяхъ, гражданами.

7) *Монастырь большой дѣвичій во имя Введенія Пресвятыя Богородицы,* стоявшій по ту сторону Волги, противъ крѣпости на островѣ, между Волгою и Царскимъ озеромъ, которое и нынѣ примѣтно на противъ Супоньева дома. Здѣсь Поляки, по словамъ лѣтописца, какъ лютые звѣри разстерзали Игуменью Евфросинію и болѣе 70 сестръ ея. Эта несчастная Игуменья испустила свой духъ въ руки Творца въ самыхъ лютѣйшихъ мукахъ: ее жгли огнемъ и допрашивали сокровищъ монастырскихъ, потомъ отрѣзали сосцы и наконецъ повѣсили несчастную мученицу на вратахъ монастыря. Инокинь постигла

почти такая же участь; укрывавшихся въ монастырѣ болѣе 500 дѣвицъ и женщинъ разнаго состоянія погибло также страшною смертію по слову лѣтописцевъ. Нынѣ островъ уже размытъ Волгою, гдѣ стоялъ прежде Введенскій монастырь. По словамъ же нѣкоторыхъ старожиловъ, монастырь Введенскій стоялъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ старинная Введенская приходская церковь, то есть, по ту сторону Царскаго озера возлѣ самаго дома Супоньева; значитъ только на полтораста саженъ отъ того мѣста, которое указано лѣтописцемъ.

8) *Монастырь на рѣкѣ Улеймѣ во имя Святаго Николая Чудотворца.* Здѣсь Игуменъ Варсонофій съ братіею и многими свѣтскими людьми заперлися; они долго и мужественно сопротивлялись всѣмъ усиліямъ Поляковъ; наконецъ, видя свою невозможность болѣе защищаться, пріобщились всѣ Святыхъ Таинъ, взяли Кресты, Иконы и вышли за ворота къ Полякамъ, увѣщевая ихъ не трогать святыни храмовъ, отдавая себя и сокровища монастырскія въ ихъ руки; однако озлобленные Поляки отрубили Игумену Варсонофію голову и умертвили тѣхъ монаховъ, которые вошли къ нимъ въ полномъ облаченіи съ Иконами. Оставшіеся въ монастырѣ

монахи и всѣ защищавшіеся съ ними люди, видя смерть Игумена и братіи, заперлися въ каменной церкви и молились со слезами Богу о своемъ спасеніи. Поляки, между тѣмъ, не могшія отбить желѣзныхъ дверей храма, подкопали съ одной стороны фундаментъ церкви и обрушили ее на укрывавшихся въ храмѣ. Лѣтописецъ описалъ поэтически весь ужасъ паденія храма; люди укрывавшіеся отъ Поляковъ за 7-мь вер. и слуги монастырскіе, какъ очевидцы, увѣряли Лѣтописца, что паденіе храма за 7-мь верстъ было слышно: „аки громъ раздашеся по лѣсамъ и долинамъ, и земля колебашеся до недръ своихъ.„ По увѣренію тѣхъ же людей, обрушенный храмъ задавилъ до 1,000 человѣкъ монаховъ и крестьянъ. А Икона Чудотворца Николая, также какъ и въ Пѣсоцкомъ монастырѣ, была спасена невидимою силою и послѣ явилась блистающая на развалинахъ храма. Послѣ того Святая Улейменская обитель построена тщаніемъ Варлаама Митрополита Ростовскаго, бывшаго прежде Архимандритомъ сего монастыря, и нынѣ достославно красуется.

9) *Покровскій монастырь Св. Паисія Угличскаго Чудотворца,* что на Юго-западъ отъ Углича, по лѣвую сторону Волги. Поляки долго

осаждали сей монастырь и неоднократно приступали къ нему, чтобы ворваться, но всегда были отбиваемы. Здѣсь управлялъ тогда монастыремъ Игуменъ Антоній, мужъ житія Святаго, ума великаго, и дѣлами достойный подражатель Святаго Паисія. Игуменъ Антоній собралъ всю свою паству въ Соборную каменную церковь, пріобщилъ ихъ Св. Тайнами Христовыми; долго и умилительно училъ христіанъ не бояться смерти „*глаголя имъ, аще кто умретъ, со Христомъ, живъ будетъ; и за краткую,—вѣчную жизнь наслѣдитъ, и нетлѣнные вѣнцы отъ Христа Бога приметъ; аще сподобитъ ны за имя его святое умрети отъ зловѣрныхъ Польскихъ рукъ.*« Воодушевивши такимъ образомъ всѣхъ Христіанъ, укрывавшихся въ монастырѣ, самъ Антоній облачился и со Крестомъ въ рукахъ, сопровождаемый монахами и мірянами, вышелъ на встрѣчу къ Полякамъ, чтобы поразить ихъ видомъ Святыни, и гласомъ вѣры устыдить ихъ; но Поляки, не слушая его увѣщаній, бросились на него съ оружіемъ, повергли Крестъ на землю, вышибенный изъ рукъ старца; а самаго Игумена разсѣкли на двое и двѣнадцать монаховъ убили въ воротахъ монастыря. Тогда остальные монахи и міряне бросились съ вои-

лемъ на Поляковъ, вспыхнула сѣча страшная и кровопролитная. Поляки, подстрекаемые корыстію, сражались какъ львы. *»Аки демоны стрѣмляхуся«* по трупамъ павшихъ защитниковъ святаго достоянія Великаго Паисія; но сила, искусство и корыстолюбіе Поляковъ разогнали нестройныя, безпорядочныя толпы усердныхъ защитниковъ. Озлобленные Латинисты, по словамъ лѣтописца, бросили тѣла убитыхъ монаховъ въ Волгу; но Волга не могла унести тѣла ихъ съ собою: они прибивались къ берегу волнами, покуда ихъ не погребли въ оградѣ, недалеко отъ воротъ обители (*). Поляки осадили Соборную церковь, гдѣ всѣ остальные защитники заперлися; иные спрятались во главу церкви, но и тѣ не избѣжали смерти,—всѣ были умерщвлены; а богатую раку Паисія разрубили на двое Польскіе Военачальники, монастырь же разграбили; *золото, серебро*, жемчугъ и драгоцѣнные камни раздѣлили между собою; а монастырь зажгли, и потому пламя пожрало все, что Поляки оставили цѣлымъ.

10) *Монастырь Богоявленскій* по ту сторону Волги напротивъ Углича. Этотъ монастырь былъ весь деревянный, однако Игуменъ Авра-

---

(*) Тѣла сихъ братій почиваютъ за рѣшоткой подъ каменной плитою съ надписью.

амій съ 37 иноками и со многими частными людьми, числомъ около 300, заперлися въ немъ и рѣшилися лучше умереть, чѣмъ сдаться. Поляки же, зная упорство Россіянъ, а особенно монаховъ, не разсудили въ приступѣ лезть за смертію на стѣны монастыря; и потому обставили стѣны его лѣсомъ, обложили хворостомъ, и зажгли съ той стороны, откуда былъ вѣтеръ. Монастырь загорѣлся и зданія его запылали; люди заключенные въ немъ бросились тушить, а Поляки между тѣмъ ворвались съ другой стороны и предали въ немъ все огню и мечу; а богатство монастырское, что успѣли взяли себѣ. Этотъ монастырь съ тѣхъ поръ не возобновлялся, а только лѣтописи, слѣды его и названіе горы Богоявленскою свидѣтельствуютъ объ мѣстѣ его существованія.

11) *Монастырь Архангела Михаила* по Ярославской дорогѣ, идущей изъ Углича. Въ то время считалась сія обитель за городомъ, а нынѣ каменная приходская церковь, въ 8-ми верстахъ отъ города. Въ семъ монастырѣ Игуменъ Михаилъ, 40 человѣкъ иноковъ и болѣе 300 человѣкъ частныхъ людей укрывались отъ звѣроподобныхъ Ляховъ; такъ какъ монастырь былъ деревянный; то Полякамъ нетрудно было завла-

дѣть онымъ; они ограбили монастырь, изрубили всѣхъ, кто только защищался, а зданіе монастырское было предано истребительному пламени.

12) *Монастырь, или пустынь Св. Кассіана чудотворца,* что близь Волги на рѣкѣ Учмѣ. Тутъ Игуменъ Өеодосій и 40 иноковъ, а мірянъ до 200 затворились; Поляки взяли монастырь, ворвались въ церковь, по богатствъ никакихъ особенныхъ не нашли, и потому принялись пытать Игумена Өеодосія; жгли огнемъ, били, мучили, допрашивая монастырскихъ сокровищь; но Өеодосій умирая въ мукахъ, не объявилъ никакихъ сокровищъ. Поляки недовольные отвѣтомъ Игумена перемучили всѣхъ монаховъ, разогнали изъ монастыря всѣхъ скрывшихся мірянъ, обыскали каменную церковь, и ушли, не нашедши ничего.

А рукопись Супоньевская говоритъ: „въ обитель чудотворца Кассіана ворвавшеся, окаянные Поляки и мало обрѣтоша ту гражданъ, порубиша, и устремишася къ Соборной церкви, хотяще двери ломати; тогда заступленіемъ преподобнаго Кассіана слѣпотою поражены быша, и ужасомъ одержими, не вѣдуще камо идти, одва; своими отведены быша и возвратишася вспять.“

Всѣ помянутые монастыри были взяты и

разграблены не въ одно время и не одною шайкою грабителей. Всѣ рукописи одинаково считаютъ число убіенныхъ въ Угличѣ и монастыряхъ, и каждая по своему оплакиваетъ убіенныхъ,—роззореніе города и Святыхъ его храмовъ. Вотъ подлинникъ для примѣра изъ рукописи Супоньевской: „Здѣ умыслихъ изчести всѣхъ убіенныхъ окаянными Папистами: во градѣ Угличѣ, въ третьей брани, бысть убито разнаго званія 20,000 человѣкъ; Священниковъ, Діаконовъ и церковно-служителей, по исчисленію церквей, до 500 человѣкъ; сожжено и истреблено 40 мужскихъ монастырей и 2 женскихъ, а въ оныхъ два Архимандрита, 8 Игуменовъ и 2 Игуменьи, монаховъ 500, и дѣвъ чистыхъ и женъ болѣе 500. Церквей раззорено и сожжено 150, мірскихъ домовъ до 12,000. Всего же по исчисленію убіенныхъ, повѣшенныхъ, потопленныхъ и прочими смертями умученныхъ, всякаго званія, пола и возраста до 40,000; имъ же всѣмъ за вѣру Христову умершимъ подастъ Господь вѣчную память и покой.“ У меня 5-ть рукописей; всѣ онѣ какъ видно по ихъ смыслу, должны быть списки изъ одной древней, или одна съ другой; подлинную же писалъ, вѣроятно, монахъ очевидецъ всего, что случилось при немъ и до него.

этотъ почтенный лѣтописецъ самымъ ожесточенныхъ языкомъ называетъ Поляковъ, Литву и Черкесовъ (*) лютыми звѣрями, кровопійцами и что только можно придать человѣку ожесточенному. По словамъ его, Поляки все рубили, рѣзали, крушили, жгли, истребляли самымъ жестокимъ образомъ. *Все это правда, только преувеличенная.* Поляки раззоряли монастыри и церкви, потому что въ нихъ, какъ въ крѣпостяхъ и подъ защитою Святыхъ скрывались имущества, какъ монастырскія, такъ же и сокровища граждапъ. Поляки мучили Игуменовъ и монахинь, потому, что они одни знали, гдѣ скрыты сокровища, а терзали вообще Духовенство, потому, что оно научало, ободряло и поощряло Стрѣльцовъ и вообще народъ къ битвѣ, и стоять крѣпко за родину и Святыню храмовъ своихъ. Поляки были тогда поощряемы Іезуитами истреблять все то, что носило имя Греко-восточнаго, а особенно Греко-русскіе храмы, и вообще все святое для Русскаго сердца; ибо уважали нашу вѣру не болѣе, какъ и мы тогда Папежскую или Католическую. Все это естественно врагамъ иновѣрцамъ въ тогдашнее же время. Но—чтобы Поляки рѣзали монахинь, женщинъ и вообще без-

(*) Казаковъ.

оружныхъ, это неестественно, это невозможно! Женщины прятались, а не сражались; а Полякамъ нужна была добыча,—они врывались въ церкви и монастыри, чтобъ обогатиться; а еслибъ они рѣзали всѣхъ безъ пощады; то на 40,000 Угличанъ, надобно было привести подъ Угличъ по—крайнѣй мѣрѣ такіяжъ 40,000 войска; ибо самые слабые защитники огражденнаго монастыря, могутъ устоять за стѣнами 10 противъ 30, что доказывала Троицкая Лавра и Смоленскъ.

Между тѣмъ лѣтописецъ увѣряетъ, что въ одномъ дѣвичьемъ Богоявленскомъ монастырѣ Поляки истребили 295 дѣвицъ и женщинъ; слѣдовательно всѣхъ до одной, сколько ихъ было въ стѣнахъ монастыря.—Неужели во время битвы, суматохи и грабежа никто не захотѣлъ бѣжать отъ такой звѣрской лютости? Какая же страшная необходимость вынуждала Поляковъ изрубить всѣхъ несчастныхъ и беззащитныхъ женщинъ, вѣдь всякому извѣстно, что и самые лютѣйшіе звѣри не терзаютъ другъ друга для забавы, или безъ нужды? Да еслибъ лежащихъ рѣзать 40,000; то не станетъ ни времени, ни силъ, ни дерзости духа. Пора разувѣриться Угличанамъ во многомъ несбыточномъ, неестественномъ, слѣдовательно и невозможномъ; напримѣръ

они чистосердечно вѣрятъ древнимъ рукописямъ, что Угличъ до раззоренія Годуновымъ заключалъ въ себѣ 40,000 жителей, а въ Польское раззореніе опять считаютъ только однихъ убитыхъ 40,000 человѣкъ. Возможно ли въ 19-ть лѣтъ такъ населиться городу? Откуда взять такое число жителей? Изъ деревень и другихъ городовъ? Значитъ тѣ города и деревни надобно опустошить. Да развѣ не равно Царю тотъ, или другой городъ? А сбивши 40,000 народа въ одно мѣсто, чѣмъ его прокормить, когда нынѣ, въ самое промышленное время, и не сорокъ, но только десять тысячь народонаселенія, и то трудно и дорого содержаніе? Итакъ Угличъ не былъ такъ великъ и многолюденъ, какъ лѣтописи увѣряютъ и Угличане думаютъ,—не былъ по слѣдующимъ причинамъ: 1-е, Сорокъ тысячь народа безъ особенной и самой дѣятельной промышленности не могли себя прокормить; 2-е, Что Угличъ простиравшійся, по словамъ тѣхъ же лѣтописей, на 7-ми верстахъ въ длину, на 5-ти въ ширину и на 24-хъ въ окружности, не могъ быть безъ воды и за пять верстъ отъ Волги никто не станетъ жить; ибо и за полверсты нынѣ отъ нея живущіе не имѣютъ по зимамъ воды въ колодцахъ; 3-е, Исторія доказываетъ, что Угличъ всег-

да былъ меньше Владиміра, Ростова, Ярославля и даже городца Вожескаго; ибо изъ Углича собиралося меньше дани противъ каждаго изъ помянутыхъ городовъ; 4-е Угличъ былъ раззоренъ, какъ писано выше, разъ пять, или шесть, и жители были истребляемы почти вконецъ, и населяться вновь почти не успѣвалъ. 5-е, И вся Россія опустошена Татарами и Поляками во время самозванцевъ, до того, что цѣлыя области опустѣли, слѣдовательно, некому было населять Угличъ. 6-е, Въ собраніи древнихъ актовъ есть исчисленіе—какой городъ сколько платилъ дани. Объ Угличѣ сказано, что въ немъ въ 1681 году было 588 дворовъ тяглыхъ и платилъ подати на содержаніе Московскихъ стрѣльцовъ: 422 рубли 13 алтынъ и 2 деньги (*). 7-е, О церквахъ говорятъ, что ихъ было въ Угличѣ 150; должно думать, что считалось полтораста не церквей собственно, а престоловъ въ церквахъ и вообще въ монастыряхъ. 8-е, Еслижъ предположить, что Угличъ дѣйствительно имѣлъ 40,000 жителей и до 150 церквей, то Угличъ тогда могъ бы сдѣлаться столицею Великаго Князя, и особенно, послѣ паденія Владиміра; а мы видимъ напротивъ, что Москва сдѣлалась столицею, а

(*) Другіе же города платили гораздо болѣе.

между тѣмъ, Москва не имѣла во время самозванцевъ столько жителей и церквей, какъ считаютъ ихъ въ Угличѣ. Кто знаетъ Исторію нашего отечества, тому не нужны доказательства, что Угличъ не могъ имѣть 40,000 жителей. Какъ же не вѣрить лѣтописцамъ, которые записали въ Исторію Углича 150 церквей и 40,000 жителей? *Они писали не объ одномъ собственномъ городѣ, а считаютъ церквей и жителей во всемъ Угличскомъ Княжествѣ, именно при Царевичѣ Димитріѣ.* Ибо каждый Князь получалъ Угличское Княжество по завѣщанію и каждый получалъ не одинакое число подданныхъ.

Состояніе Углича послѣ раззоренія его Поляками.

Во всѣхъ рукописяхъ, сколько ихъ есть о раззореніи города Углича, въ каждой изъ нихъ приложена статья подъ именемъ: *Плачъ и рыданіе жителей* вновь паселившихся на развалинахъ Углича. Въ этихъ статьяхъ описано, что Поляки ограбивши Угличъ ушли, везя съ собою несмѣтныя сокровища изъ Углича и его храмовъ; Поляки ушли при свѣтѣ зарева; ибо городъ оставили горящимъ. Дымъ и смрадъ отъ

сгорѣвшихъ мертвыхъ тѣлъ заражали собою воздухъ. Наконецъ люди успѣвшіе бѣжать отъ Польскаго меча, начали сходиться въ Угличъ. Но гдѣ Угличъ? Груды дымящагося пепла и закопченныя трубы и печки стояли, какъ привидѣнія на развалинахъ города. Жителей стеклось, по словамъ лѣтописей, не болѣе 300 человѣкъ. Они не узнавали своихъ мѣстъ, гдѣ стояли домы. Картина ужасная раздирала ихъ сердце! Они между грудами сгорѣвшихъ костей искали родныхъ костей, и не могли утѣшить себя и послѣднею радостію, чтобъ отличить кости своей матери, отца, супруги, или своего чада; они принялись предавать землѣ всѣ сгорѣвшія кости, и сотворили, по словамъ лѣтописца „*плачъ велій, якобы всей природѣ съ ними плакати, біюще себя въ грудь и власы свои терзаху*, взываху сице: о граде дивный, о граде Угличе многонародный, о граде вѣрою и благочестіемъ цвѣтуще, о граде всюду церквами украшенъ бывый, о граде сердцу любезне: како раззорися.“ Тутъ исчисляются красота, огромность, многолюдство города Углича; тысяще—кратное проклятіе гремитъ во слѣдъ грабителямъ. Эти проклятія дѣйствительно постигли грабителей; ибо, по словамъ Серебрениковской лѣтописи, Поляки отъ Углича съ

награбленными сокровищами пошли къ Ярославлю; жители Ярославля, откупившись прежде сего отъ грабителей, притворились миролюбивыми, и договариваясь съ Поляками о новомъ выкупѣ, увидѣли множество Угличскихъ сокровищъ и малочисленность Польской рати, напали на нихъ подъ Ярославлемъ въ расплохъ, истребили Поляковъ и завладѣли ихъ награбленными въ Угличѣ сокровищами.

Такъ несчастный нашъ Угличъ претерпѣлъ шестое раззореніе, но еще не послѣднее, какъ увидимъ послѣ. Начиная съ тѣхъ поръ, какъ самозванцы появлялись, Угличъ безпрестанно долженъ былъ высылать своихъ воиновъ, по волѣ Великаго Князя, а съ 1609 года былъ самъ уже осажденъ и раззоряемъ часто.

Когда же въ 1613 году Россія успокоилась отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ, и Михаилъ Өеодоровичъ принялъ для исправленія разстроенное во всѣхъ частяхъ правленіе Россіи: тогда попечительный и благодѣтельный взоръ его былъ обращенъ и на Угличъ. Хотя въ тогдашнее время и нельзя было даровать Угличу особенныхъ льготъ и благодѣяній, ибо и всѣ Русскіе города не менѣе раззорены; однако Михаилъ Өеодоровичъ въ 1615 году уже прислалъ

въ Угличъ грамоту своего Царскаго имени, и послѣ часто обращалъ на Угличъ свое царственное—благодѣтельное вниманіе. Во первыхъ, онъ повелѣлъ указомъ своимъ выстроить на его Государеву казну *церковь Царевича Димитрія на крови*, то есть на мѣстѣ убіенія Св. Царевича Димитрія, снабдилъ сію церковь иконами, сосудами, утварью и положилъ изъ казны жалованье Священнику и церковно-служителямъ. Потомъ велѣлъ возобновить въ Угличѣ многія церкви и монастыри, которые возможно было еще возобновить; однако должно замѣтить, что послѣ раззоренія Углича Поляками, многія церкви и монастыри упразднились, вѣроятно по невозможности вдругъ всѣхъ привести въ прежнее состояніе, такъ какъ и самое народонаселеніе съ тѣхъ поръ уменьшилось.

4) 1613 года Мая 21-го Царская грамота *о переписи въ Угличѣ и его области всѣхъ стоящихъ по Волгѣ судовъ и о приставленіи къ онымъ стражи*" отъ Царя и Великаго Князя Михаила Өеодоровича всея Россіи, на Угличъ, нашему Воеводѣ Өеодору Ивановичу *Погожеву*. Собери ты наискорѣйше всѣ суда по Волгѣ, со всѣхъ селъ, монастырей и деревень и храни ихъ въ Угличѣ подъ крѣпкою стражей стрѣльцевъ

и увѣдоми насъ немедля сколько ихъ числомъ!“

Михаилъ Ѳеодоровичъ, только что вступилъ на престолъ Россіи, и, принимая самыя дѣятельныя мѣры для успокоенія ея послѣ столь долговременныхъ потрясеній, велѣлъ собрать всѣ суда подъ Угличъ или для того, чтобъ не уѣзжали на нихъ бродившія шайки грабителей на Югъ Россіи къ Заруцкому,—или для того, чтобъ посадить на суда свои Царскія дружины и явиться внезапно по Волгѣ для пораженія Заруцкаго, или другаго подобнаго злодѣя.

2) Грамота Царя Михаила Ѳеодоровича городу Угличу тогоже 30 Мая 1613 года, *объ уплатѣ слѣдуемыхъ съ Углича въ казну денегъ и о присылкѣ разныхъ припасовъ для войска.*— „Нынѣ посланъ съ указомъ изъ Москвы въ Угличъ Иванъ Ѳедоровичъ Севастьяновъ взять прошлогодній и нынѣшняго 1613 года сборъ съ посаду: таможенные, кабацкіе, лавочные, банные, оброчные и данные всякіе денежные доходы взять сполна и привезти въ Москву: вы знаете, что Москва раззорена, люде побиты, хлѣба истреблены, денегъ нѣтъ: то будьте сострадательны къ бѣдственнымъ братіямъ, спасите ихъ отъ голода и смерти: *дайте взаймы и*

привезите скорѣе въ Москву денегъ, хлѣба, и припасовъ для войны и войска; а не дадите, то войско разойдется, а беззащитная Москва и вся Россія, да и вы подпадете опять въ руки враговъ вашихъ!„ Эти умилительныя слова Царя къ своему народу вполнѣ объясняютъ тогдашнее состояніе Россіи.

3) Царская грамота 1614 года Октября 12 на Угличѣ Губному Старостѣ *Грозному о приписаніи оброчныхъ мельницъ къ Алексѣевскому монастырю.* (Сокращаю эту грамоту, очень велика). Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ пишетъ Угличскому Губному Старостѣ, что Строитель Угличскаго Алексѣевскаго монастыря Михаилъ билъ ему челомъ: что Поляки, Литовцы и другіе воры, а также *многія бывшія въ Угличѣ браты* съ тѣми врагами, разорили монастырскія имѣнія, до того, что *нечѣмъ прокормить монастыря*, потому и проситъ Государя пожаловать монастырю *четыре* мельницы, которыя находятся въ рукахъ: 1-я у Якова Чалкова Бажова; 2-я Потопчина, на коей живетъ Максимъ Хлыстъ; 3-я Овдокимовская; 4-я Матвѣева, гдѣ живетъ Степанъ Григорьевичъ Потопчинъ. Эти мельницы платятъ (должно быть каждая) въ Го-

сударeву казну по полу-третья рубля.—Еще Михаилъ доносилъ Государю, что прежде выдавалось изъ Государевой казны изъ Большаго Приказнаго двора Алексѣевскаго монастыря Строителю *на тѣмьянное и на ладонь по 14 рублей*, а теперь *пять* лѣтъ уже не выдавали. Царь Михаилъ Өеодоровичъ, по сему челобитью Михаила, велѣлъ Губному Старостѣ Угличскому удовлетворить Строителя съ братіею; велѣлъ отдать имъ какъ мѣльницы, такъ же возобновить выдачу изъ Государственной казны тѣмьянное и на ладонь по 14 рублей ежегодно. Сія грамота найдена въ Угличскомъ Алексѣевскомъ монастырѣ; она подписана Царемъ Михаиломъ Өеодоровичемъ и родителемъ его Патріархомъ Всероссійскимъ Филаретомъ Никитичемъ.

Давно ли Царь Русскій просилъ у Угличанъ взаймы денегъ и хлѣба, а чрезъ годъ самъ уже, какъ отецъ, внимаетъ прошенію Строителя и кормитъ изъ казны монаховъ, которые имѣли до 300 душъ монастырскихъ крестьянъ, по преданіямъ.

4) Рапортъ Царю Михаилу Өеодоровичу Петра Дашкова *о состояніи города Углича и Угличской рати.* Царскою Михаила Өеодоровича грамотою

велѣно было Петрушкѣ Дашкову (вѣроятно Воеводѣ) защищать городъ Угличъ и его область отъ Поляковъ, Литовцевъ, Черкесовъ. На этотъ Царскій указъ Петръ Дашковъ рапортовалъ слѣдующее: что „въ Угличѣ нѣтъ никакой рати,—что вся Угличская рать на Государевой службѣ и разослана въ другія области Россіи. Всего только 6-ть пушкарей, да и тѣ голодные; казны нѣтъ, хлѣба нѣтъ; острогъ обветшалъ, крѣпостной ровъ послѣ Польскаго поврежденія не подкопанъ,—мосты не мощены,—стѣны города развалились,—башни на оныхъ разрушились;—хлѣбу неурожай,—въ кабакахъ недоборъ, и, Угличане съ женами и дѣтьми разбрелись изъ города, будучи напуганы лютыми Ляхами. Шесть казаковъ сидятъ въ худой тюрьмѣ и стеречь некому.“ *Вотъ въ какомъ положеніи былъ Угличъ послѣ раззоренія его Поляками.*

5) Въ 1617 году Петръ Дашковъ рапортовалъ Царю Михаилу Өеодоровичу *о движеніи Литовскихъ людей и неповиновеніи Угличанъ.* „Литовскіе и Польскіе люди,—ходили въ Пошехонье, потомъ въ Мологу, потомъ въ Онтоновскій монастырь, наконецъ приближаются къ Угличу; а Угличане безъ Царскаго указа не слушаютъ и большая часть ихъ разбѣжалась.

6) Челобитная Угличанъ Царю Михаилу Өеодоровичу на Угличанина же *Пашина*. Сію челобитную подалъ Старостишка Васька Столбовъ, какъ онъ самъ подписался па челобитной. Этотъ Пашинъ писалъ прежде къ Царю, что онъ успѣлъ сберечь въ смутное для Углича время 1,300 рублей денегъ, и *отдалъ Царю взаймы деньги* (вѣроятно просилъ, или уже выпросилъ для себя какія—нибудь льготы и выгоды въ Угличѣ): а Староста Столбовъ подалъ въ 1623 году Царю жалобу отъ лица многихъ Угличанъ, что Пашинъ вовсе не такой человѣкъ, который бы стоилъ Царскихъ милостей, а напротивъ, что онъ обманываетъ Царя, ибо онъ есть измѣнникъ: побратался и водится съ Поляками и вмѣстѣ съ ними чинитъ разбой и грабежъ, а Угличанъ обижаетъ, притѣсняетъ и дѣлаетъ имъ всякаго рода насильства. Не тотъ ли это самый измѣнникъ Иванъ Пашинъ, что провелъ ночью Поляковъ въ Угличъ? Или, можетъ быть, его потомокъ, ибо Угличане его ненавидѣли? Вотъ подлинныя слова Супоньевской лѣтописи: По семъ великомъ раззореніи города Углича, благоволи Богъ паки милость свою изліяти на сей градъ и на все Государство Россійское: всѣхъ оныхъ злыхъ Поляковъ отъ земли Рус-

скія прогнавъ и Россію паче прежняго возвеличилъ. Въ 1619 году, Богомъ избранный Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, повелѣлъ оный градъ Угличъ населяти, изъ разныхъ городовъ жителей привозити, и приведоша мужеска и женска пола 5,000, и насели жити въ Угличѣ, дабы вконецъ такого славнаго города память не погибла. И тако, лѣто отъ лѣта градъ Угличъ мало расраспространяшеся, а благовѣрный Государь Михаилъ Ѳеодоровичъ и Св. церквей нѣкую часть обнови и украси. Аще Угличъ въ прежнюю бытность и не пріиде, обаче благодаримъ тя Боже, яко не оставилъ сеи града нашего предану быти забвенію.

Изъ всѣхъ приведенныхъ здѣсь историческихъ фактовъ вывести можно, что Угличъ во все царствованіе Михаила Ѳеодоровича, только поправлялся въ своихъ силахъ и средствахъ къ дальнѣйшему его существованію и промышленной дѣятельности. Такъ какъ Исторія Углича съ кончиною Царевича Димитрія сливается съ Исторіею Россіи; то можно вообще сказать объ Угличѣ, что въ немъ особенныхъ происшествій, достойныхъ украшать Исторію Углича и не было, ибо все зависѣло съ тѣхъ поръ отъ Москвы, которая уже предупреждала всѣ случаи, мо-

гущіе имѣть вліяніе на Москву и Россію. Ежели Угличъ поставлялъ своихъ воиновъ подъзнамена Пожарскаго, и послѣ Царю Михаилу Ѳеодоровичу; то это была общая обязанность всей Россіи.

Теперь взглянемъ на вліяніе Царя Алексѣя Михаиловича на Угличъ: во первыхъ Царь Алексѣй Михаиловичъ, объѣзжая свое Царство посѣтилъ Угличъ, какъ это видно изъ грамотъ его, находящихся въ церкви Царевича Димитрія и Покровскаго монастыря. Царь Алексѣй Михаиловичъ, принявши отъ отца своего успокоенное и нѣсколько уже устроенное Государство Россійское, приготовилъ его мудрымъ своимъ управленіемъ сыну своему Петру Великому для рѣшительнаго преобразованія и улучшенія во всѣхъ его частяхъ. Царь Алексѣй Михаиловичъ путешествуя по Россіи, прибылъ изъ Кашина въ Угличъ, поклонился Св. мощамъ Преподобнаго Паисія въ Покровскомъ Угличскомъ монастырѣ, снабдилъ монастырь Царскими вкладами; молился у гроба Царевича Димитрія, что на крови, снабдилъ и сію церковь грамотою, въ которой подтвердилъ всѣ права церкви и ея священно-церковно-служителей; снялъ съ себя серебряный, довольно большій крестъ, оставлян-

ный крупнымъ жемчугомъ и повѣсилъ на образъ Царевича Димитрія. Потомъ Царь Алексѣй Михаиловичъ осматривалъ Угличъ, повѣрялъ его судную часть и сборы податей, устроилъ его область во всемъ, что требовало Царской его заботливости, и распорядившись такимъ образомъ, продолжалъ путь свой далѣе. Вотъ двѣ грамоты Царя Алексѣя Михаиловича, взятыя изъ собранія древнихъ актовъ: 1-я) Въ 1658 году 25 Февраля, окружная грамота Царя Алексѣя Михаиловича на Угличъ—о запрещеніи посадскимъ людямъ принимать къ себѣ бѣглецовъ, не жениться и невыдавать за мужъ въ другую волость *безъ отпускныхъ* и не переходить людямъ изъ одного посада на другой. Эта грамота найдена въ Угличскомъ Магистратскомъ архивѣ, что въ Соборной колокольнѣ. 2-я) Грамота Царя Алексѣя Михаиловича на Угличъ 1672 года *о переписи Угличской Дворцовой рыбной слободы и ея жителей.* Угличскому Намѣстнику нашему Никитѣ Григорьевичу Бестужеву. Намъ били челомъ, что Угличскіе дворцовые рыболовы могутъ и теперь ловить и доставлять въ Москву столько же рыбы, какъ и прежде; а прежде они доставляли во дворецъ по 100 стерлядей живыхъ для Дмитровскихъ прудовъ и по 100 стер-

лядей къ Царскому столу ежегодно. То переписши жителей рыбной слободы всѣхъ мущинъ, женщинъ и дѣтей и пришли мущинъ въ Москву для объясненія и оправданія противъ челобитья, что на нихъ подано!

Эта Угличская рыбная слобода получила названіе дворцовой потому, что она была свободна отъ всѣхъ пошлинъ и земскихъ повинностей, а обложена была изъ давняго времени поставлять опредѣленное количество рыбы въ Угличскій Княжескій дворецъ для стола Угличскихъ Князей, а потомъ и въ Москву. »1652 года грамота Алексѣя Михаиловича на Угличъ нашему Воеводѣ Герасиму Кузьмичу Шишкову. Въ Приказѣ Большаго Дворца въ приходной окладной книгѣ нынѣшняго 1652 года написана Углича посада тамга. А таможенную пошлину и кабацкую прибыль собираютъ на насъ на вѣру вѣрной голова и цѣловальники Николка Ивановъ съ товарищами; а по окладу таможенныхъ и кабацкихъ денегъ противъ сборовъ прошедшихъ годовъ, велѣно имъ собрать 2128 руб. 16 алтынъ и пол-четверти деньги.» Далѣе въ сей грамотѣ изложены подробныя правила, постановленныя въ общемъ Совѣтѣ Патріарха Никона, Митрополитовъ или Священнаго Собора и всѣхъ

Думныхъ людей: постановили, гдѣ быть кружечнымъ дворамъ, чтобъ продавать вино въ показанное время и часы, *а въ Великой постъ, въ Успенской постъ не продавать вовсе*, а въ Филипповъ и Петровъ посты не продавать по Середамъ и Пятницамъ. Сія грамота на пяти листахъ писана.

О пожарахъ и наводненіяхъ бывшихъ въ Угличѣ.

Чего не потерпѣлъ, чего не испыталъ нашъ древній и достославный Угличъ?... И Татары, и Поляки, и Русскіе междоусобные мечи истребляли его несчастныхъ жителей, и пожары опустошали его зданія и храмы, и наконецъ вода тревожила не разъ его мирныхъ жителей. Одно только всемогущее время могло изцѣлить его неисцѣлимыя раны; одно только время и попеченіе Царей воскрешали его изъ небытія и вливали ему новую жизнь. О, какъ тотъ жалокъ, кто не знаетъ Исторіи этой тысящелѣтней, истинной и поучительной сказательницы. Великъ ли нашъ вѣкъ, много ли мы успѣемъ увидѣть въ теченіе краткой нашей жизни, и то уже видѣли и пожаръ истребляющій Угличъ, и Напо-

леона въ Москвѣ, и нашего Царя въ Парижѣ и губительную холеру? А въ Исторіи какъ въ зеркалѣ видно цѣлыя тысячелѣтія, со всѣми бурными переворотами на всемъ земномъ шарѣ, со всѣми славными подвигами людей намъ подобныхъ, со всѣми разительными и поучительными примѣрами высокихъ добродѣтелей и гибельныхъ страстей и заблужденій. Нѣтъ въ мірѣ словъ, которыми можнобъ было выразить пользу Исторіи. *Не зная Исторіи, мы не знаемъ цѣны нашему счастію*; мы тогда не имѣемъ мѣрила оному. Мы въ благословенное наше время до того избалованы счастіемъ, что намъ несчастіемъ кажется уже и то, если что—нибудь не сбылось по нашему желанію, когда намъ не удалось купить или продать по желаемой цѣнѣ. О люди, люди! Когда васъ Богъ насытитъ? Всякій отгадаетъ: когда сажень земли проглотитъ наши страсти, когда гробовая доска сокроетъ наше ненасытное желаніе? Итакъ, чтобъ яснѣе видѣть настоящее наше счастіе, взглянемъ на прошедшія несчастія роднаго нашего Углича. Конечно Татары, Годуновъ и Поляки не придутъ болѣе истреблять и ругаться надъ всѣмъ, что свято нашему сердцу; но мы чаще всего бываемъ сами причиною своего несчастія. Пословица, или

вѣковая истина вопіетъ къ намъ: *берегись всего опаснаго какъ огня!* Но есть ли что—нибудь опаснѣе огня? Это мы сей часъ увидимъ.

Первый ужасный пожаръ описанъ уже прежде, когда Угличъ былъ еще удѣльнымъ Княжествомъ, во время Андрея Василіевича сына Темнаго, въ 1491 году Маія 25. *Второй пожаръ* случился, какъ говорятъ старожилы, въ 1726 году; причиною его была неосторожность; онъ произошелъ не далеко отъ того мѣста, гдѣ нынѣ Вознесенская церковь, и простеръ свое истребительное пламя за Алексѣевскій монастырь на Юго-Востокъ. Церковь Василія Великаго деревянная сгорѣла отъ сего страшнаго пожара и на мѣсто сгорѣвшей, спустя нѣкоторое время, построена нынѣшняя каменная. Этотъ пожаръ, опустоша Восточную часть Углича, истребилъ много анбаровъ съ товарами, стоявшіе по ручью, и до 150 домовъ. Итакъ неосторожность одного погубила столько другихъ; и кто исчислитъ сумму, пожранную всеистребляющимъ пламенемъ? Иной потерялъ въ одинъ часъ все свое имущество, все свое достояніе, а можетъ быть, и все свое счастіе, о которомъ онъ тогда еще мечталъ, когда оно уже горѣло. Другой, можетъ быть, день и ночь трудился, и все

надежды бѣдняка улетѣли съ дымомъ на воздухъ.

Третій ужасный пожаръ былъ въ Угличѣ въ 1793 году съ 25 на 26 Сентября, слѣдовательно въ царствованіе незабвенной Екатерины II-й. У купца Димитрія Бычкова загорѣлся сальный заводъ. Ахъ какъ страшно имѣть заводы среди города, на которыхъ почти неугасаемо горитъ огонь! Одинъ разъ, одинъ только разъ-хоть въ 50 лѣтъ не убережешся, и зло можетъ быть ужасное! Такъ и этотъ пожаръ происшедшій на заводѣ, можетъ быть, отъ вздремавшаго работника истребилъ всего до 500 домовъ. Онъ истребилъ почти всѣ торговые ряды и лавки, запасные магазины и въ нихъ множество имущества и достоянія бѣдныхъ граждань, и множество жилыхъ дворовъ сгорѣло въ одну ночь. Ужасно и вообразить эту ночь: сотни гражданъ ложились спать счастливыми, богатыми, а встали въ однѣхъ рубашкахъ, нищими, съ убитою душой, съ обнаженнымъ семействомъ, ни денегъ, ни товаровъ, ни покрова, ни одежды, ни пищи, а дѣти плачутъ! Что можетъ быть ужаснѣе положенія сего несчастливца! И все это произошло отъ неосторожности.

Но вотъ четвертый пожаръ, который еще всему Угличу въ свѣжей памяти; этотъ послѣд-

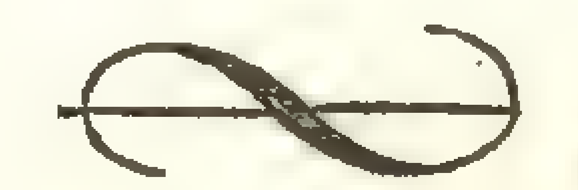
ній урокъ осторожности жестоко наказалъ жителей Углича за неосторожность. Пожаръ случился въ 1822 году 8 Мая въ праздникъ Апостола Іоанна Богослова. Онъ начался въ домѣ купца Шишкина отъ самовара; вѣтеръ былъ Сѣверный, самый сильный и порывистый; онъ прокатилъ бурные валы истребительнаго пламени отъ Волги и до Рыжечника, т. е. болѣе версты и въ ширину на полверсты; горящія головни и огненные галки бушующій вѣтеръ срывая бросалъ вдругъ и чрезвычайно далеко, такъ, что городъ зажигался вдругъ во многихъ мѣстахъ, и потому не было никакой возможности потушить столь ужасный пожаръ. Итакъ Юго-западная сторона Углича загорѣлась почти вдругъ и по Московскую улицу отъ Волги и до Рыжечника вся выгорѣла.

Все превратилось въ прахъ и пепелъ: домы, лавки, заводы, кладовыя, и все, что только могло горѣть, пламень пожралъ и уничтожилъ. Три дня дымился Угличъ. Вопль, рыданія и проклятія на неосторожность наполняли дымный воздухъ цѣлый мѣсяцъ. Полунагіе, обгорѣлые, изувѣченные несчастные жители копались, стеная на развалинахъ своихъ домовъ, сокровищъ и надеждъ. Въ память этого страшнаго

пожара Угличане установили крестный ходъ вокругъ города, совершаемый съ тѣхъ поръ ежегодно. Вотъ прекрасное и назидательное торжество вѣры и предапности промыслу Всевышняго, безъ воли коего и *волосъ главы нашей не погибнетъ;* не худо бы при столь глубокой вѣрѣ припоминать и пословицу, что *осторожнаго и Богъ бережетъ.* Послѣ того почти каждый годъ случались въ Угличѣ пожары; но милость Божія велика еще къ его жителямъ, и пожарная команда усовершенствована и умножена.

Бывали въ Угличѣ и моровыя язвы, но онѣ общія всей Россіи; а притомъ Угличъ заступленіемъ своихъ Святыхъ скоро избавлялся отъ нихъ,-и Сѣверный климатъ притуплялъ жало смертоносной язвы. *Наводненіе въ Угличѣ было два раза* записанное въ лѣтописяхъ Угличскихъ. Онѣ были не отъ естественнаго вѣшняго разлитія Волги, которая иногда примноговодіи заливаетъ изъ овраговъ низменныя мѣста Углича, но отъ спершагося льду, который становится страшными скалами и запруживаетъ и останавливаетъ Волгу въ ея теченіи. Въ весь почти двухъ-часовой приливъ верховой воды, встрѣчая неодолимую преграду, составленную ужасною силою напи-

рающей воды, образовалъ случайно ужасную гору изъ поставленнаго ребромъ льду, и, собираясь съ новыми силами, чтобъ разорвать сію ледяную крѣпость, волга бросила свои остановленныя воды въ стороны, и, покуда надувалась, росла, какъ великанъ усиливаясь: то въ эти страшныя минуты успѣла затопить довольно высокія мѣста. Она съ ревомъ хлынула изъ овраговъ, заняла всю торговую площадь, была на мосту, соединяющемъ площадь съ крѣпостью на крѣпостной площади между Соборами,—была на Спасской улицѣ, на деревянномъ мосту, что у песковъ; однимъ словомъ, обхватила весь городъ посредствомъ четырехъ овраговъ, разрѣзывающихъ городъ, затопила множество подваловъ и нижнихъ комнатъ въ домахъ и причинила множество вреда жителямъ. Первое наводненіе было весною въ 1719 году, а второе въ Филипповъ постъ—въ праздникъ Николая Чудотворца въ 1792 году.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

СТАТИСТИКА УГЛИЧА.

Угличъ въ нынѣшнемъ его состояніи.

I.

Наружный видъ Углича.

Волга-мать Русскихъ рѣкъ, какъ Москва мать Русскихъ городовъ. Отъ Балтійскаго моря и до Уральскихъ горъ, отъ Сѣвернаго Океана и до Каспійскаго моря—Волга благодѣтельствуетъ обширной Россіи, кормитъ Русское Царство, и произведенія всѣхъ его климатовъ передаетъ иностраннымъ державамъ. Какое Русское сердце не порадуется, видя ежедневно возрастающими промышленность и торговлю Россіи! Почти всѣ Русскія моря Волга соединяетъ посредствомъ каналовъ; всѣ приволжскіе города цвѣтутъ, богатѣютъ, распространяются и украшаются, будучи обязаны своимъ благоденствіемъ матушкѣ Волгѣ.—Какъ величественна, какъ прелестна Волга, увѣнчанная множествомъ судовъ большихъ и малыхъ, лодокъ и лодочекъ! Какъ очаровательно отражаетъ она обѣ стороны Углича въ хрусталѣ водъ своихъ! Но чтобы вполнѣ полю-

бовáться Угличемъ и разнообразнымъ движеніемъ на Волгѣ: то взойдемъ на Богоявленскую гору; тогда по лѣвой сторонѣ Волги откроется группа домовъ, то каменныхъ, то—деревянныхъ; огромныя и красивыя заведенія бумажной фабрики купца 4-й гильдіи Попова;—три церкви являющія собою три различные періода архитектуры;—домъ помѣщика Суновьева съ банями и флигелями, осѣненный садомъ. Отсюда взоръ невольно перебѣгаетъ чрезъ Волгу, чтобы созерцать крутой правый ея берегъ, увѣнчанный прелестными каменными домами и кожевенными заводами на Яновомъ полѣ. Эта линія домовъ огибаетъ собою уголъ Волги, вдавшійся въ городъ и прелестно отражается въ хрусталѣ водъ. Теперь бросьте взоръ отъ Волги по горизонту, какая прелестная картина! Весь Востокъ и Югъ загроможденъ зданіями, одно другаго красивѣе, одно другаго примѣчательнѣе; тогда Угличъ кажется Москвою; ибо версты на три видѣнъ во всѣ стороны, и съ Богоявленки кажется весь каменнымъ. Угличъ, расположенный на углу Волги амфитеатромъ повышается отъ нея постепенно къ церквамъ: Пѣтуховской, Васильевской и Царевской на полѣ; по этому Угличъ весь открытъ съ Богоявленки. На пространствѣ все-

го горизонта, загроможденнаго каменными домами, лавками и заводами, возвышается 27 церквей и столько же колоколенъ, коихъ Кресты довершаютъ наружную красоту Углича.

II.

Внутренность Углича и его примѣчательности.

Въ Угличѣ центральная площадь вымощена дикимъ камнемъ, и потому, при всемъ многолюдствѣ и троекратномъ въ недѣлю торгѣ, на грязь и нечистоту нельзя жаловаться. Угличъ прорѣзанъ четырмя оврагами, на днѣ коихъ текутъ ручьи; эти глубокіе овраги весною наполняются водою изъ Волги при разлитіи ея; вода вымываетъ овраги и освѣжаетъ городъ. Чрезъ сіи овраги построены пять каменныхъ и четыре деревянныхъ мостовъ. Центральная торговая площадь окружена съ четырехъ сторонъ двоэтажными рядами лавокъ, а съ пятой городскимъ садомъ; крутой и глубокій оврагъ отдѣляетъ садъ съ трехъ сторонъ отъ города, а соединяется съ нимъ четырмя мостами. На площади двѣ церкви прекрасной архитектуры: Успенская, прежде бывшій Соборъ, и Казанская;

между церквами построены квадратомъ лавки, или ряды. Ряды прорѣзаны насквозь покрытыми улочками, а снаружи окружены со всѣхъ четырехъ сторонъ прекрасными арками; всѣ лавки окружающія площадь украшены такими же арками. Отъ главной площади идутъ, какъ радіусы отъ центра, пять главныхъ улицъ: Ярославская, новая Ростовская, старая Ростовская, Московская и Спасская. Всѣ эти улицы перерѣзаны многими поперечными улицами, подобно ткани паука. Кромѣ сей главной площади, есть въ Угличѣ еще пять площадей, украшенныхъ церквами.

Священное для Угличанъ мѣсто, составлявшее прежде Княжеское жилище и называвшееся крѣпостью, теперь площадь, съ тремя церквами, двумя колокольнями и городскими Присутственными мѣстами; другую половину занимаетъ городской общественный садъ. Главную Историческую достопримѣчательность представляетъ здѣсь дворецъ Царевича Димитрія.

Дворецъ Царевича Димитрія Іоанновича есть древнѣйшее зданіе во всемъ Угличѣ; онъ построенъ Княземъ Андреемъ Василіевичемъ, слѣдовательно еще около 1462 года. Впрочемъ трудно повѣрить, чтобы осталось что—нибудь

отъ Андреевой постройки; ибо дворецъ часто пристроивали и перестроивали послѣдующіе Угличскіе Князья, и особенно Шемяка. Въ нынѣшнемъ состояніи этотъ дворецъ, столь древній и столь обширный прежде, весь состоитъ теперь въ одной только комнатѣ въ верху, другой внизу и подъ ними находятся два темные подвала. Эта квадратная фигура увѣнчана гербомъ Русскихъ Царей. Каменныя стѣны со всѣхъ четырехъ сторонъ сведены треугольниками въ верху вышиною въ шесть саженъ. Стѣны украшены разными фигурами XV вѣка. Это самое и доказываетъ, что съ той высоты, гдѣ оканчиваются украшенія, были пристроены другія комнаты обширнаго дворца. Слѣдовательно треугольники стѣнъ, восходящіе до самаго герба и украшенные разными изразцами возвышались и господствовали надъ другими зданіями дворца, какъ главный куполъ.

Этотъ дворецъ называется Царевича Димитрія, потому только, что онъ послѣдній изъ Угличскихъ Князей жилъ въ немъ. Отъ смерти Царевича Святаго пролетѣло надъ его дворцемъ уже 300 лѣтъ; и потому многаго уже нѣтъ, что составляло при немъ дворецъ и крѣпость; одна только комната осталась отъ всего, что

было въ крѣпости; эту комнату называютъ спальнею Царевича. Объ обширности дворца Угличскихъ Князей можно судить по фундаментамъ, которые прорѣзываютъ всю крѣпость на каждомъ шагу и по всѣмъ направленіямъ.

Первый Угличскій Князь занималъ, можетъ быть, не болѣе трехъ—четырехъ комнатъ; но во всякомъ случаѣ, и у каждаго Князя дворецъ долженъ имѣть: сѣни—или прихожую комнату, вторую Княжескую тронную—или гостинную,—третью спальню,—четвертую для Княгини, пятую для дѣтей, и шестую для взрослыхъ дочерей, называемую теремомъ. Такъ жили въ Угличѣ первые Князья еще въ деревянномъ дворцѣ; Димитрію Юрьевичу Шемякѣ тѣсна была уже и вся крѣпость; онъ жилъ пышно и роскошно; во дворцѣ его должны были помѣщаться, кромѣ собственнаго семейства, родственниковъ жильцовъ двора и огромной прислуги, еще много другихъ Князей и Бояръ съ ихъ прислугами; у него всегда много было пріѣзжихъ, какъ гостей, такъ же и по дѣламъ. Нынѣшній дворецъ два раза, если не три уже подновленъ: первый послѣ раззоренія Углича Поляками, при Царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, когда строили церковь Царевича на крови на его иждивеніе; а другой разъ

недавно, лѣтъ за 20-ть отъ нашего времени. Слѣдовательно, въ теперешнемъ дворцѣ столь же трудно узнать дворецъ Андрея, или Шемяки, какъ въ теперешнемъ Угличскомъ гражданинѣ современника сихъ Князей. Драгоцѣнный для Угличанъ и всѣхъ Россіянъ дворецъ покрытъ желѣзною крышею, огражденъ желѣзною рѣшеткою, обложенъ древними пушками и пищалями, которыми Угличане разили въ 1611 году Поляковъ, осаждавшихъ Угличъ. Ко второму этажу придѣлано недавно крыльцо и лѣстница къ Царевичевой комнатѣ. Эта комната внутри расписана, съ великимъ усердіемъ, но съ худымъ знаніемъ и вкусомъ: на одной стѣнѣ написана Царица съ младенцемъ, на другой убіеніе Царевича, а на передней—его Святые мощи. Подъ потолокомъ вмѣсто карниза написаны—всѣ Русскіе Князья, Цари и Императоры, отъ Рюрика до Александра Благословеннаго. Итакъ внутри ничего нѣтъ древняго, кромѣ слюдяныхъ узенькихъ оконецъ.

Подъ Царевичевою комнатою въ тѣхъ же четырехъ стѣнахъ другая квадратная комната, или нижній этажъ. Теперь въ ней одна только дверь; а другая дверь и окошки задѣланы, полы уничтожены, и потому видны только своды нахо-

лящихся подъ нею подваловъ. Одинъ подвалъ недавно провалился, а другой еще стоитъ до времени,—но кажется не на долго; ибо правая нижняя часть стѣны уже обрушилась, и другая ея половина откололась, и потому сводъ угрожаетъ ежеминутно своимъ паденіемъ. Провалившійся погребъ всякому видѣнъ, но правый по темнотѣ своей недоступенъ для робкихъ. Внутрь его ведетъ узенькая лѣсенка въ правомъ углу. Это—простые подвалы или погреба, которые во всякомъ домѣ должны быть. Я ихъ осматривалъ и всякій можетъ посмотрѣть, сличить на дѣлѣ всѣ сказки и удостовѣриться, что двѣ маленькія отдушины или окошка не могутъ быть дверьми подъ Волгу, и заперты пудовыми замками, а засыпанны мусуромъ. Можетъ быть, эти подвалы служили нѣкогда тайною тюрьмою; можетъ быть, Василій Темный, и послѣ Андрей Василіевичъ сидѣли въ нихъ, какъ Государственные узники; можетъ быть, и много Историческихъ событій погребено подъ сводами этихъ двухъ подваловъ; но я пишу не подземную Исторію, а только то, что совершилось предъ глазами очевидцевъ, записавшихъ все видѣнное ими. Вѣрнѣе всего, что въ сихъ подвалахъ хранилась казна Угличскихъ Князей и вообще дворцовыя сокровища. Между

прочимъ отдадимъ Угличанамъ полную честь и глубокую благодарность, что они берегутъ дворецъ Царевича Димитрія, какъ драгоцѣнность, какъ святыню, какъ памятникъ величія, славы, счастія и ужаснаго бѣдствія для Углича и жившихъ въ семъ дворцѣ. При взглядѣ на стѣны этой Царевичевой комнаты, много, очень много пробуждается мыслей; воспоминанія толпятся въ душу; но чтобъ вполнѣ наслаждаться ими, надобно прежде знать, что въ семъ дворцѣ совершилось за три, за пять столѣтій,—надобно знать Исторію Углича.

Отъ Царевичева дворца, саженяхъ въ пятнадцати, на самомъ берегу Волги, на высокой крутизнѣ, въ Сѣверномъ уголку крѣпости построена *Церковь Царевича Димитрія на крови*—на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ убитъ Царевичъ и мѣсто обагрено его Святою кровію.

Въ Царствованіе Годунова Угличъ былъ опустошенъ; некому было поклаияться Страстотерпцу; боялись даже имя Царевича вслухъ произносить: однако при появленіи самозванцевъ уже существовала часовенка надъ мѣстомъ крови; въ царствованіе Шуйскаго построена была маленькая деревянная Церковь, послѣ того, какъ Мощи Царевича перенесены въ Москву.

Михаилъ Өеодоровичъ самъ чуть—было не испыталъ участи, постигшей Царевича,—но эту участь снялъ на себя великодушный Сусанинъ; и потому, сочувствуя Царевичу и благоговѣя предъ нетлѣнными его Мощами, велѣлъ на свое иждивеніе построить каменную церковь на мѣстѣ деревянной, и съ тѣхъ поръ навсегда явилась мѣстомъ поклоненія неутѣшнымъ Угличанамъ, сѣтующимъ какъ о смерти Царевича, такъ и о братіяхъ заточенныхъ Годуновымъ.

Церковь Царевича Димитрія сколько священна и достопамятна сама по себѣ для Угличанъ, столько же и по историческимъ памятникамъ находящимся въ ней: 1.) Серебреная Рака, сдѣланная для Мощей Царевича, прекрасной чеканки, съ отличными барельефами Святаго Царевича. 2.) Въ Ракѣ вмѣсто Мощей, перенесенныхъ въ Москву для спасенія России, хранится драгоцѣнная плащаница Царевича Димитрія; она вышита и украшена руками самой матери Царевича-Инокини Мареы, и прислана въ Угличъ, въ царствованіе Михаила Өеодоровича, вмѣстѣ съ другими вещами для вновь созданной церкви Царевича Димитрія. 3.) Сверхъ плащаницы въ Ракѣ лежитъ складная серебреная Икона съ чернятью и позолотою; она подарена усердіемъ

Царя Михаила Феодоровича вскорѣ по возшествіи его на престолъ Россіи. 4-е.) Въ этой Иконѣ вдѣланы крестообразно четыре орѣха, найденные нетлѣнными въ рукѣ Св. Царевича, съ которыми онъ былъ закланъ. 5.) Въ срединѣ Иконы хранится ковчегъ съ окровавленной землею, взятою съ мѣста, гдѣ Святая невинная кровь Св. мученика обагрила землю во время его закланія. 6.) Грамота, которою Царь Михаилъ Феодоровичъ повелѣлъ на свой счетъ воздвигнуть Церковь во имя Царевича Димитрія на Святой его крови; съ этою грамотою Царь прислалъ въ ново-созданную церковь множество Иконъ и всякой священной утвари. Этою же грамотою Царь повелѣлъ содержать церковь и причетниковъ ея отъ Царской своей казны, или на Царской ругѣ. Въ ней опредѣлены подробно всѣ расходы, какъ для церкви, такъ и для церковно-служителей ея. Примѣчательно теперь, что Священникъ, вмѣсто четверти ржи, могъ получать по тогдашней цѣнѣ изъ казны *десять алтынъ* за четверть, а вмѣсто четверти овса—*шесть алтынъ*. 7.) Грамота Царя Алексѣя Михаиловича, въ которой онъ подтверждаетъ всѣ ружныя права церкви и ея причета на полученіе того же жалованья, какое получалось при его родителѣ,—и прибавилъ еще

пудъ воску, ведро краснаго вина и два пуда муки на просфоры. 8.) Царь Алексѣй Михаиловичъ, снявши съ себя Крестъ повѣсилъ его на образъ Св. Царевича, который и до нынѣ виситъ, какъ памятникъ глубокой набожности сего Царя. Крестъ довольно большой серебряный, съ чернетью; на Крестѣ изображенъ Іисусъ Христосъ, по сторонамъ его Херувимы, а въ углахъ Креста четыре крупныя жемчужины. Здѣсь же Царь вторичнымъ Указомъ улучшилъ состояніе церкви и ея священно-служителей. 9.) Въ церкви Царевича Димитрія хранится также подлинная на столбцѣ грамота Царей Іоанна и Петра Алексѣевичей, въ которой подтверждаются всѣ прежнія права церкви и ея причта на полученіе изъ казны Царской руги, съ многими прибавленіями и поясненіями, сообразно съ тогдашнею цѣною. Со временъ Петра Великаго и до сихъ поръ церковь Царевича Димитрія состоитъ на Царской ругѣ. 10.) Еще достойно замѣчанія твореніе Димитрія Митрополита Ростовскаго; это большая книга въ полулистъ, писанная собственною рукою сего Святителя и подарена церкви Царевича Димитрія. Въ этой книгѣ описаны Митрополитомъ: рожденіе, жизнь и убіеніе Царевича Димитрія Угличскаго, чудеса прояв-

ленныя нетлѣнными его Мощами, перенесеніе Мощей изъ Углича въ Москву, молитва, каноны и всѣ прославленія, какія напечатаны съ этого подлинника въ Четій-минеи. Должно замѣтить, что Княгиня Одоевская, будучи родственницею Царевичу Димитрію и побуждаемая чувствомъ благоговѣнія къ святому Страстотерпцу, возобновила церковъ Царевича Димитрія на свой счетъ и снабдила ее богатыми вкладами.

Такъ какъ въ Угличѣ, по словамъ лѣтописей, было три Собора: то должно думать, что Успенскій Соборъ былъ древнѣе другихъ; ибо Преображенскій Соборъ построенъ первоначально Княземъ Романомъ Святымъ. Онъ былъ обыкновенно деревянный; когда же деревянный устарѣлъ и Русскіе научились у Италіанцевъ строить каменныя зданія, тогда на мѣстѣ деревяннаго построили каменный; онъ былъ небольшой и стоялъ поближе къ Волгѣ. Нынѣшній же великолѣпный Соборъ построенъ въ царствованіе Петра Великаго. Онъ стоитъ на квадратномъ основаніи съ выступомъ въ Восточной стѣнѣ для олтаря. Церковь увѣнчанная пятью главами, изъ коихъ средняя господствуетъ надъ другими своею огромностію; она утверждена на огромномъ сводѣ; сводъ, разительный своею величиною, ут-

верждепъ просто на четырехъ стѣнахъ церкви; путешественники удивляются огромности свода Угличскаго Собора. Вся внутренность огромнаго Храма превосходно расписана извѣстнымъ Россіи Академикомъ Медвѣдевымъ. Наружность храма напоминаетъ архитектуру XVII столѣтія и довольно сходствуетъ своею формою съ храмомъ Спасителя, воздвигаемымъ въ Москвѣ. Впрочемъ нынѣ пристроили къ Угличскому Собору фронтоны надъ всѣми тремя входами; къ Волгѣ пристроили теплую церковь, и все это вмѣстѣ много измѣнило прежнюю его форму. Въ Соборѣ устроены двѣ гробницы: въ первой серебреной Ракѣ хранятся остатки сожженныхъ Поляками Мощей Святаго Князя Романа Угличскаго; а во второй серебреной Ракѣ хранится истлѣнный покровъ Царевича Димитрія, вынутый изъ его гроба при открытіи его Святыхъ Мощей. Угличане выпросили себѣ этотъ покровъ у Царя Василія Іоанновича Шуйскаго, какъ памятникъ своего Святаго покровителя, перенесеннаго въ Москву. Хранятся также въ память и носилки, обшитые краснымъ сукномъ, на которыхъ провожали Угличане своего Страстотерпца Царевича изъ Углича въ Москву.

Въ нѣсколькихъ саженяхъ воздвигнутъ дру-

той Соборъ зимній; онъ построенъ въ царствованіе Александра благословеннаго, особенно усердіемъ купца Кожевникова. Огромный потолокъ теплаго Собора поддерживается двумя рядами колоннъ; онъ росписанъ также прекрасно и тѣмъ-же Медвѣдевымъ. Живопись стѣнъ и резьба иконостаса равно плѣняютъ и взоръ и душу Христіанина. Въ этомъ Соборѣ есть двѣ примѣчательныя Иконы. Первая—Спаситель, несущій Крестъ, отличной живописи, пожертвована въ церковь объѣдневшимъ уже купцомъ Пушниковымъ; онъ не хотѣлъ ее продать за великую сумму и пожертвовалъ Подателю небесныхъ благъ. Вторая—Икона Царевича Димитрія, которою Московскій Митрополитъ Филаретъ благословилъ Угличскихъ гражданъ. Между зимнимъ и лѣтнимъ Соборами возвышается осьмиугольная колокольня; она стоитъ отдѣльно и на ней устроены огромные часы, которые бьютъ; часы, четверти и минуты, напоминая Угличанамъ, что время невозвратно и вѣчность близка.

Какія думы тѣснятся въ душу, когда проходишь бывшею крѣпостію!? Здѣсь каждый шагъ земли облитъ кровію нашихъ предковъ; здѣсь каждый шагъ освященъ стопами Святыхъ: Князя Романа и Царевича Димитрія; здѣсь на

каждомъ шагу нѣкогда сражались и умирали за вѣру и вѣрность; здѣсь всѣ Угличскіе Князья оставили свою память: тотъ копалъ крѣпостный ровъ и насыпалъ огромный валъ; другой созидалъ церковь; третій воздвигалъ стѣны и башни; четвертый и даже всякій изъ нихъ перестроивалъ дворецъ своего предшественника; одинъ пировалъ во дворцѣ съ Татарами, другой вымаливалъ и покупалъ Ханскую милость у его посланниковъ; тутъ жилъ Василій Темный, тутъ сидѣлъ Андрей Василіевичъ, а здѣсь горевалъ Шведскій Принцъ;—вотъ здѣсь зарѣзали злодѣи Царевича Димитрія; тутъ Годуновъ рѣзалъ языки и головы Угличанамъ; вокругъ и вездѣ Угличане рѣзались съ Поляками. Итакъ можно ли быть равнодушнымъ, ходя по бывшей крѣпости, между Княжескимъ дворцемъ, церквами и цвѣтущимъ садомъ, выросшимъ на землѣ утучненной кровью Угличанъ? Здѣсь также молилась въ келіи Дѣвичья монастыря Царица Инокиня Мароа; она убитая горестію, кровавыми слезами оплакивала въ отчаяніи сына своего Царевича Димитрія; здѣсь молились Угличскіе Князья и Всероссійскіе Цари: Іоаннъ Грозный, Алексѣй Михаиловичъ, Екатерина Великая и наконецъ въ наше время, здѣсь предъ Престоломъ

Всевышняго преклонялъ свои царственныя колена Наследникъ Россійскаго Трона—надежда Россіи Цесаревичъ Александръ Николаевичъ (1837), ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ (1841). Здѣсь гробницы Угличскихъ Святыхъ напоминаютъ намъ добродѣтель ихъ и нашу ничтожность, неминуемую смерть и воздаяніе по дѣламъ каждаго. Здѣсь, сидя въ бесѣдкѣ, невольно прочитаешь въ мысляхъ Исторію Углича и всей Россіи. Это—Угличскій кремль, богатый воспоминаніями разительными, горькими, умилительными и назидательными.

О, еслибы Вы, древніе Князья и Владыки Углича, возстали изъ гробовъ своихъ и посмотрѣли на Угличъ—свою Столицу, и сравнили свое счастіе съ нашимъ! Вы позавидовали бы последнему изъ насъ; Вы изумились бы, видя на мѣстѣ Вашихъ рвовъ, валовъ, стѣнъ и башенъ, наши прелестныя аллеи, прекрасные мостики, узорчатые рѣшетки, разнообразныя деревья, душистые цвѣтники и цвѣтущую радость на лицахъ гуляющихъ Угличанъ. Тамъ, гдѣ ни одинъ Князь не княжилъ спокойно, ни одинъ Владыка не властвовалъ свободно, гдѣ каждую минуту страшились—Татаръ, или сосѣдняго Князя, или Великаго Князя, или откупщика и сборщика Та-

тарскихъ поплинъ; тамъ, гдѣ Вы трепетали за жизнь подданныхъ и собственную свою, нынѣ воспѣвается Богъ, прославляется Царь, цвѣтетъ садъ, цвѣтетъ радость и свобода на лицѣ и въ душѣ каждаго Угличанина. Вы княжили въ крѣпостяхъ и—въ страхѣ; мы же царствуемъ въ покоѣ, радости и на свободѣ; Вы боялись враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ; а мы боимся одной неблагодарности Богу и Монарху; Васъ страшилъ Татарскій мечь и стыдъ рабства, а насъ одна совѣсть и одинъ стыдъ, если мы не умѣемъ наслаждаться нашимъ счастіемъ. Угличане! Видя предъ собою остатки дворца и крѣпости, и чувствуя подъ ногами прахъ, смѣшанный съ кровью и прахомъ нашихъ предковъ, вспомнимъ всѣ прошедшія бѣдствія и настоящее наше счастіе! Вспомнимъ и возблагодаримъ изъ глубины души Всеблагаго Творца и пекущагося о счастіи нашемъ Монарха! Небесный Царь далъ намъ душу, а земный Царь образуетъ ее; Небесный далъ намъ счастіе, а земный учитъ насъ наслаждаться имъ.

Послѣ Историческихъ зданій въ крѣпости, невольно обращаетъ на себя вниманіе церковь Воскресенія Христова. Огромность ея поразительна и не смотря на простоту ея архитектуры,

она великолѣпнѣйшая изъ церквей. Это не церковь, а три или четыре церкви вмѣстѣ, съ галлереями, кладовыми, колокольнями, которыя вмѣстѣ составляютъ величественную, разнообразную и пріятную группу зданій. Церковь Воскресенія была прежде богатымъ монастыремъ; онъ имѣлъ около 500 душъ крестьянъ, управлялся Архимандритомъ, имѣлъ множество монаховъ; но раззоренный Поляками не могъ уже придти въ прежнее свое состояніе. Инокъ Воскресенскаго монастыря Іона, возвышаясь постепенно духомъ и саномъ, достигъ наконецъ степени Митрополита Ростовскаго, и, обращая вниманіе на мѣсто своего постриженія и жительства, онъ своимъ стараніемъ и усердіемъ способствовалъ воздвигнуть нынѣшнюю огромную церковь Воскресенія, которая и освящена въ 1674 году. Іона будучи Архіепископомъ Тульскимъ и Бѣлевскимъ, пожертвовалъ сребряные вызолоченные сосуды съ надписью своего имени въ Воскресенскій Угличскій монастырь; а будучи уже Митрополитомъ въ Ростовѣ, пожертвовалъ серебреный вызолоченный Крестъ на Престолъ.

Алексѣевскій Угличскій монастырь также древнѣйшій и богатѣйшій; онъ имѣлъ нѣкогда болѣе 2,000 душъ крестьянъ, мѣльницы, лѣса и

рыбныя ловли,—управлялся также Архимандритомъ, какъ и теперь; но теперь примѣчателенъ только по церкви, строеніе которой приписываютъ Угличскому Князю Оомѣ. Это три соединенныя при основаніи пирамиды, примѣчательныя своею древностію и особеннымъ родомъ архитектуры.

Церковь Апостола Филиппа отличается своею высотою и прелестью архитектуры, а внутри—живописью. Къ числу древностей въ Угличѣ принадлежитъ Покровскій монастырь; онъ имѣлъ до 3,000 душъ крестьянъ,—управлялся какъ и теперь Архимандритомъ; его монахи сражались нѣкогда противъ Поляковъ; онъ былъ любимымъ мѣстомъ богомолья Угличскихъ Князей; его посѣщали также Московскіе Князья и Цари. Основатель сего монастыря Преподобный Паисій прославилъ себя и свой монастырь святостію своей жизни, высокими добродѣтелями, мудростію ума, а по смерти—Св. своими мощами нетлѣнными.

III.

Окрестности Углича.

Западная, или за-волжская сторона довольно возвышенна, изрѣзана оврагами и особенно рѣч-

кою Корожечною, которая оплодотворяетъ почти весь Мышкинскій уѣздъ. И потому красота мѣстоположенія и плодородіе земли привлекли многихъ помѣщиковъ, которые по берегу Волги и Корожечны выстроили свои прелестныя усадьбы, таковы: Супоньева, Зыкова, Змѣева, Скрыпицына; всѣ онѣ въ виду самаго Углича. Всѣ эти усадьбы осѣнены прекрасными садами и рощами; тутъ же Богоявленская роща, далѣе Покровская, невольно манятъ взоръ и душу отдохнуть послѣ мятежнаго городскаго шума.

Между Супоньевскимъ домомъ и Волгою есть *Царское озеро*; это названіе носитъ оно изъ самой древности; въ немъ разводили и содержали разнаго рода рыбу для стола Угличскихъ Князей. Здѣсь разгуливали по озеру гордые лебеди и съ важностію ожидали чести быть сжаренными для Княжескаго стола. Напротивъ Царскаго озера, близъ Введенскаго монастыря, на мѣстѣ Супоньевской дачи былъ Княжескій хозяйственный дворъ, который служилъ всегдашнимъ запаснымъ магазиномъ; онъ былъ преисполненъ всякаго рода добромъ. Отсюда-то, какъ изъ кладовыхъ, шло чрезъ Волгу все то, что только нужно было для содержанія Князей, двора и гостей.

Какъ о Княжескомъ хозяйственномъ дворѣ говорятъ лѣтописи и преданіе, такъ же говорятъ онѣ и о *потѣшномъ*, или *охотничьемъ дворѣ и конюшняхъ*. По ту сторону Корожечны, на высокой горѣ, на мѣстѣ нынѣшняго *Краснаго села*, были прежде *Княжескій потѣшный дворецъ* и *охотничій дворъ*. Здѣсь Угличскіе Князья съ гостями, Боярами, боярскими дѣтьми и ближними людьми, тѣшились соколиною охотою.

Здѣсь —въ Красномъ селѣ, на пріятномъ мѣстоположеніи, въ виду своей столицы, отдыхали Угличскіе Князья послѣ удачной охоты и послѣ труднаго Княжескаго бремени. То былъ скучный вѣкъ, худое время и грубое обыкновеніе; тогда Князья и Цари не знали сладостныхъ наукъ, не вѣдали радостнаго просвѣщенія, не постигали обворожительныхъ художествъ и принуждены были, закинувши на плеча свою голову, слѣдить въ воздухѣ быстролѣтнаго разбойника птицъ— Сокола, и любоваться его кровавыми жертвами. Тогда не знали другаго удовольствія, какъ, оставя чертоги, порфиру и корону, выѣзжать съ избранными гостями въ загородные дворцы, чтобы позабыть на время свое Царское бремя, строгую важность и тягостныя приличія; здѣсь они являлись въ кругу друзей избранныхъ сердцемъ,

чтобы наслаждаться свободою, родствомъ и дружбою яко человѣки.

На Востокъ отъ крѣпости, около нынѣшней Флоровской церкви были устроены *Княжескія конюшни*. Здѣсь-то стояли борзые аргамаки, носившіе Владиміра Храбраго въ Куликовскую битву и Героя Шемяку во многія славныя сѣчи.

На Сѣверъ отъ Углича, на крутомъ берегу Волги, видно прекрасное мѣстоположеніе, увѣнчанное прелестною липовою рощею, которая осѣняетъ село *Золоторучье*, названное отъ протекающаго здѣсь ручья, въ которомъ, по преданіямъ находили золотой пѣсокъ, вымываемый хрустальною водою. Отсюда—съ высокаго берега, Екатерина Великая любовалась Угличемъ и его окрестностями; преданіе говоритъ, что она нарочно останавливалась здѣсь, чтобы насладиться прелестнымъ мѣстоположеніемъ Углича. А въ наше время, въ проѣздъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА Наслѣдника Цесаревича Великаго Князя Александра Николаевича, Г. Жуковскій срисовалъ отъ Собора Золоторучье и обѣ стороны зміе-образной Волги. Значитъ мѣстоположеніе Углича прекрасно, когда

обратило на себя взоры великихъ, геніальныхъ людей, поэтовъ—творцовъ красоты.

На Востокъ отъ Углича идутъ расходясь двѣ дороги—Рыбинская и Ярославская; онѣ освѣнены березовыми аллеями, которыя служатъ памятникомъ во всей Ярославской губерніи незабвенному Губернатору Безобразову—умному, дѣятельному и справедливому вельможѣ.—На Юго-востокъ вся сторона открыта; а на Югъ, верстъ на 5-ть до самой Волги, простирается Рыжичникъ—прекрасная сосновая городская роща; ее прорѣзываютъ двѣ столбовыя изъ Углича дороги—Ростовская и Московская. За рощею, въ шести верстахъ отъ Углича, протекаетъ *Грѣховъ ручей.* Это ужасное для Угличанъ имя напоминаетъ имъ звѣрообразныхъ убійцъ Царевича Димитрія. Молодые злодѣи—Волоховъ и Качаловъ, (какъ говоритъ преданіе), оставя стараго злодѣя Битяговскаго и другихъ,—бросились было бѣжать; но, опутанные грѣхомъ, ослѣпли, или одурѣли, и отъ ручья этого воротились опять въ городъ, чтобы получить казнь, достойную ихъ злодѣянія. Городъ Угличъ, кромѣ того, что древенъ, славенъ въ Исторіи,—но и теперь есть одинъ изъ лучшихъ уѣздныхъ городовъ въ цѣлой Имперіи. Его обширность, очаровательная наружность'

сребристыя струи Волги, ея крутые берега, причудливые изгибы, прелестныя окрестности, сады и рощи, способны очаровать самаго хладнокровнаго человѣка.

IV.

Почва земли.

Угличскій уѣздъ орошаютъ Волга, Юхоть, Улейма, начало Которосли и маленькіе ручьи. Изъ древности Угличъ славился своими огромными и дремучими лѣсами; время, пожары, близость города, его кожевенные заводы и бумажныя фабрики много ихъ истребили. Мышкинскій уѣздъ весь отапливается Угличскими дровами и обстроивался прежде его лѣсомъ. При всемъ этомъ истребленіи Угличскихъ лѣсовъ Юго-восточная его сторона и Южная изобилуютъ еще обширными лѣсами. Впрочемъ нынѣшняя дѣятельная промышленность проникаетъ уже въ трущобу лѣсовъ, устроиваетъ заводы, чтобы и болотистые лѣса приносили должную свою пользу.

Сколько Угличскій уѣздъ изобилуетъ лѣсами, кустарниками и болотами, столько напротивъ

мало въ немъ хорошей для хлѣбопашества земли, Потому что почва его вообще ровная, низменная и часто болотистая, а грунтъ земли глинистый, песчаный и каменистый. Итакъ неблагодарная почва Угличской земли не въ состояніи прокормить города и уѣздныхъ своихъ тружениковъ. Крестьяне Угличскаго уѣзда десятками тысячъ пустились промышлять, каждый по своимъ средствамъ и способностямъ, въ Питеръ, Москву, Ригу, въ Одессу, и гдѣ Ярославцевъ не найдешъ?... Всесильная нужда заставила и научила ихъ быть дѣятельными, смѣтливыми и вообще промышленными и торговыми, а слѣдовательно и богатыми, но только въ отношеніи роскоши, которая заражаетъ ихъ въ Столицахъ.

V.

Древняя и нынѣшняя торговля Угличанъ.

Нужда и бѣдность, избытки и роскошь, хотя противуположныя крайности между собою, но обѣ вмѣстѣ двигаютъ одно и тоже колесо, названное промышленностію, а въ высшей степени торговлею.—Древніе Финикіяне и среднихъ вѣковъ Голландцы послужатъ этому доказательствомъ. Бѣдныя средства къ пропитанію вынуж-

даютъ смышленныхъ людей прибѣгать ко всѣмъ возможнымъ способамъ промышленности, чтобы улучшить свое благосостояніе, нужда выгоняетъ людей изъ мирнаго кроза, заставляетъ ихъ переплывать неизвѣстныя и неизмѣримыя моря, подвергаетъ ихъ всякаго рода опасностямъ, чтобъ снискать средства къ пропитанію. И что прежде необразованные варвары добывали себѣ мечемъ, кровію и грабежемъ, то нынѣ замѣнила въ милліонъ разъ выгоднѣе благодѣтельныя промышленность и торговля.—О, Божественное просвѣщеніе! Ты отвратило навѣки отъ насъ Чингисъ-Хановъ и Аттилъ, и являешь намъ мирныхъ и благодѣтельныхъ Финикіянъ, ты удаляешъ насъ отъ грѣха и приближаешь къ Богу! Мы умѣемъ теперь заработать себѣ пропитаніе, а прежде не имѣли другихъ средствъ, кромѣ меча.

Угличане изъ самой древности, не имѣя подъ руками средствъ, которыя бы вполнѣ удовлетворяли потребностямъ общественной жизни, необходимо должны были, подобно Финикіянамъ и Голландцамъ, изобрѣтать средства къ пропитанію, чтобы замѣнять ими неблагодарность холодной, лѣсистой и болотистой Угличской земли; она тогда была еще вовсе не разработана и покрыта лѣсомъ.

И такъ Угличъ изъ самой глубокой древности не могъ оставаться въ бездѣйствіи; нужда его заставила торговать; а примѣры Новгорода, Пскова, Суздаля, Владиміра, Ростова и Ярославля, а потомъ и Москвы должны были дѣйствовать и на Угличъ. Угличъ могъ доставлять Новгороду внутреннія произведенія Россіи, и на оборотъ—товары Ганзейскаго союза могъ перепродавать и развозить во внутренность оной. Хотя древнихъ и историческихъ актовъ мы не имѣемъ о торговлѣ Угличанъ; но нельзя тоже вообразить и того, чтобъ Угличъ, при его обстоятельствахъ, вовсе не торговалъ. Тогда некому было записывать торговые обороты, во первыхъ потому, что они были маловажны,—во вторыхъ потому, что иностранцы получали товары изъ рукъ Новгородцевъ и Псковитянъ. Но съ тѣхъ поръ,какъ Россія сосредоточилась въ Москвѣ, и когда Англичане стали торговать съ Россіею чрезъ Архангельскъ: тогда дѣятельно стала обращаться Русская торговля, тогда оживилась Сѣверная Россія; съ тѣхъ поръ уже можно находить многіе акты о торговлѣ и промышленности Угличанъ. Напримѣръ, двѣ грамоты Іоанна Грознаго, напечатанныя въ *Собраніи древнихъ актовъ*: первая, 1582 *году, данная Бѣло-*

зерскому Кириллову монастырю, которою разрѣшается крестьянамъ сего монастыря варить селитру, по числу пашенныхъ сохъ и доставлять оную въ Москву въ Пушечный Приказъ. Крестьяне Кириллова монастыря находились въ Бѣлозерскомъ Княжествѣ, въ Угличскомъ, въ Бѣжецкомъ верху, Костромѣ, Ростовѣ, Дмитровѣ, Пошехонъѣ и Клинѣ. Итакъ, ежели монастырскіе крестьяне, живущіе въ Угличскомъ Княжествѣ, варили селитру: то, какъ собственно Угличане, такъ и подданные сего Княжества могли имѣть селитрянные заводы; и ежели Кирилловъ монастырь получилъ привиллегію для крестьянъ своихъ поставлять селитру на пушечный дворъ: то крестьяне Угличскихъ Князей могли ее варить и торговать сю-съ Нѣмцами чрезъ Новгородъ и съ Англичанами, которыхъ Конторы были въ Архангельскѣ и въ Ярославлѣ. И ежели существовали уже селитренные заводы: то естественно должны существовать сальные, кожевенные и другіе необходимыхъ въ общежитіи вещей. А ежели торговали съ Нѣмцами и Англичанами тѣмъ, или другимъ товаромъ; то значитъ и всѣми произведеніями Русской земли, которыя только требовались въ Западную Европу.

Внутренняя торговля Россіи должна быть

несравненно обширнѣе и разнообразнѣе противъ заграничной; ибо многочисленный народъ говорящій однимъ языкомъ, и занимающій собою всѣ три климата обширной Россіи, и имѣвшій почти безпрерывное сношеніе между собою, все видѣлъ, все зналъ, гдѣ что родится, гдѣ что раститъ, гдѣ что въ избыткѣ, гдѣ въ чемъ недостатокъ; все это вмѣстѣ необходимо должно произвесть всеобщую внутреннюю торговлю; а торговля произвела торжища и ярмарки. Вотъ Историческое доказательство: Весьегонскъ и Бѣжецкъ заспорили, гдѣ быть ярмаркѣ, и оба города подали Грозному челобитныя. Грозный, разбирая доказательства того и другаго города, рѣшилъ, чтобъ ярмарка собиралась *въ Угличскомъ Княжествѣ въ Бѣжецкомъ верху.* Въ челобитной исчисляются города и области, торгующіе на Бѣжецкой ярмаркѣ, между коими говорится и *объ Угличѣ какъ объ торговомъ городѣ.* (Въ Исторіи Карамзина). Такъ какъ Россія почти безпрестанно воевала-то съ внѣшними своими врагами, то одно Княжество съ другимъ, гдѣ непремѣнно участвовали и многіе другіе Князья, какъ союзники: то это всеобщее движеніе народа должно произвести слѣдствія почти равныя, какъ и крестовые походы. Такъ произошла описанная уже славная

Мологская ярмарка, куда съѣзжались не только Русскіе купцы, но и Нѣмцы, и Англичане, и Персы, и Татары, и Греки и Армяне; слѣдовательно сосѣдніе города—Ярославль, Ростовъ и Угличъ необходимо должны были участвовать въ столь обширной и столь близкой ярмаркѣ.

Карамзинъ въ Россійской Исторіи, исчисляя товары, идущіе изъ Россіи въ руки Нѣмцевъ и Англичанъ говоритъ: *Угличъ въ большомъ количествѣ доставлялъ бѣлки, горностаи и вообще пушные товары, добываемые въ дремучихъ его лѣсахъ. Они торговали такъ же: саломъ, селитрою, кожами и юфтью.*—Въ лѣтописяхъ Углича говорится, что *купцы Шетеневы—жители Углича издревле торговали съ Нѣмцами бѣлою юфтью,* что *они юфть и другіе свои товары мѣняли Нѣмцамъ и Англичанамъ на кубовую краску, сукна, разнаго рода матеріи и другія произведенія Юга и Запада.*

Итакъ Угличане еще во время Грознаго и Царевича Димитрія имѣли юфтяные заводы (*) и торговали ею съ Нѣмцами.—Благодаря дѣ-

(*) Можетъ быть рѣка Юхоть и Юхотская волость получили свое названіе отъ юфтяныхъ заводовъ, бывшихъ на ней.

ятельной торговлѣ Англичанъ, которые быстро подвинули нашу торговлю, какъ внутреннюю такъ и заграничную; они соперничали съ Ганзою, Голландіею, съ Франціею; требованія ихъ на Русскіе товары были безчисленны; ибо извѣстно, что наши товары вывозились тогда, какъ и теперь еще много вывозятъ за границу, необдѣланные, неочищенные, вчернѣ—сырцомъ, и потому чрезвычайно были дешевы.

До Петра Великаго все было въ такомъ видѣ и Русскіе товары и самая Россія, вчернѣ, необдѣланно, неустроенно; за то геній Петра искусно устроилъ огромную Государственную машину и двинулъ се разъ на-всегда своею мощною десницею, и съ тѣхъ поръ многочисленныя колеса огромнаго механизма дѣйствуютъ, постоянно возрастая и умножаясь по всѣмъ родамъ промышлености, торговли, ремеслъ, искуствъ и наукъ. Съ Петра Великаго историческіе факты о торговлѣ Угличанъ многочисленны. Вотъ напримѣръ: 1709 года Января 20-го указъ Петра Алексѣевича Царя всей Россіи Угличской Ратушѣ о томъ, что *Угличскій купецъ Никифоръ Чеполосовъ по Астраханской пропзжей (таможнѣ) явилъ привознаго товару: пять тай шелку, двадцать три таи кумачей, дэѣ*

бочки ладану, тая сафьяну, ..зныхъ цвѣтовъ, тая парчевая, и тая хлопчатой бумаги. Такъ какъ Чеполосовъ не объявилъ, сколько у него товару вѣсомъ и мѣрою: то указомъ велѣно отобрать у него показаніе. Этотъ указъ объясняетъ, что Угличскіе купцы торговали чрезъ Астрахань съ Персами, Хивинцами, Бухарцами, Армянами, а чрезъ нихъ даже съ Индѣйцами. Изъ сего можно вывести: 1) что не одинъ Чеполосовъ, но и другіе Угличскіе купцы торговали съ Астраханью; 2) что не съ одною Астраханью торговали Угличане, но ближе и естественнѣе, прежде всего чрезъ Новгородъ съ Ганзою, послѣ чрезъ Архангельскъ съ Англичанами, а при Петрѣ Великомъ уже и съ Петербургомъ и его портомъ.

Древній Угличъ съ самаго почти основанія своего долженъ былъ торговать; ибо всякое скопленіе народа на одномъ мѣстѣ, естественно и необходимо должно произвести разныя нужды и потребности общежитія. Такъ какъ Угличъ сдѣлался уже городомъ около 950 года по Р. Х.: то съ тѣхъ самыхъ поръ Князья, Бояре придворные и воины безпрестанно ѣздили,-то въ Кіевъ, который торговалъ съ Греками,-то въ Новгородъ, который торговалъ съ Нѣмцами;

слѣдовательно могли видѣть и заимствовать свѣдѣнія, какъ о товарахъ привозныхъ, такъ отпускныхъ, о цѣнахъ и о самыхъ выгодахъ торговли; возвратившися же въ Угличъ могли содѣйствовать торговлѣ Угличанъ-совѣтами, средствами и самымъ участіемъ.

Съ незапамятной древности и донынѣ *холщевая торговля* занимаетъ въ Угличѣ первое мѣсто. Она есть обширнѣйшая и разнообразная; ее составляютъ лучшее тонкое полотно, холсты разныхъ сортовъ, такъ равендукъ, пестрядка, пряжа и тряпка. Угличскіе купцы, мѣщане, посадскіе торгуютъ холстомъ, какъ въ Угличѣ на двухъ ярмаркахъ и на трехъ еженедѣльныхъ торжищахъ; такъ же ѣздятъ на всѣ сосѣднія и отдаленныя ярмарки, скупаютъ вездѣ холстъ, и потомъ передаютъ его въ однѣ руки Угличскихъ капиталистовъ. Знатнѣйшіе производители холщевой торговли снимаютъ подряды, и доставляютъ холстъ на обмундировку войскъ, въ больницы, и разныя казенныя заведенія, также иностраннымъ купцамъ. Торгующіе холстомъ называются *холщевниками*; они составляютъ самую многочисленную касту, которая имѣетъ свой особенный языкъ, свои правила и самые ухватки; все это отдѣляетъ ихъ общество отъ дру-

гихъ торговцевъ. Языкъ холщевниковъ никому неизвѣстенъ: его называютъ корельскимъ; но кажется, что онъ составленъ изъ Татарскаго, наприм: котюръ товарищъ-пріятель, верши-смотри, галямо-много, отзонь-отойди, бердожъ-бери, калымъ-барышъ, мазъ-человѣкъ, жохъ-мужикъ, мазиха-женщина, куба-баба, каривонъ-дѣвица, оманный-подозрительный, човый-хорошій, жуль-ножикъ, сумакъ-хлѣбъ, иканя-копѣйка, бирекъ-три коп., сношечникъ-5 коп. сереб. марочникъ-гривенникъ, хасъ-домъ, азямъ-армякъ, волоха-рубаха и проч.; этимъ языкомъ говорятъ Угличскіе, Кашинскіе и Бѣжецкіе холщевники и другіе, и притомъ съ давнихъ поръ; слѣдовательно отъ временъ Татарскаго владычества.

Торговля хлѣбомъ есть также обширная въ Угличѣ; множество купцевъ занимаются сю; множество лавокъ наполнены хлѣбомъ и множество барокъ на огромныя суммы перевозятъ хлѣбъ изъ низовыхъ губерній въ Петербургъ.

Третіе мѣсто занимаетъ *торгъ кожами и саломъ*; сіи товары покупаются на Макарьевской, коренной и Ростовской ярмаркахъ, и во многихъ другихъ мѣстахъ. Сіи товары передѣлываются на заводахъ Угличскихъ купцовъ, и доставляются ими къ Петербургскому порту; другіе

купцы снимаютъ подряды и выдѣлываютъ товаръ собственно для обмундировки войскъ. *Солѣные заводы* въ Угличѣ также довольно обширны и въ цвѣтущемъ состояніи. *Торговля лѣсомъ* производится только для Углича и потому довольно маловажна. *Торговля красными и всякаго рода товарами* чрезвычайно обширна, судя по уѣздному городу. Изъ Мышкина, Кашина и Калязина пріѣзжаютъ за товарами, и всѣ четыре уѣзда почти довольствуются ими; и потому немного въ Россіи уѣздныхъ городовъ, такъ дѣятельно торгующихъ, какъ Угличъ.

Угличскіе купцы въ числѣ ста тридцати капиталовъ, объявленныхъ въ Думѣ, дѣятельно торгуютъ;—кромѣ купцевъ, всѣ жители Углича-мѣщане и посадскіе наперерывъ торгуютъ, ревнуя другъ другу. Впрочемъ эта второстепенная хотя обширная, но раздробленная торговля соединяется наконецъ вся въ рукахъ Угличскихъ, капиталистовъ.—*Знатнѣйшіе Угличскіе производители торговли, фабриканты и заводчики*, во первыхъ: братья *Зимины*, первой гильдіи купцы и почетные граждане. Они изъ незапамятныхъ временъ ведутъ обширную торговлю по разнымъ ея вѣтьвямъ; они имѣютъ фабрики и заводы, особенно кожевенные. Купцы Зимины

имѣютъ въ Угличѣ много каменныхъ, огромныхъ и красивыхъ домовъ; въ одномъ изъ нихъ почевалъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО Наслѣдникъ Цесаревичъ Великій Князь Александръ Николаевичъ. Онъ проѣзжалъ чрезъ Угличъ въ 1837-мъ году, и подарилъ радушнымъ хозяевамъ драгоцѣнный перстень, осыпанный бралiантами. (*) Какъ Зимины, такъ и другіе Угличскіе купцы имѣютъ въ Петербургѣ торговыя Конторы, потому и торговля ихъ производится преимущественно съ Петербургомъ и его портомъ.

Второй гильдіи купцы братья *Переславцовы*, имѣютъ кожевенный заводъ и за хорошую выдѣлку на немъ товаровъ получили двѣ серебреныя медали; торгуютъ красными товарами и вообще производятъ значительную торговлю. Второй гильдіи купцы *Кожевниковы*: они изстари имѣли кожевенные заводы обширные по производству работъ; имѣютъ также обширныя фабрики, при которыхъ имѣютъ до ста душъ крестьянъ и вообще производятъ значительную торговлю. Первой гильдіи купецъ *Братцовъ* производитъ обширную торговлю: холстомъ, тряпкою,

(*) ИМПЕРАТОРЪ также останавливался въ домѣ Зиминыхъ и подарилъ другой перстень.

хлѣбомъ чрезъ свою Контору въ Петербургѣ. Второй гильдіи купецъ и почетный гражданинъ. *Выжиловъ* имѣетъ кожевенный заводъ и вообще торгуетъ на большіе капиталы... Второй гильдіи купецъ *Бычковъ* имѣетъ прекрасный по производству и обширный по богатству свѣчный заводъ и съ успѣхомъ торгуетъ хлѣбомъ и другими товарами. Первой гильдіи купецъ *Истомпнъ* производитъ обширный торгъ хлѣбомъ и другими товарами. Третьей гильдіи купецъ *Хорхоринъ* славится произведеніями изъ золота, серебра, бронзы и меди. Кромѣ помянутыхъ здѣсь есть еще и другіе фабриканты и заводчики. Писчебумажныя фабрики купца *Попова* заслуживаютъ особенное вниманіе, ихъ три; одна въ Угличѣ на рѣкѣ Корожечнѣ, а другая на Улеймѣ въ тринадцати верстахъ, третья тоже недалеко. При фабрикахъ Поповъ имѣетъ до 200 душъ крестьянъ. Произведенія сихъ фабрикъ извѣстны по всей Россіи; ибо онѣ славятся, какъ обширностію производства, такъ и добротою самой бумаги разныхъ сортовъ и видовъ.

Кромѣ барокъ, нагружающихся въ другихъ пристаняхъ Россіи и принадлежащихъ Угличскимъ купцамъ, наприм: Ермакову, Журавлеву и

другимъ, собственно въ Угличѣ строится ихъ ежегодно до 20-ти и болѣе.

Въ Угличѣ ежегодно бываетъ, двѣ ярмарки: Казанская 8-го Іюля и Рождественская 26-го, Декабря, и три еженедѣльныя торжища: въ Понедѣльникъ, въ Среду и Пятницу.

Городъ получаетъ ежегодно дохода двадцать пять тысячъ и болѣе.

ЧИСЛО ЖИТЕЛЕЙ ВЪ УГЛИЧѢ въ 1840-мъ ГОДУ.

Жителей въ Угличѣ всѣхъ званій, обоего пола считалось *болѣе десяти тысячъ.*

Церквей въ Угличѣ	27	*Обывательскихъ домовъ:*	
Монастырей	3	Каменныхъ	213
Общественныхъ зданій:		Деревянныхъ . . .	927
Каменныхъ	5	Писче-бум. фабрикъ.	3
Деревянныхъ . . .	2	Полотняныхъ . . .	3
Учебныхъ заведеній	5	Кожевенныхъ завод.	6
Богадѣльня	1	Свѣчныхъ	3
Больница	1	Шляпный [.	1
Воспитательн. домъ	1	Лавокъ	497
Тюремный замокъ	1	Гостинницъ	10
Солян. магазиновъ	2	Пивоваренныхъ . .	3
Винный подвалъ .	1	Погребковъ	11
Мостовъ: Каменныхъ	5	Питейныхъ домовъ	10
Мостовъ: Деревян.	6		

Сокращенные примѣчательнѣйшіе указы, писанные Россійскими Самодержцами въ Угличъ.
(Взято изъ собранія Указовъ И. П. Серебреникова.)

I.

1700 года Указъ Петра Великаго Угличскимъ Земскихъ дѣлъ, таможеннаго и кружечнаго двора Бурмистрамъ: 1-е, описать и привести въ извѣстность всѣ церковныя и монастырскія имѣнія: земли, лѣса, пустоши, мѣльницы и все, что только приноситъ имъ доходъ; 2-е, освидѣтельствовать богадѣльню, чтобъ въ ней не было между увѣчеными здоровыхъ; а если найдутся подобные лѣнивцы: то отсылать ихъ въ Азовъ и другіе завоеванные города на работу; а въ больницѣ содержать однихъ только дѣйствительно нищихъ, и чтобъ они ни подъ какимъ видомъ не бродили по городу и деревнямъ; 3-е, давать изъ казны Соборамъ, Церквамъ и Монастырямъ, и ихъ священно и церковно-служителямъ жалованье. Какъ здѣсь изложено:

1.) *Собору Преображенія въ Угличъ:* на просфоры и на кутью двѣ четверти ржи, по девяти алтынъ за четверть. За три пуда и 20-ть фунтовъ воску—4 руб. 11-ть алтынъ и 4 деньги. Двумъ

Дьячкамъ по 1-му рублю 28-ми алтынъ и по 2 деньги, ржи по двѣ четверти и по полутора четверика, овса по томужъ на каждаго; Пономарю 18-ть алтынъ и одна деньга, ржи двѣ четверти безъ полуосьмины, овса тожъ. —Кутейнику и просвирнѣ по 18-ти алтынъ и одной деньгѣ, ржи по двѣ четверти съ осьминою и по получетверику на каждаго, а овса тожъ. Сторожамъ десяти человѣкамъ на шубы и на сѣрмяги *полтора рубля на всѣхъ*; на соль 5-ть алтынъ имъ же десяти человѣкамъ: ржи по четверти съ полуосьминою и по получетверику и овса по томужъ на каждаго. А за тотъ хлѣбъ дается имъ по 15-ти алтынъ за четверть. Итого причетникамъ руги и за хлѣбъ 14 руб. и 21 алтынъ, а всего на церковные потребы и причетникамъ Собора 19-ть руб. 15-ть алтынъ.

2.) *Покровскому монастырю* отпускать на деревянное масло 13 рублей.

3.) *Церкви Царевича Димитрія на крови* давать: Попу 10-ть руб., ржи 7-мь четвертей и полтора четверика, овса тоже. Дьячку 4 руб и 4 четверти ржи и полтора четверика, овса тоже. Пономарю полтора руб. а ржи три четверти съ осьминою и полчетверика, овса тоже. Просфирнѣ одинъ рубль, ржи четверть и пол-

тора четверика, и овса тожъ; а на просфоры двѣ четверти безъ полуосьмины. Итого 22 руб. и 16-ть алтынъ, да ржи 24 четверти безъ четверика, а овса 22 четверти съ четверикомъ: по 15-ти алтынъ за четверть; итого денежнаго и хлѣбнаго 32 руб. и 31 алтынъ.

4.) *Церкви Похвалы Пресв. Богородицы*: Попу 2 руб., на воскъ 20-ть алтынъ и 5 денегъ; ржи три четверти съ осьминою и четверикомъ, овса тоже. Просфирнѣ ржи осьмину безъ получетверика, на просфоры ржи четверть и полтора четверика. Итого денегъ и за хлѣбъ 4 руб. 23 алтына съ деньгою.

5.) *Архимандриту Воскресенскаго монастыря* съ братіею за перевозъ чрезъ Волгу, принадлежащій сему монастырю, выдавать ежегодно по 15-ти рублей.

6.) *Церкви Петра и Павла* выдавать: на воскъ 4 алтына съ деньгою, а на просфоры 5-ть четвериковъ, 5-ть алтынъ и 4 деньги. Итого 9-ть алтынъ и 5-ть денегъ.

7.) *Церкви Рождества Христова*: на воскъ 4 алтына съ деньгою, на просфоры за четверть и полтора четверика ржи, 10-ть алтынъ и 4 деньги, а всего 14-ть алтынъ и 5-ть денегъ.

8.) *Церкви всѣхъ Святыхъ*: за четверть и

полтора четверика ржи на просфоры 10-ть алтынъ и 4 деньги.

9.) *Церкви Николая чудотворца Стараго:* на воскъ 4 алт. съ деньгою, на просфоры четверть и полтора четверика ржи, 10 алт. и 4 деньги; а всего 14 алт. и 5 денегъ.

10.) *Церкви Преподобнаго Макарія:* на воскъ 20 алтынъ и 5 денегъ, на просфоры четверть и полтора четверика ржи; а за нихъ 10 алт. и 4 деньги, а всего 31 алт. и 3 деньги.

11.) *Церкви Св. Апостола Филиппа:* на воскъ 20 алт. и 5 ден., на просфоры за четверть и полтора четверика ржи 10 алт. и 4 деньги, а всего 31 алт. и 3 деньги.

12.) *Церкви Св. Николая Чудотворца на Сухихъ Прудахъ:* на воскъ 20 алт., на просфоры за четверть и полтора четверика ржи 10 алт. и 4 деньги; итого одинъ рубль 2 алт. и 2 ден.

13.) *Церкви Николая Чудотворца на пескѣ:* за воскъ 4 алт. съ деньгою, на просфоры ржи за пять четвериковъ 5 алт. и 4 деньги; итого девять алтынъ и 5 денегъ.

14.) *Церкви Леонтія Чудотворца:* на воскъ 4 алт. съ деньгою, на просфоры четверть и полтора четверика ржи 10 алт. и 4 деньги, а всего 14 алт. и 5 денегъ.

15.) *Церкви Флора и Лавра:* на воскъ 4 алт. съ деньгою.

16.) *Церкви Алексѣя Митрополита,* указано давать: на воскъ 20 алт. и 5 денегъ, на просфоры ржи за четверть и полтора четверика 10 алт. и 4 деньги, а всего 33 алт.

17.) *Церкви Великомученицы Параскевы:* Попу полтора рубля, на воскъ 20 алт. и 5 денегъ, ржи четыре четверти, овса тоже; по 15 алт. за четверть, а всего 7 руб. 50 коп.

18.) *Церкви Введенія Пресв. Богородицы:* на просфоры за четверть и полтора четверика 10 алт. и 4 деньги.

19. *Церкви Василія Великаго:* на просфоры тоже.

20.) *Церкви Димитрія Селунскаго:* на просфоры за четверть и пять четвериковъ ржи 14 алт. съ деньгою.

21.) *Церкви Іоанна Предтечи:* только на воскъ 4 алт. съ деньгою.

22.) *Церкви Пророка Иліи:* на воскъ 4 алт. съ деньгою и на просфоры за четверть и полтора четверика ржи 10 алт. и 4 деньги; всег о 14 алт. и 5 денегъ.

23.) *Церкви Михаила Исповѣдника:* на воскъ 4 алтына съ деньгою.

Богадѣльнимъ нищимъ 35 человѣкамъ милостыни по 16 алт. на каждаго; а всего 15 р. и 28 алт., ржи по 2 четверика на каждаго, овса по тому же; всего 41 руб. 28 алт. и 3 ден.

Всего же ружнаго Царскаго жалованья на городъ Угличъ 138 руб. и 10 алтынъ.

II.

Въ 1698-мъ году Іюля 6-го Указъ Петра Великаго Угличскому *Головѣ Ѳедору Шелехову* съ товарищами. Посылаю въ Угличъ сто человѣкъ Московскихъ стрѣльцевъ, и поименный имъ списокъ, по которому, какъ значится, помѣсти 50-тъ человѣкъ въ тюрьмы Алексѣевскаго монастыря; а другіе 50-тъ человѣкъ посади по Угличскимъ городскимъ тюрьмамъ. Выдавай имъ изъ таможенныхъ и кабацкихъ сборовъ по 15-ти алтынъ на человѣка въ мѣсяцъ; и производи это жалованье съ 15-го Августа по такоеже число слѣдующаго 1699 года; а чрезъ годъ по полтинѣ въ мѣсяцъ, до новаго указа; и за каждый мѣсяцъ бери ихъ собственноручныя росписки.

III.

1686 года Апрѣля 20-го Указъ Великихъ Государей Іоанна, Петра и Софіи Алексѣевны,

Угличскому *Головѣ Ивану Долгову* съ товарищами. Дошла до насъ жалоба, что на Угличѣ берутся великія пошлины и беззаконные сборы. Береги и берегись, чтобъ брались только указныя пошлины и сборы и не съ товару, а съ рубля; а буде кто будетъ лихоимствовать, то тѣхъ наказывать публично безъ всякой пощады. Голова и цѣловальники будутъ за все отвѣчать, какъ люди присягавшіе чинить судъ и правду во всѣхъ Государевыхъ и общественныхъ дѣлахъ.

IV.

Въ 1697 году Указъ Петра Великаго Угличскому *Головѣ Карпу Каралышеву.* Угличанинъ Ивашко Поповъ билъ мнѣ челомъ, чтобы позволили ему служить у таможенныхъ и кружечныхъ Угличскихъ сборовъ приказнымъ.—Почему и помѣсти челобитчика въ должность, но только безъ жалованья.

V.

Указъ Государей: Іоанна, Петра и Софіи Алексѣевны 1683 года. Память Угличскаго Таможеннаго и кружечнаго двора *Головѣ Никифору Чепомосову. Угличскаго Собора Протопопу,* давать вмѣсто хлѣба, какъ прежде было, по 7

руб., да за столовый кормъ на троихъ, да на поминокъ по Царевичѣ Димитріѣ по 18 алт. съ деньгою. Дьякону и тремъ Попамъ по 3 р. 50 коп., и за столовый кормъ по 10 алт. и по полупяти деньги человѣку. Двумъ Дьяконамъ по 2 руб., и за столовый кормъ по 5 алт. и по полупяти деньги. Двумъ Дьячкамъ по рублю и 25 алт., за столовый кормъ по 3 алт. и по 2 деньги. Пономарю, просфорнѣ и кутейнику по полтинѣ, а за кормъ по 9 алт. человѣку. Соборнымъ 10-ти сторожамъ на шубы и сѣрьмяги по 16 алт. и 4 деньги каждому на годъ, а на соль 5 алтынъ. Томужъ Собору давать на годъ по пуду и 20 гривенокъ воску (*). Да ко Князю Роману Угличскому Чудотворцу два пуда воску. А вмѣсто воску выдавать ежегодно деньгами по одному рублю 6 алт. и 4 деньги за пудъ.

Выдавать всѣмъ ружнымъ церквамъ: по 2 руб. Попамъ, и по 20 алт. и 5 денегъ на воскъ. Выдавать также всѣмъ приходскимъ Попамъ, причетникамъ и просфорницамъ, вмѣсто хлѣбнаго деньгами по 9-ти алт. за четверть ржи, и по 6-ти алт. за четверть овса. Это жалованье

(*) Гривенки вмѣсто фунтовъ.

давать и слѣдующимъ по тебѣ Головамъ до новаго Царскаго указа.

VI.

1652 года Указъ Царя Алексѣя Михаиловича на Угличъ: *Воеводѣ нашему Герасиму Кузьмичу Шишкову.* Строго прикажи Угличскому Головѣ Никитѣ Иванову, чтобъ онъ не велѣлъ продавать вина въ посты и во всѣ постные дни, а въ мясоѣдъ продавали бы человѣку по одной чаркѣ, а въ праздники до обѣда не продавать вовсе, а́ Поповъ и Монаховъ не впускать въ кабаки и вина имъ отнюдь не давать.

VII.

(Сокращенная копія съ подлиннаго челобитья.)

Государю, Царю и Великому Князю Всея великія, малыя и бѣлыя Россіи Самодержцу Алексѣю Михаиловичу, бьетъ челомъ холопъ Твой *Угличскій Воевода Ивашко Пятовъ.* Въ нынѣшнемъ 1669-мъ году въ Апрѣлѣ били Тебѣ Государю, Царю и Великому Князю челомъ; Угличскіе Архимандриты и Игумены, и мнѣ холопу Твоему они также подали челобитье за своими руками, и тую Государь заручную челобит-

ную, подклся подъ свою отписку, я холопъ Твой послалъ Тебѣ Великому Государю къ Москвѣ: отписку вручить Тебѣ Государю, а ручную челобитную я холопъ Твой велѣлъ подать во Приказъ большаго двора, Твоему Государеву Окольничему Ѳедору Михайловичу Ртыщеву, да Дьяку Прокофію Коптеву. Челобитная состоитъ въ томъ, что въ 1669-мъ году по Февралѣ мѣсяцъ Угличскіе посадскіе люди продавали соль въ Угличѣ и въ уѣздѣ всякимъ чиномъ людей по 9-ти и по 10-ти алтынъ пудъ въ разновѣску, а теперь, (въ концѣ тогожъ года) всѣ кто торгуетъ солью, продаютъ въ разновѣску за пудъ по 30-ти алтынъ. Воньми Государь бѣднымъ людямъ и мнѣ холопу Твоему укажи Великій Государь.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Часть вторая.

ОПЕЧАТКИ.

Стр.	напечатано.	должно быть:
15.	сидяше	*седяше*
16.	Переславля	Переяславля
20.	Печенегъ	Печенѣгъ
—	и градъ	*а градъ*
26.	и воротиться,,	и воротиться;
—	Василій—онъ	Василій. Онъ
42.	наслѣдній	наслѣдственный
56.	Отечеству,сыновьями	отечеству сыновьями
69.	причиною о основаній	причиною основанія
71.	великосадныя	великопосадныя
76.	встрѣчею, Угличанъ	встрѣчею Угличанъ,
83.	взяли и разграбили	взялъ и разграбилъ
91.	въ 1248 году,	въ 1277 году,
99.	Какъ извѣстенъ	Какъ неизвѣстенъ
141.	Князя. искушеннымъ	Князя.Искушенный
168.	Ми	Мы
—	на удѣлену тебѣ въ темницу	на удѣлѣ и у тебя въ темницѣ
174.	отравленъ въ Новгородъ	отравленъ въ Новгородѣ
181.	вѣдомаго	ведомаго
184.	Князю, ихъ	Князю: ихъ
—	угодить Богу,	угодить Богу.

191.	сиротѣютъ,	сиротѣютъ.
—	тома 17	тома VI.
205.	Савойскихъ	Сарайскихъ
252.	глазъ не . . . . сводили заботливая	глазъ не сводили: заботливая
255.	оставить	составить
256.	Воротянскій	Воротынскій
260.	Мицевичъ	Мицкевичъ
—	Шведа	Шведка
270.	о поленѣ, а чемъ	о полѣнѣ, а о чемъ
271.	уже зналъ	не уже ли онъ зналъ
272.	своею	свасю
283.	не казни	не козни
297.	принима	принимала
300.	Нѣмцовъ. и Россіянъ	Нѣмцовъ и Россіянъ
320.	побѣдѣ	побѣду
363.	отдастъ	отгадаетъ
387.	исразанный	по раззоренный
402.	такъ	тикъ

2007113317